

Международная конференция "Маргиналии 2010: границы культуры и текста". Каргополь, 25-26 сентября 2010 г.

Тезисы конференции опубликованы: Международная конференция "Маргиналии-2010: границы культуры и текста", Каргополь (Архангельская обл. России), 25-26 сентября 2010: тезисы докладов / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Науч.-исследовательский вычислительный центр ; [редкол.: М. Ю. Михеев, А. Г. Кравецкий]. - Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. - 255 с.

* * *

Предисловие

Тезисы докладов

1. *Агеева Е.А. (Москва)*. Духовная и повседневная жизнь Каргополя нач. XX века по путевым записям старообрядческого священника Алексея Старкова
2. *Д.И. Антонов (Москва)*. Хохлатые шлемы и островерхие шапки:
3. Семантика изображений грешников в древнерусской иконографии
4. *Францишек Апанович (Гданьск, Польша)*. Память и художественная структура: «Воспоминания о Колыме» и «Колымские рассказы» Варлама Шаламова
5. *Ю.В. Балакшина (Санкт-Петербург)*. На каком языке говорит память? Феномен «церковно-культурного» воспоминания на материале «Автобиографических заметок» о Сергия Булгакова и «Воспоминаний» С.И. Фуделя
6. *Баранкова Г.С. (Москва)*. Взаимодействие текстов новгородского Софийского сборника XV в., связанных с древнерусской покаянной дисциплиной
7. *А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский (Москва)*. Авторские маргиналии во фразеологии (На материале романов Саши Соколова)
8. *Беглов А.Л. (Москва)*. «Завет» преподобного Зосимы (Верховского): текст, содержание, контекст
9. *Борис Беленкин (Москва)*. Чемодан Марголина или Случай Каргопольлага
10. *Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л. (Москва)*. Наука, этика и религия как основания идеологии
11. *М.А. Бобрик (Берлин, Германия)*. Кто такие александриты? (к проблеме происхождения Новгородской восковой книжки XI века)
12. *Бондаренко М.А. (Москва)*. Дневниковый текст в формировании языковой личности
13. *Н.Г. Брагина (Москва)*. Имитации подлинности: путь к освоению чужого
14. *И.В. Бугаева (Москва)*. Библейские цитаты как основа вторичного текста: к вопросу о границах интертекстуальности
15. *Ю.В. Булдакова (Киров)*. Приемы игровой поэтики в структуре дневникового текста
16. *Н.В. Бунтман, И.М. Зацман (Москва)*. О проекте создания компьютерного ресурса трудностей перевода : заметки на полях
17. *Паола Буонкрисиано (Рим, Италия)*. Италия и Первая мировая война в письмах Веры В. Хлебниковой
18. *М.А. Бурганова (Москва)*. Церковная скульптура в пространстве русской художественной культуры
19. *Е.И. Волкова (Москва)*. «Апокалипсис» Льва Толстого: предание или литературная мистификация?

20. *М.И. Воронцова (Москва)*. Контекст и текст: взаимодействие или противоречие?
21. *Е.В. Гладышева (Москва)*. «Совет нечестивых» или сонм праведников?
Соотношение слова и образа в иллюстрациях к первому стиху первого псалма в византийских и древнерусских маргинальных Псалтирях IX – XVI веков
22. *Глебкин В.В. (Москва)*. Историческая биография как научная проблема
23. *Голикова С.В. (Екатеринбург)*. Дневник Ф.Л. Карпинского – эго-текст провинциала рубежа XVIII-XIX вв.
24. *А.П. Дмитриев (Санкт-Петербург)*. Санчо Панса русской журналистики И.Ф. Романов-Рцы и его повременные «штучки» (по неизданным письмам)
25. *С.М. Евграфова (Москва)*. Речевые погрешности в мемуарах и речевое развитие личности
26. *Б.Ф. Егоров (Санкт-Петербург)*. Издание и комментирование писем
27. *И.А. Едошина (Кострома)*. «Междунаходимость» как сущностная характеристика дневниковых записей Бориса Шергина
28. *В.П. Ершов, Л.П. Михайлова (Петрозаводск)*. Памятник письменной культуры Заонежья 30-х гг. XX века (дневник крестьянина)
29. *В.В. Есипов (Вологда)*. Качество текста как показатель провинциальности (непровинциальности) литературы (на примере творчества вологодских «писателей-земляков»)
30. *Анна А.Зализняк (Москва)*. Дневник среди других речевых жанров с косвенным адресатом
31. *Н.Н. Запольская (Москва)*. Синсемия в метатекстах средневековой культуры
32. *Е.В. Зименко (Москва)*. Маргиналии на гравюрах и литографиях из коллекции Ф.Ф. Вигеля
33. *Ю. В. Кагарлицкий (Москва)*. Идеал героического поведения в контексте оппозиции «центр — периферия»
34. *О.А. Казакевич (Москва)*. Коллективизация в тундре (по материалам полевого дневника Г.Н. Прокофьева 1930 г.)
35. *Казимова Г.А. (Москва)*. Что за маргинал этот *дауншифтер*
36. *О.В. Карпова (Москва)*. «Олбанский язык» – маргинальное «правописание» русского Интернета
37. *Карташева Н.В. (Москва, МГУ)*. Миссионерские дневниковые тексты как объект культурологического исследования
38. *Т.А. Касаткина (Москва)*. Образ человека в современных «маргинальных» сообществах: маги и толкинисты
39. *И.М. Кобозева, Л.М. Захаров (Москва)*. «Наивное письмо» в сопоставлении со спонтанным устным и нормативным письменным дискурсом (на материале записок Е.Г. Киселевой)
40. *Кобяк Н.А. (Москва)*. Записки русского путешественника XII столетия с дополнениями читателей
41. *В.А. Кориунков (Вятка)*. Незванные гости на северорусских братчинах: «паны», разбойники, скоморохи
42. *А.Г. Кравецкий (Москва)*. Коммуникационная ошибка как движущая сила истории: Миссионерский совет при Св. Синоде (16.3.1945-19.10.1949)
43. *Крейдлин Г.Е. (Москва)*. Структурные и функциональные телесные аномалии
44. *Р. Н. Кривко (Москва)*. Между историческим языкознанием и исторической литургией: возникновение и развитие гимнографического жанра кондака у славян в 10-11 вв. по лингвистическим данным
45. *Т.А. Круглякова (Санкт-Петербург)*. Раннее детское поэтическое творчество
46. *М.А. Кучерская (Москва)*. Н.С. Лесков: выбор литературной позиции
47. *Е.Е. Левкиевская (Москва)*. «Наивное» членение исторического времени в крестьянских автобиографических текстах

48. *Левшун Л.В. (Минск, Беларусь). "Диариуш" (1646 г.)* препмч. Афанасия Брестского: проблема жанровой дефиниции
49. *Ленчиненко М.В. (Научная библиотека МГУ). Три слоя маргиналий на книгах Муравьевых*
50. *Леонтьева Н.Н. (Москва). От тундры до Москвы (пути творчества)*
51. *Леонтьева С.Г. (Санкт-Петербург). Пионерское «летописание» как одна из форм коллективной документальной словесности*
52. *Ликвинцева Н.В. (Москва). Речь Александра Блока в творчестве матери Марии (Скобцовой)*
53. *А.Ф. Литвина (Москва). Чаша из черепа: Сюжет и ритуал*
54. *Ф. Б. Успенский (Москва). «Мир, который как череп глубок...»: межкультурный сюжет и межъязыковая игра в русской поэтической традиции*
55. *А.Л. Лифшиц (Москва). Святой Александр Перский: периферия культуры, центр идеологии*
56. *свят. Феодор Людоговский (Москва). Дача Маркеловых: источники по истории одной семьи*
57. *М.Р. Майзульс (РГГУ). Дьявол в летописи: персонаж, топос, функция*
58. *И.И. Макеева (Москва). Культ св. Николая Мирликийского в русской культуре: «свое» и «чужое»*
59. *К. А. Маслинский (Санкт-Петербург). География России в зеркале школьных арифметических задач XIX-XX вв.*
60. *Е.Г. Местергази (Москва). "Замогильные записки" В.С. Печерина как эго-текст*
61. *М.Ю. Михеев (Москва). **Рукопись «Тихого Дона» – один или два автора?***
62. *А.Б. Мороз (Москва). "Отчим наш" и "хлеб насущный". Рецепция и интерпретация церковнославянского языка в русских фольклорных текстах*
63. *Юрий Нечипоренко (Москва). Семейные предания военных лет: рассказы, воспоминания, пересказы*
64. *В.В. Нуркова, М.В. Днестровская (Москва). Психологический анализ культурного жизненного сценария в автобиографических нарративах старообрядцев*
65. *Осипова Н.О. (Москва). Повседневность в системе деструктивного сознания (на материале дневников Г. Эфрона)*
66. *Е.С. Островская (Москва). Письма и учено-комитетские рецензии Иннокентия Анненского: маргинальные жанры в корпусе текстов поэта*
67. *С.М. Панич (Москва). От святого Гинефора к отроку Славочке: к проблеме маргинальной агиографии*
68. *А.А. Плетнева (Москва). Лубочные гадательные книги и Священное Писание*
69. *Е.А. Потехина (Ольштын, Польша). Историко-культурологические, этические и правовые аспекты таинства покаяния (по материалам старообрядческих рукописей)*
70. *Разлогова Е.Э. (Москва). Нестандартные высказывания: между ошибкой и фигурой*
71. *А.А. Романова (Кишинев, Молдова). Время Элиаде & пространство Элиаде в «Дневнике» Мирчи Элиаде*
72. *Ирина Савкина (Тампере, Финляндия). «Переписывая себя»: автобиографические нарративы иммигрантов в Финляндию (1993-2000-е годы): случай Светланы*
73. *О.И. Северская (Москва). Дневниковая поэзия (Аркадий Драгомощенко, Лин Хеджинян, Доминик Фуркад)*
74. *С.Ю. Семенова (Москва). Ткань ушедшей жизни*
75. *Е.Г. Серебрякова (Воронеж). «Центр» и «периферия» в советской культуре 1960-х годов*
76. *Ю.А. Симакова (Екатеринбург). Место антропологической анимации в процессе трансляции культуры посредством информационных технологий*
77. *И.Ю. Смирнова (Москва). Западный мистицизм XV-XVII вв. в ракурсе деятельности святителя Московского Филарета*

78. *Е.М. Сморгунова (Москва)*. Каргопольский нарратив (Скрытый, латентный нарратив в Каргопольских и Онежских текстах договоров религиозных общин и описей имущества храмов)
79. *Соловьёв С.М. (Москва)*. Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция
80. *Елена Степанян (Москва)*. Изобразительность – «другой язык» словесности
81. *Sanami Takahashi (Hokkaido University, Japan)*. The State Historical Museum of Religion and the local Religiosity
82. *Тарабукина А.В. (Санкт-Петербург)*. Эзотерические путешествия Рушеля Блаво (на материале книг серии «Книга, открывающая тайны», вышедших под именами Р. Блаво и М. Мессинга)
83. *Н.Т. Тарумова (Москва)*. Письма Н.В. Бугаева к сыну: хроника отношений
84. *А.В. Уланова (НИВЦ МГУ)*. Комплексный подход в решении вопросов атрибуции письменных источников (на примере установления авторства книги «Село Виноградово»)
85. *Н.А. Фатеева (Москва)*. О стиле и читательской аудитории журнала «Сноб»
86. *Светлана Федоровская (Стокгольм, Швеция)*. Дневниковая проза И.А. Бунина: устойчивые темы
87. *Вера Хлебникова (Москва)*. Опыт медленного чтения. Вопросы профана (Книга Н. Алексеева "Ряды памяти" НЛО, Москва, 2008)
88. *Хоружая В.С. (НИВЦ МГУ)*. Некоторые проблемы расшифровки рукописных дневниковых текстов при создании электронной библиотеки
89. *А.В. Циммерлинг (Москва)*. Устная традиция в письменной культуре
90. *Андрей Чернов (Санкт-Петербург)*. Крюков и Шолохов. Об одном новейшем фальсификате
91. *И.А. Шаронов (РГГУ, Москва)*. Междометия в художественном тексте (роль и интерпретация)
92. *Е.Я. Шмелева (Москва)*. Опыт лингвистической футурологии: каким будет русский язык XXI в.?
93. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. (Москва)*. Анекдоты в русском «Живом журнале»
94. *М.А. Шмелева (Москва)*. Библиотечное столпотворение (Маргиналии на полях виртуальной книги)
95. *Е.Ю. Щербакова (Москва)*. Онтологические основы связности текста – роль в познании (на материале русских народных сказок)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях знаний. При этом целые пласты явлений оказываются маргинальными, попадают на «ничейную» территорию, находящуюся между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением и социологией и т. д. Между тем анализ подобных явлений с обращением к еще не осмысленному материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний и посвящена данная конференция.

Ее планируется проводить раз в два года. Она объединяет интересы ученых, работающих в следующих областях знаний – филологов (лингвистов, литературоведов и переводчиков, фольклористов, археографов), историков, искусствоведов, культурологов, философов, психологов, исследователей и преподавателей, связанных с изучением рукописных источников.

Предполагается участие в работе конференции исследователей из России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Германии, Финляндии, Польши, Франции, Италии, Англии, США и Японии.

Конференции проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского
Государственного университета им. М.В.Ломоносова (Москва)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Джорджтаунский университет (Вашингтон)

Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

междисциплинарные исследования, центр и периферия, граничные области, свое и чужое, границы культур, культурная и социальная стратификация, монастырская колонизация, духовная культура русского севера, дневниковый текст, эго-текст, автокоммуникация, автобиография, агиография, мемуары, «наивные» тексты, говорящий, пишущий, рассказчик, повествователь, адресат, микрожанры дневникового документа, «свое» и чужое слово, за-текст и подтекст, несобственно-прямая речь, заимствования, границы включения чужого текста, медиальное в тексте и маргинальное, проблемы подлинности

СЕКЦИИ И ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства

2) Текст на границе художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин. Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары, житие... Чужое слово в тексте. Проблемы подлинности текста

3) Творчество русского писателя Федора Дмитриевича Крюкова и проблема авторства «Тихого Дона»

ОРГКОМИТЕТ

Михеев М.Ю., доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета);

Кравецкий А.Г., кандидат филологических наук, с.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета);

Меерсон О.А., профессор Джорджтаунского университета в городе Вашингтон

Севастьянова Л.И., директор Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея

Тарумова Н.Т., ведущий специалист НИВЦ МГУ (секретарь оргкомитета).

Уланова А.В., программист I категории НИВЦ МГУ.

* * *

ТЕЗИСЫ УЧАСТНИКОВ

Агеева Е.А.

(Москва)

Духовная и повседневная жизнь Каргополя нач. XX века по путевым записям старообрядческого священника Алексея Старкова

Начало XX века в религиозной жизни России было наполнено дискуссиями о свободе вероисповеданий, о роли РПЦ, особенно среди последователей Старой веры, предчувствовавших, что, наконец, настал момент, когда можно «явить миру старообрядчество, как подлинное христианство, дабы оно могло стать в мире на подобающее место» (Зенин Н. Кажется пора. М., 1915. С.2). Не дожидаясь распоряжений свыше, старообрядцы – последователи Белокриницкой иерархии, несмотря на возможные опасности, начинают расширять свое влияние и вести проповедь на Русском Севере, где были сосредоточены сторонники беспоповских согласий. В далекие и рискованные путешествия, по благословению епископа Нижегородского, впоследствии митрополита, Иннокентия Усова в 1904 г. отправляется священник из села Спирино Нижегородской губернии о. Алексей Сергеевич Старков (1865 – после 1933 [?], в 1920-х гг. – священноинок Аввакум, встречавшийся с еп. Андреем Ухтомским) – известный батюшка, исполнявший не раз сложные поручения, связанные с изучением и освещением разных событий: посещал Саров во время открытия мощей о. Серафима, изучал предполагаемые мощи свв. мучеников Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала, обнаруженные в станице Карабулакской, и беседовал о них, проводил собеседования со многими известными в то время полемистами, а также совершил четыре поездки на Север. Вся его последующая жизнь также отличалась насыщенностью и разнообразием. Подробности биографии Старкова нуждаются в дальнейшем изучении. Особенность его деятельности состояла в том, что он вел путевые дневники и описывал беседы. Записи размножал на гектографе, и позднее они стали публиковаться в старообрядческой прессе, в том числе в 1-м томе журнала «Старообрядческий вестник» за 1905 г. появилась обстоятельная статья о. Алексея «Четыре поездки на север старообрядческого священника о. Алексея Старкова» (С. 581-598; 708-775).

28 мая 1903 г. отец Алексей впервые отправился на Мезень, в живописное село Семжу, основанное в патриаршество Никона семьей москвичей Филатовых, разросшееся к началу XX века до 30 домов. В церкви о. Алексей обнаружил книги древней дораскольной печати и старинные иконы. Оказалось, что в эти места, населенные беспоповцами, наезжают православные священники с новыми книгами, тогда древние убираются, а после их отъезда выкладываются вновь. О. Алексей побывал в находящихся

поблизости семецких кельях, где вел службу, записал много местных сказаний об основании келий и чудотворных иконах, посетил могилы усопших инокинь. К сожалению, в наши дни, очевидно, на основании миссионерских источников, о его пребывании в этих местах пишут следующее: «выдающий себя за священника крестьянин Нижегородской губернии Алексей Сергеевич Старков вместе с местным крестьянином Григорием Яковлевичем Ситниковым, одеваясь в священническое облачение, проводили богослужения на дому крестьян-старообрядцев» (Хрушкая Л.Н. К истории Семженского старообрядческого скита в Архангельской губернии.- www.samstar.ru). Три последующие поездки в 1904 г. о. Алексей совершил в Каргопольский уезд. Две из них, самые продолжительные и наполненные событиями, более подробно, по сравнению с публикацией, описаны в гектографе «Второе путешествие на север в Олонецкую губ., Каргопольский у. старообрядческого священника Алексея Старкова» (РГБ. Ф. 732. № 158). Это почти подневная летопись о жизни старообрядцев, о том, как батюшка научил их варить щи, поскольку в этих местах это не было принято, о беседах, посвященных необходимости священства и полемике с синодальными священниками и представителями власти, об устройении белокрыницкой церкви и прихода при ней из почти 150 местных крестьян, об аресте о. Алексея за его деятельность в пользу староверия, его заключении, где в камере он продолжает христианскую проповедь, о возвращении в эти места и устройстве в д. Потолицине, несмотря ни на что, новой моленной.

Тема распространения белокрыницкой иерархии в самом Каргополе развивалась также в переписке еп. Геронтия (Лакомкина), но была оборвана в 1917 г. Непосредственный увлеченный рассказ о. Алексея о событиях столетней давности позволяет восстановить оборванный «белокрыницкий» текст местной старообрядческой культуры, способный в то время её изменить.

Агеева Елена Александровна – научный сотрудник

Музея истории Московского университета, археограф

* * *

Д.И. Антонов

(Москва)

Хохлатые шлемы и островерхие шапки:

Семантика изображений грешников в древнерусской иконографии

Иконический образ – предмет поклонения, опосредованно возводящий человека к первообразу, поэтому включение в икону фигур простых, не святых людей, а тем более грешников, мог представляться здесь неоднозначной проблемой (этот вопрос обсуждался в средневековой Руси). Вместе с тем образы грешников присутствуют на периферии множества иконографических композиций и зачастую наделяются весьма любопытными чертами.

Как известно, негативные персонажи – грешники и бесы – чаще изображались в древнерусской иконографии в профиль, чем в анфас или в три четверти. Примечательно в то же время, что при изображении определенного круга неправедных персонажей использовался еще один символический прием, сближавший образ грешников с образом падших духов.

Христианская иконография демонов, в целом определившая будущие средневековые традиции, сложилась к IX в. и представляла два основных иконографических типа: каролингско-оттоновский (антропоморфный, с чертами античного сатира) и эйдолон (темная крылатая фигурка)^[1]. Образы первого типа наделялись поднятыми вверх волосами, напоминающими языки пламени или голову Горгоны, увитую змеями. Подобные изображения распространились в Византии и Европе, а затем и на Руси: с определенными модификациями (хохол, волосы, торчащие «стрелами», извивающиеся вверх «языками огня», стоящие дыбом; «остроголовость»), этот элемент превратился здесь в устойчивую отличительную черту сатаны и бесов.

В древнерусской иконографии воины-мучители, завоеватели, агрессоры и т.п. зачастую наделялись бесовскими чертами, что подчеркивало идею их служения сатане, одержимости их воли дьяволом. Иконописцы использовали здесь тот же символический прием: грешники изображались в шлемах с характерными диагональными прорисями-штрихами, превращавшими шлем в высокий хохол; в высоких островерхих шапках, либо с торчащими вверх волосами. Демонизированные при помощи этого

элемента образы грешников можно увидеть на самых разных иконах – как в среднике, так и в клеймах.

Наиболее распространенным случаем такого рода было изображение *римских легионеров*, участвовавших в мучениях и крестной казни Христа. Один, чаще несколько или все легионеры традиционно изображались в бесовских шлемах-хохолках^[2].

Аналогичный прием применялся к образу *неправедных воинов*. Так, на известной новгородской иконе конца XV в. «Чудо от иконы "Богоматерь Знамение"» («Битва новгородцев с суздальцами»)^[3] у нескольких ключевых фигур (центральный воин, воин-трубач) присутствуют хохлатые «бесовские» шлемы. Фигуры хохлатых воинов встречаются на самых разных иконах с изображениями праздников, эпизодов священной истории или святых.

Поднятые вверх волосы в некоторых случаях венчали головы *одержимых*. В клеймах житийных икон, посвященных экзорцизму, бес часто изображен в виде эйдолона, выходящего из уст / отлетающего от головы человека, либо в виде крупного эйдолона, отходящего в сторону от исцеленного. Отдельно представленная фигура демона фактически делает излишним другое указание на присутствие нечистого духа – хохол на голове одержимого. Тем не менее, в некоторых композициях оказались использованы оба приема: фигурка беса удаляется от человека с вертикально стоящими волосами^[4].

Наконец, с вертикальной прической и в островерхих шапках изображались *грешники в геенне огненной*, горящие там вместе с хохлатыми бесами. Яркие примеры такого рода можно увидеть на иконах «Страшный суд» XVI-XVII вв. из собрания ГИМ и Новгородского музея.

Замечательно, что образ «остроголовых»/хохлатых воинов-грешников нашел своеобразное продолжение в иконописи XX в., в изображении красноармейцев, расстреливающих христиан. На иконах «Новомученики и исповедники российские» островерхие буденовки красноармейцев (введенные в 1918 г. и призванные имитировать древнерусские шлемы) неожиданным образом вписали фигуры этих грешников в средневековый иконографический ряд, приблизив их образ к образу воинов-мучителей и римских легионеров, распинавших Христа.

Антонов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук, старший преподаватель

учебно-научного Института русской истории РГГУ

* * *

*Францишек Апанович**(Гданьск, Польша)*

Память и художественная структура: «Воспоминания о Колыме» и
«Колымские рассказы» Варлама Шаламова

Варлам Шаламов известен прежде всего по «Колымским рассказам» и в меньшей степени по стихотворениям. Еще меньшее число читателей знакомо с его публицистикой и мемуарной прозой. А тем временем был он замечательным эссеистом, с глубоким знанием рассуждающим о вопросах стиха и рифмы, о языке поэзии, о творческом процессе, о преобразованиях и возможностях романа после Освенцима и Колымы и т.д., а также писал воспоминания. Вполне законченные очерки, фрагменты мемуаров, подчас готовые новеллы не раз попадались и в многих его письмах. Выразилась в этом непреодолимая жажда поделиться с читателями своими взглядами, переживаниями, исключительным жизненным опытом и приобретенными в лагерях – тоже исключительными – познаниями насчет человеческой природы. При этом поделиться побыстрее, сию же минуту, так как лагерь отнял у писателя лучшие годы жизни и здоровье, и он очень спешил, как будто пытаюсь наверстать упущенное.

Может быть поэтому творческий процесс у В. Шаламова имеет, так сказать, несколько инверсированный характер, нет тут подготовительного периода, документальных зарисовок, предварительных набросков, ведения дневника и т. д., автор сразу же в большой спешке пишет главный шедевр своей жизни – рассказы, новеллы, очерки, соединяя их таким образом, что они становятся единой и цельной, при этом мощной художественной картиной. И только создав основной корпус «Колымских рассказов», он обращается к публицистике, в которой, между прочим, пытается осмыслить и обобщить свой – снова же исключительный – художественный опыт, создавая, между прочим, теорию «новой прозы» и «плутоническую» концепцию искусства. И уж после этого пишет ряд мемуаров, в том числе также «Воспоминания (о Колыме)». Естественно, его творчество не

ограничивается названным мною. Все это время Шаламов писал стихотворения, «попутно» возникали и такие прозаические произведения, как «Вишера. Антироман» (заглавие отражает теоретические поиски писателя), «Перчатка, или КР-2 (в какой-то мере второй, переосмысленный и более заостренный вариант «Колымских рассказов»», автобиографический очерк «Четвертая Вологда», о детстве и юности писателя, и проч.

«Воспоминания (о Колыме)» начинаются с кратких теоретических рассуждений насчет памяти и причин ее несовершенства, а также о языке, на котором нужно говорить с читателем, пытаюсь передать ему совершенно незнакомый и недоступный пониманию обыкновенного человека опыт, что не раз уже, впрочем, рассматривалось в очерках писателя, письмах и даже в некоторых рассказах колымского цикла. Затем повествуется о событиях – в хронологическом порядке. «Я» рассказчика тождественно авторскому и помещено оно в пространственно-временных координатах автора, поэтому соблюдается определенная дистанция к событиям, а рассказ о них чаще всего сопровождается авторским комментарием. Сами события в основном совпадают с событиями из «Колымских рассказов» и часто дополнительно поясняются автором воспоминаний, чего в колымском цикле не было.

Такая близость событийного плана в «Воспоминаниях (о Колыме)» и «Колымских рассказах» позволяет четко увидеть различия между обоими произведениями. В отличие от «Воспоминаний», в «Колымских рассказах» отсутствует хронология, а рассказ всегда ведется изнутри изображенного мира, из «здесь» и «теперь» событий. Рассказчиками являются участники этих событий, и в рассказе передаются их ощущения и чувства, их видение происходящего в данный момент. Важной деталью является то, что все мысли героев касаются только лагерного мира, говорят о повседневности лагеря, часто непонятной человеку извне. Лагерная действительность как будто застаёт читателя врасплох: совершенно неподготовленный, он вдруг оказывается внутри этой непонятной и страшной действительности. В этом и заключается поразительная сила воздействия «Колымских рассказов».

В результате «Воспоминания (о Колыме)» становятся чем-то вроде пояснения к колымскому сборнику, путеводителем по тому миру, который для читателя первого цикла оставался до конца не проницаемым. Эту роль отвел им, естественно, автор, но в читательском восприятии решает о ней художественная структура.

доктор филологических наук, профессор Гданьского университета,
филологический факультет (замдекана по делам Образования)

* * *

Ю.В. Балакшина

(Санкт-Петербург)

На каком языке говорит память? Феномен «церковно-культурного» воспоминания на материале «Автобиографических заметок» о. Сергия Булгакова и «Воспоминаний» С.И. Фуделя

Рубеж XIX и XX веков стал временем активизации диалога между представителями Церкви и светской культуры. В рамках религиозно-философских собраний и религиозно-философских обществ происходила встреча двух миров, которые различались «навыками, обычаями, даже самим языком» (З.Н.Гиппиус). Но более важной и плодотворной оказалась встреча двух миров, происходившая в личном духовном опыте представителей Церкви и культуры, сделавших шаг на встречу друг другу.

Личности С.Н.Булгакова и С.И.Фуделя являют собой пример синтеза церковного и культурного начал, что обусловлено и в том и в другом случае биографическими предпосылками. Булгаков и Фудель происходили из семей священнослужителей, воспитывались в традиционной церковной среде, затем получили хорошее светское образование, приобщились к сокровищам мировой культуры, и, обогащенные культурным наследием, возвратились к «стенам Церкви».

Созданная Булгаковым и Фуделем проза мемуарного характера демонстрирует формирование особого «церковно-культурного» дискурса, включающего, с одной стороны, пространственно-временные, культурные и языковые формы, выработанные русской прозой и поэзией, с другой –

элементы, заимствованные из библейского или православно-церковного контекста. Причем разница в возрасте определяет как культурные ориентиры мемуаристов (тексты Булгакова наполнены прямыми и скрытыми отсылками к Толстому, Достоевскому, Чехову, «Воспоминания» Фуделя более ориентированы на поэзию «серебряного века»), так и их церковный «идеал» (у Булгакова это приходской храм; у Фуделя – монастырь и старчество).

Вопрос о возможности синтеза церковной и культурной традиций становится предметом рефлексии обоих мемуаристов. У Булгакова он выражается в размышлениях о «святыне родины», в духовной реабилитации «земной тварной индивидуальности» человека через идею Софии, Премудрости Божьей. У Фуделя, пережившего в советской России гибель русской культуры, чаемое мыслителями рубежа веков единство Церкви и культуры оказывается чревато «раздвоенностью души», «немощью веры, боящейся идти до конца за Христом».

Однако, независимо от теоретического решения вопроса о роли и месте культуры, и Булгаков, и Фудель пользуются ее языком как привычным и единственно доступным им средством:

- 1) для выражения своего внутреннего мира;
- 2) для описаний явлений внешнего мира в их внутренней подвижности, одухотворенности, преодолевающей плоскую предметную реальность;
- 3) для универсальных обобщений, описывающих общечеловеческий, национальный или эпохальный опыт.

При этом «церковно-библейский язык» придает воспоминаемым событиям и явлениям вертикальное измерение или служит для создания образа особой реальности Небесного Царства, «отсветом» которой для Булгакова и Фуделя является подлинная культура.

Благодаря синтезу двух языков возникают неожиданные словосочетания («нежная, смиренно-целомудренная природа», «божественные логарифмы»), особая образность и своеобразный синтаксический строй, сохраняющий связь и с церковными песнопениям, и с миром русской поэзии.

Еще более глубокий уровень взаимодействия церковного и культурного начал в анализируемых мемуарных текстах нам видится в природе самого воспоминания. Неслучайно лейтмотивом «Воспоминаний» Фуделя становятся строки Батюшкова: «О память сердца! Ты сильнее / Рассудка памяти печальной». Опыт личного воспоминания оказывается

включен в контекст мировой памяти культуры. С другой стороны, воспоминание обретает качество литургичности: когда детали внешнего мира обретают природу знамения, символа, антитипа – образа, не столько напоминающего какое-то эмоциональное переживание, сколько возвращающего к пережитой некогда духовной реальности; когда воскрешается не только личный душевный опыт, но и образы «людей Церкви», незримо сослужащих на одной небесной литургии; когда таинственным образом происходит сопряжения разных пластов памяти: индивидуально-личностной, общекультурной, церковной и даже Божественной.

Балакшина Юлия Валентиновна
кандидат филологических наук

Старший преподаватель СФИ (Москва), докторант РГПУ им. Герцена (СПб)

* * *

Баранкова Г.С.

(Москва)

Взаимодействие текстов новгородского Софийского сборника XV в., связанных с древнерусской покаянной дисциплиной

Вопросы заимствований и взаимовлияния текстов, входящих в древнерусские сборники, являются до настоящего времени недостаточно изученными. Общеизвестно, что заимствования из одного произведения в другое делались древнерусскими книжниками весьма часто, и ценность полученного таким путем текста повышалась в зависимости от авторитетности привлекаемых для компиляции источников. Предметом настоящего исследования является сборник РНБ, собр. Софийское, № 1285, перв. тр. XV в. (далее Соф-1285). В состав сборника включены как древнейшие переводные южнославянские по происхождению произведения (Изборник Святослава 1073 г., Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского), так и переводы из Шестоднева Севериана

Гавальского и из Слова Адриант Иоанна Златоуста (оба памятника не находят соответствий в известных одноименных переводах). Широко представлены в сборнике оригинальные древнерусские произведения, в числе которых сочинения Феодосия Печерского, ряд антиязыческих, антилатинских и апокрифических статей, канонические сочинения, в том числе «Предсловие покаянию». Характерной особенностью Соф-1285 является несомненная древность его протографа (вероятно, относящегося к XII в.), что подтверждается не только его составом, но лингвистическим анализом. По правописанию рукопись локализуется как новгородская.

Составитель рассматриваемого сборника (или его протографа) не просто копировал тексты, но делал тематические выборки из больших по объему произведений, редактировал тексты, завершал или начинал подборки из произведений своими рассуждениями, в связи с чем границы некоторых сочинений становились размытыми. Сказанное относится к Изборнику Святослава 1073 г. (далее ИСв), Шестодневу Севериана Гавальского. Состав статей из ИСв, включенных в Соф-1285, по своему содержанию связан с темами, развиваемыми в другом тексте из этого же сборника – в «Предсловии покаянию». Это обширная тематически связанная с покаянием и обличением несправедного богатства выборка статей канонического характера из ИСв. При этом налицо взаимодействие текстов двух названных произведений.

«Предсловие покаянию» (далее ПП), древнейший памятник домонгольского периода, в котором выясняются отношения духовного отца и кающегося, представлен в Софийском сборнике в полной редакции, отличительной особенностью которой, отмеченной еще В. Изергиным, является вставка в нее части статьи ИСв «Добро ли есть прямы исповедовати грехы наша духовным мужем». Одновременно та же статья ИСв в Соф-1285 подверглась большим изменениям: в нее напрямую были включены фрагменты из ПП. Это вставка («Будеть бо попин груб, ли невежа, ли горд, ли гневлив, ли запончив, ли неразумием обдержим, к таковому не подобает исповедоватися»), дословно читающаяся в ПП. Далее наблюдается переделка части статьи ИСв под влиянием текста ПП и значительное сокращение конца статьи ИСв. Под несомненным влиянием текста ПП была отредактирована статья о мамоне в Соф-1285, при этом редактор сборника расширил границы ее текста за счет собственного заключения, в котором перечислил носителей тех же пороков, которые обличаются в ПП: это «лихомьци, грабители, резоимьци, задницеимьци, мьздоимьци, изгоистоимьци, клеветници и корчьмити», которые «не наследят Царства Божия». В заключительной статье из ИСв «Иоанна Златоустаго иже от

Деяний» составитель сборника добавил свою концовку: «Всякое же согрешение раздрушается делом творения, а не словом исповедания по научению святых отец, якоже есть писано в Предсловии покаянию». Особый интерес, проявляемый составителем сборника к ПП, взаимодействие текстов ИСв и ПП, наблюдаемое в Соф-1285, приводит к выводу о том, что появление полной редакции ПП может быть связано с составителем протографа Софийского сборника. При этом особенно интересно, что само древнерусское каноническое ПП было использовано для переработки статей южнославянского по происхождению ИСв.

Баранкова Галина Серафимовна, к. филол. н., в.н.с.
Института русского языка РАН им. В.В.Виноградова,

* * *

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский

(Москва)

АВТОРСКИЕ МАРГИНАЛИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ САШИ СОКОЛОВА)

Фразеологическая система языка стоит на трех китах: на неоднословности, идиоматичности семантики и устойчивости состава фразеологизмов. Устойчивость предполагает достаточно жесткие ограничения на образование вариантов. Так, вместо *сыграть в ящик* нельзя сказать *спрыгнуть в ящик*, *пойти к ящик* или *сыграть в коробку*. Однако для ряда идиом варьирование компонентного состава допустимо (хотя и в определенных пределах). Например, можно сказать и *откинуть коньки* и *отбросить коньки*. Любой другой глагол в этом случае невозможен, ср. аномальность выражений *выставить коньки* (при норме *выставить кеды*), *оставить коньки* и т.д.

Существующие запреты на модификацию состава фразеологизмов довольно часто нарушаются. Это объясняется двумя основными причинами. Первая причина системная: фразеологизмы, будучи единицами ментального

лексикона – как и слова, тем не менее, состоят из нескольких слов. Сложность формальной, синтаксической структуры порождает возможность варьирования. Вторая причина связана с коммуникативными намерениями говорящего. Часто, желая обеспечить большую силу воздействия сказанного, говорящий прибегает к сознательному нарушению стандарта. Именно последний случай и образует то, что можно было бы назвать авторской маргиналией во фразеологии. Маргинальность таких употреблений относится не столько к художественному стилю соответствующего автора, сколько к фразеологической системе языка в целом.

Рассмотрим важные примеры языковой игры, характерные для творческого метода Саши Соколова, из романов «Палисандрия» и «Между собакой и волком».

Синонимическая замена. Сущность этой модификации состоит в том, что компоненты идиомы заменяются на квазисинонимы с различным стилистическим эффектом. Так, замена слова *дело* в идиоме *дело табак* на лексему *обстоятельство* создает эффект языковой игры – намеренной необычности идиомы, привлекающей внимание читателя к использованному выражению: *Нет, сказали, оно у него не ахти, **табак его обстоятельство**, только и остается утех, что мыслете выделявать*. [Между собакой и волком]. Ср. аналогичный пример с идиомой *бери выше*: *Что журфиксы, отвечал он, **забирайте выше**, я там и на бенефисах свой человек*. [Между собакой и волком]. В качестве синонима может выступать жаргонное слово, ср. *помозолить гляделки* по сравнению с *мозолить глаза*: *Ты надежды на скорый отход мой покинь, еще помаячу там-сям, еще **помозолю гляделки** некоторым чуток, постою над душой у некоторых, послезит еще к небу бельмо мое*. [Между собакой и волком]. Отметим попутно, что замена глагола *мозолить* на *помозолить* также оказывается нестандартной заменой. Своеобразный стилистический эффект порождается заменой слова на антоним с отрицанием: ***Нету худа без нехуда**, вот и Дзындзырэла с удачей вдруг*. [Между собакой и волком]. В данном случае замена *добра* на «*нехудо*» позволяет концентрировать внимание читателя на негативных сторонах обсуждаемого.

Интересный случай синонимической замены представлен в следующем контексте. «*Простите меня, старика, Светлана Иосифовна,*» *писал я ей в частности, «но боюсь, Вы не ведали, что творили. Ваш батюшка ревности был восхитительно чужд. Да и к кому – среди сборища маразматических мозгляков и гнид, которые его тогда окружали и были рассеяны лишь с приходом Лаврентия - мог бы ее ревновать этот ладный*

*и годный еще хоть куда **Дон-Кихот без упрека и страха?***» [Палисандрия]. Здесь синонимическая замена (*Дон-Кихот* вместо *рыцарь*) сочетается со скрытой **контаминацией** **идиом** *рыцарь без страха и упрека* и *рыцарь печального образа* – альтернативном самоназвании Дон-Кихота. В этом контексте содержится еще одна авторская маргиналия: *Вы не ведали, что творили*. Стандартные условия употребления этой идиомы предполагают 3-е лицо настоящего времени: *Не ведают, что творят*.

Достаточно широко представлена и **несинонимическая замена компонента**. Ср. *С ноября по апрель, ежедневно, без выходных, бобылье и уроды наподобие Вашенского корреспондента звенят и крутятся на зеркале вод, а как смеркнется - так Вы приветствуете их в трехэтажной тошиловке, прозванной с чьей-то заезжей руки кубарэ*. [Между собакой и волком]. Здесь замена компонента *легкой* на форму *заезжей* обусловлена ситуацией: речь идет о некоем случайном человеке, оказавшимся в этой местности. Среди несинонимических замен выделяется особый подкласс – замена типа «часть – целое»: *Но вы сами **извилиной пошевелите**, куда я с данной вакансии соскочу, где еще дармового горючего вам всем, неприкаянным, нацежу*. [Между собакой и волком] (*извилиной* вместо *мозгами*); «А вы не **ошиблись случайно замком?**» спросил Модерати. [Палисандрия] (*замком* вместо *дверью*).

Часто изменение компонентного состава приводит к **изменению референтного статуса**, что в свою очередь порождает эффект материализации метафоры, лежащей в основе идиомы. Ср. *Вопрос хозяина поставлен таким ребром и глядит такую контрадикцию к общему тону беседы, что Ксенофонт Ардальоныч с Никодимом Ермолаичем прямо вздрагивают, будто кто из монтекристо тут выпалил*. [Между собакой и волком]; *Я обычно с коллегой одним соображал на двоих. Скажи подфартило: у него этой нет, а у меня противоположной, и мы **снюхались, как те бобики**. Два сапога – пара, нас с почтением все узнавали вокруг*. [Между собакой и волком]. Ввод указательного местоимения придает существительному в составе идиомы конкретно-референтный статус.

У Саши Соколова представлены и другие приемы материализации метафоры. Ср., например, прием **создания контраста**: *Берды представал перед Вами фигурой безыскусственной простоты, очевидности, был воплощенная ясность. Впрочем, не родился еще тот вышестоящий по званию командир, который отважился бы упрекнуть его в неотдании **чести**: прямота и спокойствие, с какими складеец держался*

перед любым начальством, не только **делали** Кербабаеву **честь**, но и не допускали никаких нареканий. [Палисандрия].

Нарушение семантической сочетаемости, влекущее модификацию значения. Ср. следующий контекст. *Насколько же нужно не уважать мать с отцом, живших, что говорится, **плечом к плечу**, чтобы на потребу сенсации намекать на какие-то страсти-мордасти в духе шекспировского «Отелло».* [Палисандрия]. В стандартном случае идиома *плечом к плечу* сочетается с глаголами типа *стоять*. Сочетание *жить плечом к плечу* производит эффект языковой игры.

В докладе рассматриваются также и другие случаи маргинального употребления фразеологизмов.

Баранов Анатолий Николаевич

зав. отделом экспериментальной лексикографии

Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

д.ф.н. профессор;

Добровольский Дмитрий Олегович

ведущий научн. сотр. Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

д.ф.н. профессор

* * *

Беглов А.Л.

(Москва)

“Завет” преподобного Зосимы (Верховского): текст, содержание, контекст

Это сообщение будет посвящено маргинальному тексту, созданному на российской периферии группой маргиналов. Текст этот – «завет», то есть договор преподобного Зосимы (Верховского; 1768–1833) с его первыми

тремя ученицами, составившими ядро небольшой монашеской общины, о принципах устройства этой общины. Он был создан в 1819 г. в деревне Сидоровка Кузнецкого уезда Томской губернии. Маргинальность составителей этих документов была обусловлена тем, что формально их сословное положение не соответствовало их фактическому социальному статусу.

По своей структуре «завет» делится на три части: В 1-й части наставник связывает свое вечное спасение со спасением трех своих учениц и обещает не покидать их «без благословныя вины». Во 2-й части ученицы также отождествляют свое личное спасение со спасением своего старца и каждой из духовных сестер, обещают быть откровенными ему и хранить ему послушание, а также не разлучаться с наставником и сестрами без согласия старца. 3-я часть – это совместная молитва руководителя и послушниц с просьбой укрепить их на избранном поприще, также завершающаяся обещанием «единому без других не желати наследити вечное небесное блаженство».

Этот текст уникален в русской и в целом в восточно-христианской аскетической традиции. Сами составители именовали его и обетом (обещанием), и заветом (договором), и завещанием, осознавая жанровое своеобразие этого документа. Определение «обет» не вызывает вопросов: документ состоит из череды обещаний. Понятно и именование его завещанием: речь идет о посмертной судьбе самого дорогого «имущества» – собственной души. Но особый интерес вызывает определение этого документа как «договор» (завет), поскольку именно оно заостряет наше внимание на взаимоотношениях наставника и его учениц, проясняя для нас, как мыслил прп. Зосима механизм православного духовного руководства (старчества).

«Завет» кратко формулирует обязанности послушниц и их руководителя. Обязанности послушниц – это: откровенность старцу (речь идет о практике «откровения помыслов»), послушание ему (жизнь «по повелению и совету» его), неразлучность с ним и с духовными сестрами, и главное – «усерднолюбительные чувства» к духовному отцу и к сестрам. Обязанности наставника: соединять заботу о своем спасении с заботой о спасении духовных детей, заботиться о том и другом в равной степени, испытывать к ним исключительно духовные, не порочные чувства, не оставлять их и всегда заботиться о них. Интересно, что «завет» оговаривает и «санкции» в случае его нарушения.

В чем причина составления этого документа? Главная цель написания «завета» – воспитательная. Последовательницы о. Зосимы должны были в полной мере почувствовать перемену своего положения и вполне осознать свои новые обязанности. Но одно это не объясняет причин составления этого текста. И здесь напомним о «зазоре» между формальным социальным статусом и фактическим положением прп. Зосимы и его учениц. Отсутствие пострига у них и «неформализованность» его пострига в соответствии с синодальными правилами были обусловлены расхождением представлений о монашестве, которые постулировала государственная церковность, и тем идеалом, который стремился воплотить в жизнь прп. Зосима. Ему было необходимо провести границу между тем и другим. Это расхождение было другой, главной причиной составления «завета» преподобного Зосимы и его учениц.

Беглов Алексей Львович, к. ист. наук, с. н. с. Института
всеобщей истории РАН

* * *

Борис Беленкин

(Москва)

Чемодан Марголина или Случай Каргопольлага

Это отдельные мысли, наблюдения, возникающие при чтении мемуаров бывших заключенных Каргопольлага.

Среди мемуаров – классические тексты Ю.Марголина, Т.Окуневской, Ю.Фельштинского, В.Фрида, А.Левитина-Краснова, Г.Герлинг-Грудзинского (всего опубликовано около трех десятков текстов, которые с разной степенью информативности посвящены целиком или в том числе Каргопольлагу). Научных исследований (монографий или статей), посвященных одному из заметных островов ГУЛАГа на сегодня нет. Таким образом, мемуары – единственный источник, используемый докладчиком...

Краткая характеристика Каргопольлага, место на карте Гулага. (Во время и сразу после Великой Отечественной войны на Запад стали прибывать польские граждане, побывавшие в Каргопольлаге. Они и составили первые обратившие на себя внимание мировой общественности свидетельства о ГУЛАГе. Именно поэтому о Каргопольлаге стало известно раньше, чем о многих других советских концлагерях.)

Специфика географического расположения, история. Первые годы существования: Каргопольлаг с Каргополем и без. Каргополь как Гулаговский град-Китеж...(город к названию ИТЛ с 1941 года уже никакого отношения не имеет!).

Особенности пространства Каргопольлага:

Производственная специфика (специфика лесоповала) – мигрирующие лагпункты (отсюда и зыбкость бытия з/к: постоянные переводы с одного лагпункта на другой, с одних работ на другие), природные особенности региона, уничтожение природы руками з/к.

Лагерная стратификация: смешанный контингент з/к – политические, бытовики и уголовники (блатные и ссученные) – их взаимоотношения; эффект соседства мужских и женских зон.

Константные внутрिलाгерные коллизии:

– конфликты «политики-уголовники», «блатные-ссученные», «работяги-начальники»...

– существование з/к в условиях «пограничья», «на грани». В первую очередь речь идет о таких категориях, как:

жизнь/смерть (и – постоянная зависимость от категорий: голод/сытость, легкие работы/тяжелые работы и др.);

тюрьма/воля (например, многомесячное ожидание освобождения польскими гражданами после начала войны СССР с Германией, заключения советско-польского договора и объявления амнистии полякам; случаи, когда освободившиеся остаются на работах в/при лагере; «повторники»; ожидания амнистии после смерти Сталина...).

Опасные (угрожающие жизни) последствия «пограничности» поведения и перехода из одного состояния в другое: из неволи на волю (и не только в случае побега!), при нарушении границ социальных страт (переход из блатных в ссученные, из «политиков» или бытовиков в приблатненные...);

Языковые границы: нарушение языковых норм как норма; случай языковой сублимации (лагерный рассказ Дунского и Фрида).

Неуместность ценностных категорий жизни на воле в условиях неволи, их противоречие необходимости постоянного присутствия мыслей, забот о выживании (чемодан Марголина). Использование любых доступных способов облегчения или перемены участи (постоянные попытки обмана – симуляция болезней, туфта на производстве, побеги и протестные действия вплоть до восстаний); пребывание в состоянии постоянного компромисса (с начальством, с солагерниками, с самим собой) как способ выживания.

Выживание при использовании противоположных моделей поведения – как исключение из правил (редкие случаи демонстрации з/к религиозности).

Каргопольлаг Post Scriptum: на месте прекрасных сосновых и еловых лесов – сотни километров болот (экологические последствия ГУЛАГовского производства), вместо десятков километров железных дорог – непроходимые топи, на месте лагеря (станция Ерцево)... – лагерь!

Беленкин Борис Исаевич

заведующий библиотекой общества

"Международный Мемориал"*

*(Организация признана иностранным агентом)

* * *

Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л.

(Москва)

Наука, этика и религия как основания идеологии

С одной стороны, мы исходим из факта потребности общества в идеологии, с другой, считаем, что ни одну идеологию невозможно навязать человеку, если он того не желает. Следовательно, остается предположить, что в основании идеологии лежат конкретные вопросы реального человека, при нахождении ответов на которые он использует принятые в обществе шаблоны. Потребность в идеологии наступает для индивида тогда, когда он, в силу каких-либо причин, не в состоянии ответить сам на смыслообразующие вопросы своего существования.

Мы предполагаем, что число этих вопросов ограниченное, потому что отношений, которые обуславливают факт длительного существования человека «как человека», немного. И, как любые отношения, они обусловлены не носителями, а характером связи между носителями. Первое – это отношение человека с природой или внешним для него миром, в состав которого могут входить даже другие люди, если отношения между человеком и этими людьми подчиняются исключительно природным законам (всё, что не такое, как «Я»), (например, сексуальный партнер, который обеспечивает «правильный секс»). Второе, это отношения между человеком и другими людьми, которые основаны на признании того, что другие люди такие же «Я». При этом «человеческое» отношение может распространяться на все, что человек «приручил», будь-то домашние животные, растения, машины и другие предметы, не имеющие никакого отношения к собственно социальной сфере (все, что такие, как «Я»). И, наконец, последнее – это саморефлексия по поводу собственного «Я»; оно вторично, т.к. возникает лишь в те моменты, когда в первых двух отношениях возникают проблемы, и достаточно устойчиво, потому что, будучи установленным, существует до следующих серьезных проблем в первых двух сферах.

Вступив в эти отношения, человек вынужден отвечать на ряд вопросов. При этом истинность ответа обуславливается определенной процедурой проверки – как осмысленности самого вопроса, так и адекватности полученного на него ответа. Первичная дихотомия «не Я» и «Я», лежащая в основании отношений, оказывает непосредственное влияние на эти процедуры, постепенно формируя две не зависящие друг от друга области исследований – науку и этику. Сложнее с третьим отношением: человека к самому себе как к «Я». По большому счету, никакой процедуры установления объективной истинности данное отношение не предусматривает. Изменение «Я» происходит в результате внутреннего переживания, которое принципиально недоступно процедурам эмпирических проверок. Однако вторичность саморефлексии, порожденной либо внешними по отношению к

моему «Я» проблемами, либо проблемами моего «Я» с «Другими как Я» порождает две близких, но отличных друг от друга формы самосознания человека: искусство и религию.

Вопрос об отношении к внешнему для «Я» миру можно представить как вопрос «как устроен этот мир?» Очевидно, что любая попытка ответить на этот вопрос должна проводиться с помощью конструирования таких категорий как объект (количество, качество), причина или отношения, в которых он (объект) взаимодействует с другими объектами. Любой эмпирический факт такого исследования должен быть теоретически нагружен, а любая теория должна рано или поздно быть подвергнута эмпирической проверке. Из идеального исследования должны быть удалены антропоморфизмы, а результат сформулирован либо в виде эмпирической закономерности, либо теоретического закона. Соблюдение всех этих правил позволяет получить ответ на вопрос «как именно функционирует предмет», который мы исследуем. В конечном счете, предсказать, как он будет функционировать в дальнейшем.

Вопрос «на что я могу надеяться?» есть парафраз проблем, которые возникают у человека при констатации несправедливости человеческих отношений. Как вести себя с другим человеком, чтобы при этом оставаться «человеком»? Необходимыми категориями, описывающими эти отношения, являются: «субъект», который берет на себя полную ответственность за свои действия, по отношению к другому субъекту; «поступок» (событие), в котором происходит взаимодействие с другим субъектом; «оценка» поступка с точки зрения цели или идеала и «дескриптивное определение» правильности или неправильности данной оценки, а также цель и идеал.

Ответ на вопрос «что есть я?» в традиции давала религия. Говоря более общо, этот ответ имеет смешанную — этически-эстетическую природу. Форма ответа определяется тем, что область этого вопроса есть сфера эмоционального, по существу в религии человек имеет дело исключительно со своими эмоциями и чувствами. Эмоция же не имеет субъекта, она имеет только форму.

Так как действительность, которой задаются данные вопросы, осмысленна, — сам вопрос принимает целесообразную форму: «за что я страдаю?» Это вопрос об определенности «Я» через соотнесенность его перспективы со смертью и жизнью социального слоя, сформировавшего уникальность данного «Я». Мы способны сопереживать чужому горю, но лишь свое собственное горе ставит перед нами проблему «переживаемости

мира». Смерть и страдания близких тебе людей обесмысливают твою жизнь. Ведь смысл жизни «Я» задается не из себя, его определяют люди, которые либо выступают для него как авторитет, либо для которых оно является авторитетом. И, если смерть прерывает эту связь, то вне данной ответственности социально-психологическая жизнь теряет смысл. Однако ни смерть, ни страдания невозможно предотвратить. Их причина может быть обезличенна, а справедливое отмщение невозможно или бессмысленно. Поэтому формой ответа становится наделение естественной социальной ситуации сверхъестественным, трансцендентным (хотя и природным) смыслом, но при сохранении обращения к этому трансцендентному как к субъектному. «Что я сделала тебе, почему ты так относишься ко мне?» или «Господи, помоги».

Тем самым в религии происходит как бы удвоение мира. Духовная потребность через переживание участия в ритуале порождает веру в Бога, как в определенную Картину Мира, чтобы получить объяснение, которое помогает пережить (выстрадать) возникшую духовную потребность. Человек, при помощи религии переходя через переживание из мира имманентного в мир трансцендентный, получает объяснение своей собственной имманентности. Именно поэтому конвертация религий невозможна, т.е. религиозный человек признает, что любой другой человек религиозен, но будет настаивать на истинности именно своей веры, т.к. в конечном счете, она имманентна именно его переживаниям.

Блюхер Федор Николаевич

к.ф.н., с.н.с. Института философии РАН;

Гурко Сергей Львович

н.с. Института философии РАН

* * *

Марина Бобрик

(Берлин, Германия)

Кто такие александриты?

(к проблеме происхождения Новгородской восковой книжки XI века)

В обзоре “скрытых” текстов Новгородского кодекса (далее НК), представленном в 2003 г. съезду славистов, А.А. Зализняк [1. С. 207, 204, 206–208, 211] отметил наиболее характерные особенности содержания этих текстов, прежде всего дуалистический взгляд на мироустройство, особую роль армян, Фракии и Лаодикии. Как автор, так и писец НК, полагает А.А. Зализняк, были приверженцами еретического (с точки зрения господствующей церкви) религиозного направления, которое условно может быть обозначено как *александритство* (по имени упоминаемого в НК святого Александра). В отношении происхождения этого направления в докладе было высказано предположение, что оно “восходит к дуалистическим учениям, принесенным во Фракию армянами” и представляет собой какую-то разновидность богомилства или павликианства. Сделанное на основе литературы по богомилству (автор доклада ссылается на книги Д. Ангелова, Йор. Иванова и Д. Оболенского), это предположение нуждается в проверке. В докладе реконструированные к настоящему моменту “скрытые” тексты НК сопоставляются с данными источников по истории гетеродоксии эпохи создания НК. Цель такого сопоставления видится в том, чтобы попытаться нащупать какую-то историческую реальность за “скрытыми” текстами НК, вокруг которых сохраняется атмосфера недоверия и скепсиса.

Речь в докладе идет о трех пересекающихся явлениях, которые определяли картину “ересей” эпохи и обозначались в византийских и славянских источниках терминами *павликиане*, *мессалиане* и *богомилы*. Ни один из этих терминов не является самоназванием группы; не сохранилось прямых свидетельств – сочинений, авторами которых были бы сами носители неортодоксальных идеологий (если верно, что автор и писец “скрытых” текстов НК сами были “еретиками”, то ценность памятника в этом отношении окажется беспрецедентной); все источники, которыми мы располагаем, написаны их оппонентами – представителями господствующей церкви. Кроме того, сами тексты НК являются результатом исключительной по трудности реконструкции, в ходе которой, по признанию А.А. Зализняка, неизбежны ошибки. Все это создает известные методологические трудности. Тем не менее именно “скрытые” тексты способны пролить свет на происхождение памятника в целом, так как текст псалмов на воске не удалось отождествить ни с одной из известных версий древнего текста славянской Псалтыри и пока не удастся отнести ни к одной из известных в Болгарии школ книжности [2. С. 11–19; 3].

Итоги проведенного исследования таковы. При нынешнем состоянии источников современные александритству гетеродоксальные явления предстают как религиозный континуум, в котором различные группы связаны друг с другом подобно диалектам одного языка. Общими для них оказываются не только территория (Фракия) и этнический состав (участие славян и армян), но и неприятие современной церковной практики, апостольский идеал, миссионерские задачи, дуализм (в той или иной его форме). Не случайно все они стоят в одном ряду и в формулах отречения для обращенных в православие еретиков, и в антиеретических сочинениях (в частности, Евфимия Зигабена). Отграничить эти явления друг от друга бывает трудно.

Предпринятое сопоставление позволяет наметить место в этом континууме группы, породившей НК, – *александритства*. По целому ряду признаков оно оказывается схожим с тем родом монашеского нон-конформизма [4], который в ересиологической терминологии эпохи XI – XII вв. обозначался как *богомилство*. Как и известные до сих пор богомильские группы, александриты представляют собой, по-видимому, результат синтеза близких “еретических” традиций (прежде всего, павликианства и мессалианства) и поэтому разделяют с богомилами ряд восходящих к этим традициям черт. Так, с *павликианством* эту группу сближает именование общин-церквей по новозаветным образцам, значимость в этой связи Лаодикии, понимание механизма предания как цепочки учителей и учеников, апостольский статус ересиарха. Одно из соседних с александритами мест в спектре фракийских “ересей” могли занимать богомилы-фундагиагиты.

Возникающая картина сходств и расхождений позволяет увидеть александритство как некоторую новую комбинацию известных до сих пор элементов “ересей” эпохи и подтверждает предположение о родстве александритства с балканскими гетеродоксальными течениями. Обращение к источникам по истории этих течений позволило не только в более развернутом виде представить аналогии, отмеченные ранее А.А. Зализняком, но и обнаружить новые параллели, сам факт которых свидетельствует, как кажется, об исторической реальности александритства и не позволяет списать тексты НК на фантазию расшифровщика.

В заключение доклада заново ставится вопрос о назначении новгородской книги. С учетом всего, что известно об НК на сегодняшний день, этот памятник предстает не пособием для обучения грамоте [5. С. 17], не ученической тетрадью для упражнений в каллиграфии и не сборником *josa monachorum* [6. С. 203–205], но записной книжкой, которой, по мнению

реставратора памятника, “лет 20–30 мог распоряжаться один из первых христианских наставников” новгородцев [7. С. 145].

Литература

1. *Зализняк А.А.* Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации.* М., 2003.
2. *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // *Вопросы языкознания.* 2001. № 5.
3. *Соболев А.Н.* Новгородская Псалтырь XI века и ее антиграф // *Вопросы языкознания.* 2003. № 3.
4. *Kusabu H.* The Byzantine View of the Bogomils: A Heresiological Approach. (21st International Congress of Byzantine Studies, London, 2006) // http://www.wra1th.plus.com/byzcong/paper/1/1.8_Kusabu.pdf
5. *Янин В.Л.* Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.* Москва, 2003.
6. *Алексеев А. А.* О новгородских воцеленных дощечках начала XI в. // *Русский язык в научном освещении.* 2004. № 2.
7. *Поветкин В.И.* Восстановление древних текстов: От берестяных грамот к восковой новгородской Псалтыри // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.* М., 2003.

Бобрик Марина Анатольевна

к.ф.н., научный сотрудник

ун-т имени А. и В. Гумбольдтов (Берлин)

* * *

Бондаренко М.А.

(Москва)

Дневниковый текст в формировании языковой личности

Постепенное ослабление речевой культуры общества и мотивации к формированию языковой компетентности ставит перед педагогикой задачу поиска путей преодоления данной негативной тенденции.

Изучение исторического опыта показывает, что одно из значимых мест в формировании языковой личности человека XIX века занимало создание дневникового текста. Причем культура создания дневника (записок, меморий, заметок, журналов, набросков, не говоря уже о письмах) охватывала самые разные слои общества, людей разных профессий и возрастов.

В последнее время происходит возрождение интереса к созданию дневникового текста, в основном, в молодежной среде в связи с формированием практики написания интернет-дневников. С одной стороны, многие из этих текстов характеризуются низкой речевой культурой, с другой – восстанавливается внимание к письменному тексту, который за несколько последних десятилетий фактически ушел из сферы активного употребления, пережил своего рода исход.

Это актуализирует обращение к сложившемуся в прошлом опыту, и в практике работы со студентами достаточно продуктивно использование разнообразных видов деятельности, опорой в которых становятся как дневниковые тексты и письма именитых персон (исторических, научных деятелей, писателей), так и мало известные тексты частных лиц.

Изучение дневников, путевых заметок, писем проводится прежде всего с точки зрения выявления свойственных этим текстам стилистических особенностей, характеристики идиостиля пишущего.

В плане влияния на развитие языковой личности современного студента это оказывается достаточно действенным способом убеждения в значимости создаваемого отдельной личностью текста как отражения его индивидуальности – творческих способностей, уровня образованности, начитанности, черт характера, степени зрелости, откровенности или закрытости, оригинальности, неординарности или заурядности, чувствительности или скованности.

Поскольку для студенческого возраста самоидентификация является одним из существенных компонентов становления собственно личности, признание значимости ее языковой составляющей, складывающееся в рамках работы с дневниковыми текстами, способствует формированию устойчивой потребности в развитии собственных речевых компетенций.

Особенный интерес вызывает у студентов работа с дневниковыми текстами, созданными людьми, близкими им по возрасту. Одним из таких текстов стал, к примеру, дневник «От Самары до Соловок и обратно. Дневник воспитанников Самарской духовной семинарии за время поездки с 11 июня по 6 июля 1899 г.» [Самара: тип. Самарской духовной консистории, 1899. – 133 с.].

Написанный от первого лица, дневник этот является анонимным, хотя в него включены среди прочих фактических данных имена семинаристов (автор называет их «молодой семьей»), проделавших путь от Самары до Архангельска и Соловков и обратно через Москву и Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Автор основательно и художественно совершенно рассказывает обо всех обстоятельствах путешествия, описывает архитектурные памятники, предметы старины, музейные коллекции и свои впечатления от встречи с ними. В текст включаются самые разные компоненты: письма-приглашения от ректоров академий по пути следования семинаристов, отрывки из песен, стихи. В описании пейзажей, предстающих его глазам, он достигает удивительной поэтичности, как будто красота земли передается эмоциональность пишущего, равнодушие ко всему, что его окружает.

Заканчивается дневник объяснением цели, которую автор преследовал при создании, а затем и публикации своего сочинения: «И моя скромная цель совершенно будет выполнена, если хоть в двух-трех юношах дневник этот зажжет искру желанья посмотреть старину русскую и помолиться перед гробницами великих предков...» [С. 132].

Анализ причин, послуживших ведению дневника, может стать одним из важных аспектов при их изучении. Осознанный характер такого решения уже сам по себе свидетельствует о значительной духовной зрелости создателя дневникового текста, что в системе со стилистическим исследованием таких сочинений становится одним из позитивных факторов активного становления сознательной языковой личности.

Бондаренко Марина Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка

Академия труда и социальных отношений (АТиСО)

Н.Г. Брагина

(Москва)

Имитации подлинности: путь к освоению чужого

Имитация рассматривается как одна из форм освоения / присвоения чужого. Предполагается описать, какими способами разные формы имитации выражаются в языке и как они соотносятся с культурными практиками. Будут проанализированы лексемы и сочетания: *копировать, подделывать, имитировать, стилизовать; окраска под дуб, платье под леопарда, мебель под старину; стрижка под мальчика; под видом родственницы, артиста, уборщицы...; под видом науки, деятельности...*

Языковой материал рассматривается на фоне и в связи с культурными практиками подмены, стилизации, фальсификации, симуляции.

Брагина Наталья Георгиевна
д.ф.н., профессор кафедры русской словесности
и межкультурной коммуникации Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

* * *

И.В. Бугаева

(Москва)

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ КАК ОСНОВА ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

1. В текстах религиозной тематики интертекстуальность проявляется прежде всего в явных и скрытых цитатах из Библии и творений святых

отцов. Такие цитаты призваны придать особую значимость всему тексту, подкрепленную авторитетом источников.

2. Структурно-функциональная особенность библейских цитат проявляется в композиционной организации текста. Анализ ряда современных притч, широко распространенных в прицерковном круге, позволяет определить новую функцию цитаты как основы вторичного текста.

3. Некоторые притчи строятся как диалог Бога и человека («Интервью с Богом», «А Бог сказал: «Нет», «Следы на песке», «Когда Бог отвечает тебе», «Бог и Маленькая Душа») и представляют собой яркий пример гиперкоммуникации как особого вида общения. «Гиперкоммуникация становится возможной благодаря особому восприятию сакрального текста, которое свойственно православному мировоззрению и состоит в осознании сакрального Слова как воплощения Божественной сущности Спасителя» [Прохватилова Интернет-ресурс]. Особенностью притчевого диалога иногда является использование цитат, то есть реплики Бога есть ни что иное как атрибутированные библейские фразы:

Ты говоришь: «Это невозможно!»

Бог говорит: **«Со Мной возможно всё»** Лк 18:27

Ты говоришь: «Я слишком устал».

Бог говорит: **«Я успокою тебя».** Мф 11:28

Ты говоришь: «Я не понимаю окружающий меня мир»

Бог говорит: **«Я буду направлять твои шаги».** Пс 3:4-5

Ты говоришь: «Я недостаточно умён».

Бог говорит: **«Я даю тебе мудрость».** Кор 1:30

Ты говоришь: «Я чувствую себя одиноким».

Бог говорит: **«Я никогда не покину тебя».** Евр 13:5

[Евмений 2007:2:96-98]

Библейские цитаты дополнительно выделены полужирным шрифтом, чтобы подчеркнуть их происхождение.

4. Явление интертекстуальности в современной миссионерской деятельности находит своеобразное применение, когда изречения из Библии составляют абсолютно новый нравственно-поучительный текст, в

котором нет других слов, как это видно из фрагмента «Письма Бога, обращенного лично к тебе»:

Дорогое мое дитя! 1 Ин 3:1

Возможно, ты не знаешь Меня, но Я знаю о тебе все. Пс 138:1

Ты принадлежишь Моему роду. Деян 17:28

Ты не случайность. В Моей книге записаны все дни, предназначенные для тебя. Пс 138:15-16

Я был не понят и отвергнут теми, кто не хотел знать Меня. Ин 8:41044

Я не удаляюсь и не сержусь, Я люблю 1 Ин 4:16

[Евмений 2007:2:18-31]

По сути, выбранные цитаты составляют вторичный, но абсолютно самостоятельный текст. Их содержание обычно, это не яркие сентенции. Но подкрепленные указаниями на библейский источник они приобретают особое значение, некий высокий и таинственный смысл, облаченный в доступную для понимания форму. Это – новый тип текста, состоящий полностью или частично из цитат, которые очевидны при чтении, так как есть указание на первоисточник. При аудировании без специальных оговорок определить такой текст как вторичный практически не представляется возможным.

Бугаева Ирина Владимировна

кандидат филолог. наук, доцент

зав.кафедрой русского языка и культуры речи

Гуманитарно-педагогического факультета РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева

* * *

Ю.В. Булдакова

(Киров)

Приемы игровой поэтики в структуре дневникового текста

Дневник традиционно воспринимается как жанр, выбираемый литературно неискушенными авторами, а потому его стилистическое несовершенство, непреднамеренность, алогичность текста, черты дискурсивности (поиск слова; паузы, позволяющие соотносить текст дневника с устной речью; выделение значимых слов и смыслов) кажутся естественными. Установка автора дневника на закрытость, непубличность текста, отсутствие адресата усиливается стремлением к максимальной откровенности, правдивости, а потому и стилистической необработанности текста.

Но сложившаяся практика публичности жанра дневника в XX веке создает условия для формирования игровой стратегии создания дневникового текста. Особенно значим этот фактор бытования текста для дневника писателя, который отличает некая бессознательная установка на предполагаемого читателя и, следовательно, рассчитываемый художественно-эстетический эффект. При этом и собственно традиционно-бытовой дневник, обладающий скрытой установкой на адресата (хотя бы в виде автокоммуникации), реализует принципы игры с читателем.

Документальность, исповедальность, кажущееся пренебрежение к стилю ради максимально точного выражения внутреннего мира личности в дневнике писателя получают функцию художественного приема, так как вписываются как в контекст прагматики дневника, так и в контекст традиционных художественно-эстетических средств.

Типичные черты дневникового дискурса: различные средства визуализации текста (изменение шрифта, отчеркивание и подчеркивание фраз и слов, приписки на полях и черновая правка текста) – становятся своеобразными средствами игровой поэтики.

Подобный эффект наблюдается при использовании возможностей графики (многоточия, тире, восклицательные и вопросительные знаки, выделение абзацев), парцелляций, вставок, инверсий, которые передают субъективное восприятие событий. Графика отражает дискурсивную природу динамичного дневникового текста, фиксирует процесс текстопорождения. В дневниках писателей русского зарубежья 1920–30-х гг. графические средства реализуют также семантический комплекс границы.

Традиционные художественные приемы, как «поток сознания», интертекстуальные связи, метафоры, экспрессивный, поэтический синтаксис,

визуализация текста осмысляются в контексте принципов игровой поэтики как игра с читателем в искренность и непреднамеренность, «шероховатость» стиля, документальность и алогичность структуры текста.

Игровая стратегия дневникового жанра становится также инструментом аутомифологизации, мифологического прочтения авторской личности.

Традиционная прагматика и репрезентация дневника в культуре и литературе рубежа XIX–XX вв. и XX века трансформируются в своеобразную игру на уровне стиля и структуры текста. Поэтика дневника со своей кажущейся простотой и доступностью выходит за рамки прежде интимного жанра: дневник, и особенно дневник писателя, приобретает черты художественной прозы.

Булдакова Юлия Вячеславовна, аспирант Кафедры
культурологии и рекламы Вятского государственного
гуманитарного университета

* * *

Н.В. Бунтман, И.М. Зацман

(Москва)

О проекте создания компьютерного ресурса трудностей перевода : заметки на полях

«Переводы разных книг меня смущают, в них разные дела описаны и подчас даже очень интересные. Иногда об интересных людях пишется, иногда о событиях, иногда же просто о каком-нибудь незначительном происшествии. Но бывает так, что иногда прочтешь и не поймешь о чем прочитал. Так тоже бывает. А то такие переводы попадаются, что и прочитать их невозможно. Какие-то буквы странные: некоторые ничего, а другие такие, что не поймешь чего они значат. Однажды я видел перевод, в котором ни одной буквы не было знакомой. Какие-то крючки. Я долго вертел в руках этот перевод. Очень странный перевод!»^[5]

Реплика Даниила Хармса, с одной стороны, кажется гиперболой, однако, с другой стороны, нередко некоторые проявления языковой асимметрии приводят, если не к полному непониманию, то, во всяком случае, к двусмысленности или исчезновению коннотаций, необходимых для восприятия смысла.

Идея создания типологии трудностей художественного перевода и возможности ее представления в виде открытого компьютерного лингвистического ресурса родилась в результате обработки текстов произведений русской классической и современной литературы. Анализ текстов производился для франкоязычной аудитории, и французские информанты не только могли подтвердить удачность или адекватность выбранного переводчиком того или иного варианта, но и предложить свою версию и дать лингвистический и страноведческий комментарий. Трудности перевода были отмечены на всех уровнях языка – от лексического до межфразового. Разумеется, каждому писателю присущи свои особенности, и тогда трудности перевода концентрируются вокруг определенной проблематики. Так, в текстах Шолохова и Гоголя переводчикам следовало найти стратегию перевода регионализмов, в текстах Лескова – неологизмов, у Салтыкова-Щедрина и Татьяны Толстой – архаизмов. Всего за годы работы над текстами было обработано (размечены на полях места, вызвавшие затруднения у переводчика и, соответственно, у читателя) примерно 75 произведений около 50 авторов (Чехов, Набоков, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Гончаров, Толстой, Белый, Улицкая, Петрушевская, Довлатов, Искандер). Для создания корпуса будут использованы только прозаические и драматургические произведения, поскольку, на наш взгляд, поэтический перевод подчиняется несколько иным законам.

Определение «трудности» необходимо будет уточнить. Существуют традиционные словари трудностей языка, но они состоят из носителей языка, которые исходят из «абсолютных», а не «относительных» трудностей. Именно поэтому при изучении языка или при переводе в них фактически невозможно найти способа решения проблемы, возникшей в конкретной языковой ситуации. Некоторые грамматические категории двух разных языков полностью симметричны, некоторые – асимметричны. Надлежит исследовать, насколько гибка система одного языка, чтобы позволить отразить, не нарушив смысл, сложное явление другого языка.

Компьютерный ресурс ориентирован на систематизированное описание сложных случаев, связанных с асимметрией языков и культур и вызывающих затруднения у переводчика (трудности перевода).

Предполагается, что он будет включать 1) корпус размеченных фрагментов художественных текстов на русском языке, 2) их переводы на французский язык, а также 3) словарные статьи типологического словаря, описывающего трудности перевода и 4) лексикографический франко-русский двуязычный словарь, включающий слова, словосочетания, фразы из фрагментов художественных текстов на русском языке и их переводов на французский язык. На последующих стадиях проекта планируется расширять этот ресурс переводами фрагментов художественных текстов на немецкий и английский языки с описанием языковой асимметрии и будет добавлен еще один компонент лингвистического ресурса – синтаксический словарь. В корпус планируется включать те фрагменты текстов, которые вызвали затруднения хотя бы у одного переводчика произведения, включенного в данный ресурс.

Бунтман Надежда Валентиновна, к.ф.н.

доцент кафедры французского языка
факультета иностранных языков МГУ им.Ломоносова;

Зацман Игорь Моисеевич, к.т.н.

зав. отделом Института проблем информатики РАН

* * *

Паола Буонкрисиано

(Рим, Италия)

Италия и Первая мировая война в письмах Веры В. Хлебниковой

Вера Владимировна Хлебникова провела в Италии три года с 1913 по 1916. Ее итальянский период и ее письма из Италии более чем интересны для итальянских и русских исследователей. Отрезок времени, в течение которого Вера Владимировна живет в Италии, исключительно богат событиями, связанными с началом первой мировой войны и глубокими изменениями, произошедшими как на международной арене, так и в повседневной жизни итальянцев. Кроме того, Италия оказалась в особом положении, так как вступила в войну не сразу, а только в мае 1915 года, по прошествии почти года, в течение которого наша страна раскололась на «интервенционистов» и «пацифистов»^[6]. Речь идет о противостоянии,

участниками которого стали лучшие представители интеллектуальной элиты нашей страны, первым из которых был Габриэле Д'Аннунцио, ставший глашатаем лагеря интервенционистов, он же и произнес одну из самых известных речей, восхвалявших вступление в военный конфликт - речь в Кварто 5 мая 1915 года по случаю открытия памятника, посвященного «Тысяче» Гарибальди.

Вера Хлебникова стала внимательным и чутким свидетелем этого времени, приводя в своих письмах комментарии, передавая настроения, волнения и страхи, описывая изменения, происходившие день за днем. И она стала, наверное, одним из первых «неофициальных» переводчиков Д'Аннунцио, с большой точностью и убедительностью переводя на русский язык в письме от 24 июня 1915 года отрывок из его вышеназванной речи в Кварто.

В течение этого периода – с момента прибытия Веры Владимировны туда, где она проведет большую часть пребывания в Италии, а именно на Капри и во Флоренции - происходят особые события в жизни этих мест.

На Капри Вера Владимировна прибывает в мае-июне 1913 года. В это время, остров посещает значительное число граждан Российской империи - не только писатели и артисты, привлеченные присутствием Максима Горького, а также студенты, которые учатся в Неаполитанском университете, гостеприимно принявшим в начале Веру Владимировну.

Таким образом, Вера живет на Капри в момент апогея русской колонии: русско-итальянская библиотека пару месяцев, как начала свою работу, жители Капри к этому времени освоили русский язык, а рубль имел обращение на острове.

Ее приезд во Флоренцию совпадает по времени с эпизодом, который взволновал не только этот город, но и всю Европу: с арестом Винченцо Перуджа, итальянского декоратора, который в 1911 году выкрал из Лувра Джоконду, и обнаружением картины, которую этот «похититель-патриот» два года прятал под столешницей стола у себя дома с намерением вывезти из Франции и «вернуть» ее Италии.

Вера Владимировна в отличие от других «русских в Италии» провела свои итальянские и особенно флорентийские годы, полностью погрузившись в жизнь страны, большей частью обособленно от своих земляков. Образ Флоренции, который возникает в ее письмах, не несет никаких признаков надуманности, мало того, их главное достоинство и заключается в их

подлинности и спонтанности, в том, как Вере Владимировне удалось создать дневник повседневной жизни города, описывая его ритмы, привычки, обычаи и народные праздники, не поддаваясь искушению литературной стилизации.

Начиная с определенного момента написанное ею становится отражением ее душевного состояния, ее тексты становятся больше, а послылы – короче, но они до боли напряжены. Картины, которые она рисует в своих письмах, мрачны, они наполнены знаками и предчувствиями, повествуют о душераздирающих криках солдат, отбывающих на фронт, и о непрерывных молитвах о мире тех, кто остается дома.

Как и многим другим иностранным художникам и писателям, Италия несомненно дала Вере Владимировне многое: свои художественные сокровища, свои литературные традиции, свою природу и свои пейзажи, такие богатые многообразием и такие побуждающие. Но многое и сама Италия получила взамен. Тот вклад, который был преподнесен Верой Владимировной этой стране, еще не изучен и не оценен по своему богатству и глубине.

Paola Buoncristiano, kandidat filologiceskich nauk
Rimskij universitet "La Sapienza"

* * *

М.А. Бурганова

(Москва)

Церковная скульптура в пространстве русской художественной культуры

Исследователи русской деревянной скульптуры постоянно сталкиваются с проблемой соотнесения ее с уже существующими общепринятыми в искусствоведении стилистическими, типологическими, видовыми рамками. Часто даже простые на первый взгляд вопросы причисления сакральной пластики к разряду скульптуры требуют дополнительных комментариев. Еще большая полемика возникает при

определении этих произведений как объектов высокого или низового искусства, легитимности их пребывания в пространстве православного храма. Именно такой подход ставит ряд вопросов и требует внимательного исследования.

Действительно, основная масса произведений сакральной пластики находится между мощными культурными пластами канонизированного церковного искусства, народного искусства, базирующегося на архаической культуре и традициях, и профессионального искусства, находящегося в XVIII-XIX веках под академическим влиянием.

Церковь отчасти обнаруживает в предметах сакральной пластики воспоминания о язычестве или влияния западноевропейской культуры. Светское профессиональное искусство расценивает порой образы церковной скульптуры как варваризированные варианты высоких достижений изобразительного искусства. Тенденции народной культуры проявлены в произведениях сакральной пластики избранно и не в полной мере.

Очевидно, что целый пласт культурного наследия, охватывающий основную часть произведений русской сакральной пластики, вытеснен жесткими критериями различных дисциплин в некоторую маргинальную зону.

Бурганова Мария Александровна, чл.-кор. Российской академии художеств, проф. МГХПА им. С.Г.Строгонова

* * *

Е.И. Волкова

(Москва)

«Апокалипсис» Льва Толстого: предание или литературная мистификация?

В 1930-1931 гг. в Яснополянском музее Л.Н. Толстого была обнаружена небольшая рукопись: «Графиня Анастасия Толстая. Царь, кайзер, король

Англии и Толстой». Е.Н. Вихрева, супруга директора музея Е.Ф. Вихрева, сделала машинописную копию рукописного текста, которая была позднее обнаружена в личном архиве Вихревых их сыном А.Е.Вихревым (судьба оригинала неизвестна). Сомнителен как автор рукописи, так и ее связь с Толстым. В тексте рассказывается о визите некой графини Анастасии Толстой к Николаю I и о видении Толстого, которое тот продиктовал своей «внучатой племяннице» и адресовал германскому кайзеру и королю Англии.

Откровение Толстого о конце света – видимо, образец народного мифа, в котором сочетаются библейские эсхатологические мотивы; агиографические черты прозорливого старца, которому открыты «последние времена»; гениоцентризм Серебряного века; споры об искусстве, нравственности и религии; призыв к реформаторству в различных областях культуры и вера в грядущее преобразование мира.

Текст, с одной стороны, раскрывает такие черты массовой религиозной культуры, как склонность к чудесному, мистическому, к почитанию прозорливцев, против чего Толстой активно выступал. С другой стороны, в тексте «пророчества» представлены идеи самого Толстого, претерпевшие, однако, значительную трансформацию, пройдя через мифотворческую рецепцию неизвестного автора.

В докладе предпринята попытка анализа «апокалипсиса» Толстого в культурно-историческом контексте начала XX века, в связи с религиозными идеями Толстого и через призму мифологического типа массового сознания.

Волкова Елена Ивановна доктор культурологии, канд. филол. н.,
профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур ф-та
иностранных языков и регионоведения МГУ.

* * *

М.И. Воронцова

(Москва)

КОНТЕКСТ И ТЕКСТ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ ПРОТИВОРЕЧИЕ?

Данное исследование посвящено проблеме взаимодействия текста запрашиваемого сообщения или материала в Интернете и «контекстной рекламы», активно используемой в современных поисковых системах. Рассматриваются примеры контекстных объявлений, сопровождающих появление необходимого пользователю текста.

Основной принцип работы контекстной рекламы прост и достаточно эффективен. Вы создаете объявление и задаете **ключевые слова**, опираясь на которые поисковая система будет находить его. Например, при продаже фотоаппарата, вы задаете слова: *фотоаппарат, камера, купить*. Человек, желающий приобрести фотокамеру, вводит какое-то из названных вами слов, и ваше объявление появляется на экране его компьютера рядом с результатами поиска. Если он заинтересовался, он переходит по вашему объявлению на вашу страницу в Интернете. Некоторые системы обеспечат появление вашего объявления в течение нескольких дней после запроса. В ситуации, когда вы действительно искали фотокамеру или холодильник, появление объявлений такого рода кажется вполне допустимым, даже если они появляются «на полях» экрана рядом с вашей почтой еще неделю. Но так ли безупречна система размещения объявлений по ключевым словам? Не приводит ли простота механизма поиска к нежелательным результатам?

К сожалению, когда дело касается объявлений, человек оказывается то по одну, то по другую сторону «баррикады». Если вы заинтересованы, чтобы ваше объявление увидело как можно больше людей, все средства хороши – пусть появляется на экране как можно больше, у максимально возможного числа людей, заинтересованных или нет. А вдруг сработает? В результате можно получить нежелательную рекламу, даже без какого-либо запроса о покупке. Слова, набранные вами в поисковой строке, станут сигналом для появления контекстного объявления, часто не только не имеющего отношения к запрашиваемой информации, но диссонирующего со смыслом текста.

Так, например, система «Rambler НОВОСТИ» информацию о происшествии в Москве сопровождала объявлениями о продаже ножей и сумок, а также предложением заработать миллион на рынке Forex.

Произошло второе крупное ограбление в Москве за день

[Второе крупное ограбление в Москве за день, похищено около 2 млн руб](#)

РИА Новости 1 час назад

Второе крупное ограбление произошло в среду в Москве — двое неизвестных, угрожая женщине ножом, отобрали у нее сумку, в которой находилось около двух миллионов рублей, сообщил РИА Новости источник в правоохранительных органах города. По его словам, нападение произошло на северо-западе столицы недалеко от дома 9 по Карамышевской набережной. «Двое неизвестных показали женщине нож и вырвали у нее сумку, в которой находилось 1,8 миллиона рублей», — сказал собеседник агентства.

1
статья

[первое сообщение](#) 1 час назад (РИА Новости)

Реклама от *begin*

[Оптовая продажа ножей!](#)

Ножи от 80 руб, широкий ассортимент, отличное качество

[Готов стать миллионером?](#)

Действуй. **Forex** и др. брокерские услуги Максвелл Банк.

[Брокерские услуги. Курсы.](#)

Уникальные Курсы по работе на Фондовой Бирже. Лекции и Семинары!

Система Яндекс, успешно практикующая контекстную рекламу, чутко реагирует на запрашиваемую вами информацию и может выдать объявление даже при частичном совпадении слов – например, предложить билеты на концерт Патрисии Каас, при поиске информации о персонаже книги Р.Киплинга питоне Каа.

Но такого рода примеры, приводящие к явной коммуникативной неудаче, заставляют, на наш взгляд, требовать применения *семантических фильтров* при использовании ключевых слов в контекстной рекламе.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI: Лингвистическая программа. - М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. - М.: Эдиториал УРСС, 2000.
3. Пирогова Ю.К., Баранов А.Н., Паршин П.Б., Репьев А.П., Кодзасов С.В., Борисова Е.Г. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. - М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000 г.
4. Рахилина Е.В., Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Шеманаева О.Ю. Семантические фильтры для разрешения многозначности в Национальном корпусе русского языка: прилагательные // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». – С. 582-587.
5. Grice H.P. Logic and conversation. — In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P.Cole and J.L. Morgan, N.Y., Academic Press, 1975, p. 41—58.

Воронцова Марина Игоревна

мнс Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

* * *

Е.В. Гладышева

(Москва)

«Совет нечестивых» или сонм праведников? Соотношение слова и образа в иллюстрациях к первому стиху первого псалма в византийских и древнерусских маргинальных Псалтирях IX – XVI веков

В византийской культуре IX века, вероятно, столичной, складывается новый тип иллюстрированных Псалтирей – с небольшими миниатюрами на полях, исполняющими роль толкований текста. Начиная с XIV столетия, этот тип рукописей получил распространение в Древней Руси и просуществовал здесь достаточно долго, до Нового времени, претерпевая разнообразные изменения.

В силу своих особенностей подобные Псалтири неоднократно привлекали внимание представителей нескольких смежных дисциплин: филологов, искусствоведов и историков. Более того, условное название типа этих рукописей – «маргинальные», – возникшее в научной среде и

отражающее характерное для таких Псалтирей уникальное состояние «диалога» между текстами и изображениями, удивительным образом оказалось созвучным теме объявленной конференции.

В византийском и древнерусском искусстве из трех редакций текстов Псалтири – простой, с воследованием и толковой – при иллюстрировании рукописей предпочтение отдавалось, как правило, спискам первой редакции. Принципы выбора сюжетов для миниатюр различались и также сводились к трем основным: историческому, толково-прообразовательному и смешанному, сочетающему первый и второй. Большая часть изображений в Псалтирях с толково-прообразовательным принципом иллюстрирования текста, связанным с богословской традицией комментирования псалмов, была посвящена новозаветным темам и располагалась на полях (чем и объясняется название типа этих рукописей – «маргинальные»). В круг сюжетов миниатюр рукописей такого типа входили изображения сцен и отдельных персонажей из библейской и церковной истории, а также – различных христианских символов. Поскольку первые маргинальные Псалтири возникли в IX в., вероятно сразу после победы иконопочитателей над иконоборцами, одна из групп иллюстраций носила заостренный полемический характер и была связана с осуждением иконоборческой ереси. Едва ли не самым ярким примером таких миниатюр являлось изображение «Совет нечестивых», соотносимое с первыми строками первого псалма (в частности, в Хлудовской Псалтири середины IX в.).

Это изображение присутствует в большинстве византийских маргинальных Псалтирей IX – XIV вв. Считается, что иконография Совета нечестивых была унаследована древнерусской культурой и традиционно воспроизводилась в славянских маргинальных Псалтирях – Киевской 1397 г., Угличской 1485 г. и десяти Годуновских 1594–1600 гг. Между тем, пристальный анализ миниатюр к текстам первого псалма в этих рукописях убеждает в том, что при сохранении композиционной схемы в общих чертах прежняя полемическая направленность в них постепенно утрачивается, и в Псалтирях XVI в. они превращаются в изображения сонма праведных монахов, внимающих Слову Божественной Премудрости. Подобное кардинальное переосмысление текста, проявившееся и в ряде других миниатюр, позволяет проследить основное направление мысли сочинителей обновленной иконографии.

* * *

*Глебкин В.В.**(Москва)*

Историческая биография как научная проблема

Жанр исторической биографии всегда находился между наукой и беллетристикой. Создается ощущение, что, несмотря на громадное качественное и количественное разнообразие произведений, созданных в этом жанре, вопрос о том, **что собственно** мы описываем, еще даже толком не поставлен (например, я пишу биографию Платона – но кто такой Платон, **о какой реальности** мы говорим, когда произносим эти слова?). Сразу хочу подчеркнуть, что при такой постановке вопроса мы говорим о Платоне не как носителя определенной традиции или определенной ментальности (ключевой сюжет для «школы Анналов»), не как о носителе определенной социальной роли, которую он более или менее успешно исполняет, - все это о другом. Разумеется, подобного рода исследования существенно помогают при создании исторической биографии, но не могут подменить ее. В первом приближении, различие между указанными сюжетами может быть выражено предложенным Г. Риккертом различием между *генерализирующими* и *индивидуализирующими* понятиями (с их помощью он обосновывал различие между естественнонаучным и гуманитарным знанием). В естественных науках понятие рассматривает объект как часть класса («материальная точка», «млекопитающее», «кислота» и т.д.). При этом его индивидуальные, специфические особенности, выделяющие объект из класса, отбрасываются как второстепенные, и акцент делается на эквивалентности всех составляющих класс объектов по отношению к общему для всех их признаку. Для гуманитарного знания, по Риккерт, объект интересен сам по себе, во всем многообразии составляющих его качеств (образующих сложно организованную и иерархически упорядоченную систему). В этом смысле «Платон» - индивидуализирующее понятие, и именно о таком понятии мы говорим, когда обсуждаем специфику жанра исторической биографии. В качестве «народного» эквивалента этого понятия в повседневном русском

языке можно рассматривать слово «человек» в таких предложениях, как «Я не понимаю, что он за человек», «Наш сосед по даче оказался своеобразным человеком», «Ты не видишь во мне человека» и т.д. Это образ Другого, который складывается у нас от наших знакомых, коллег по работе, соседей, случайных попутчиков в поезде, т.е. некоторая данность, которая потом может вызывать разнообразные оценки (личность, не личность, вредный, стервозный, добрый и т.д.), но которая предшествует этим оценкам и составляет то, что мы пытаемся воссоздать в исторической биографии.

Несмотря на громадное различие в масштабах и кажущуюся пропасть между Александром Македонским, с одной стороны, и нашим соседом по даче, с другой, на каком-то глубинном уровне основания нашего восприятия первого и второго сходны. Они оба для нас – **люди** (разумеется, выполняющие определенные социальные роли и воспроизводящие в своем поведении определенные литературные, культурные, социальные модели, но не сводящиеся к этому, а представляющие собой определенную целостность, просвечивающую сквозь эти модели и роли). Принципиальное типологическое различие указанных ситуаций состоит лишь в том, что в случае соседа по даче у нас есть собственный опыт общения, а в случае Александра Македонского – только тексты. Тогда основную задачу жанра исторической биографии как научного жанра можно сформулировать так: **создание индивидуализирующего понятия «X (как человек)» средствами междисциплинарного анализа исторических источников.** В качестве более общей формулировки этой задачи можно вспомнить о словах С.С. Аверинцева «Главная задача человека – понять другого человека, не превращая его ни в подлежащую исчислению вещь, ни в отражение собственных эмоций». В этой формулировке указаны две главные опасности, которых следует избежать.

Глебкин Владимир Владиславович

кандидат философских наук, заведующий ОТИМК гимназии № 1514 г. Москвы

* * *

Голикова С.В.

(Екатеринбург)

Дневник Ф.Л. Карпинского – эго-текст провинциала рубежа XVIII-XIX вв.

Несколько лет назад автору вместе с коллегами удалось частично издать дневник протоиерея Екатеринбургского собора г. Екатеринбурга Федора Львовича Карпинского за 1798-1807 гг. Содержание подобных текстов личного происхождения полифонично: в них оставались свидетельства, существенные для изучения разных тем. Поэтому общепринятая классификация такого рода текстов отсутствует. Наибольшее распространение получила их группировка по двум признакам: преобладанию тематико-хронологического содержания и социально-профессиональной принадлежности автора. Согласно ей, дневник Карпинского отражает жизнь Екатеринбурга на рубеже XVIII-XIX вв. с точки зрения священнослужителя. Читатель встречается с Федором Львовичем на страницах опубликованной нами части дневника на сороковом году его жизни. Первая запись датирована январем 1798 г. Однако отсутствие приемлемой в таком случае преамбулы, объясняющей желание человека взяться за перо, и четкая система заполнения дневника, указывают на то, что он уже «набил руку» в подобном занятии и возможно вел записи ранее.

У Карпинского получился, скорее, дневник-хроника, чем дневник-фотография или дневник-размышление. Его содержание до известной степени исчерпывается схемой: «кто», «что сделал», «где», «когда», «зачем», «почему». Для автора характерно описание различных событий как одинаково важных, он как бы наблюдал за ними со стороны, а также проявление постоянного интереса к определенным темам: чтение книг, количество выпитого им и другими дома и в гостях, его личное самочувствие, прием гостей и хождение в гости, различные встречи, балы, табакерки и проч. Отмечая день за днем встречи и события, он обычно воздерживался от их оценки, придерживаясь объективированного стиля изложения. Однако частично сам стиль и те краткие суждения и оценки, которые автор себе все-таки позволял, и прямые высказывания в его адрес окружающих свидетельствуют о признании за ним статуса «острослова» и любителя «точить балы». Его богатая афоризмами речь сочеталась также со стилем проповедей, которым он владел как священнослужитель.

Эго-документы чрезвычайно существенны для прояснения многих базовых социальных отношений. В структуре этих отношений становится видимой сеть индивидуальных контактов и степень их воздействия на

участвующих лиц. Значение записей Карпинского для применения социальных и антропологических моделей сетевого анализа межличностных взаимоотношений жителей Екатеринбурга на рубеже XVIII-XIX вв. трудно переоценить. Он был чрезвычайно общительным человеком. Следует говорить не о круге, а о кругах его общения: с чиновниками, военными, священнослужителями, врачами, заводчиками, служащими частных заводов, купечеством. Словом, практически все социальные категории горожан, вплоть до мастеровых, нашли отражение на страницах его дневника. По тексту можно выяснить частоту и направленность зафиксированных социальных связей, контактов между людьми, их объединений в компании и «партии».

Совокупность подобных сообщений дает основание рассматривать казалось бы информацию сугубо личного характера в общем контексте общественно-значимых фактов истории Екатеринбурга. Особенно повседневной жизни города и горожан, поскольку дневниковые записи создавались для фиксации реалий повседневности.

Голикова Светлана Викторовна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института истории и археологии Уральского отделения РАН

* * *

А.П. Дмитриев

(Санкт-Петербург)

Санчо Панса русской журналистики И.Ф. Романов-Рцы
и его повременные «штучки» (по неизданным письмам)

Публицист рубежа XIX—XX вв. Иван Федорович Романов (1858 или 1859—1913) известен сегодня чуть ли не одним специалистам — и главным образом своей репутацией писателя «для немногих», своеобычием своей творческой манеры, выбивающейся за пределы традиционных представлений о том, как должно писать в газете, а потому и малоуспешного издателя и журналиста. Кроме того, неизвестна его близость к

неославянофильским кругам, его так и знают — как литератора из окружения Василия Розанова, до такой степени ему близкого не только по мировоззрению и складу мышления, но и стилистически, что его в редакциях газет и журналов называли не иначе, как «маленьким Розановым». Сам же Розанов уготовил место своему приятелю в измышленной им категории «литературных изгнанников» — талантливых писателей, которых Россия роковым образом «проглядела», не заметила у себя.

Эта непризнанность, конечно, отчасти объяснима тем, что Романов подписывал свои сочинения десятками различных псевдонимов; чаще всего — «Рцы» — старославянским названием начальной буквы своей фамилии, а также «Гатчинский отшельник» и «Вл. Заточников». Но важно и то, что никак не мог вписаться в существующую раскладку литературно-журнальных сил этот публицист, объявивший при создании своего первого органа — «неповременного издания» «Рцы» (1891), — что сущность его направления «сводится к тому коренному убеждению, что истинно *охранительное* направление есть вместе с тем и начало истинной *свободы*, что то и другое дано в христианстве, которому одинаково чужды и так называемый либерализм, сознательно отвергающий истину, и так называемый консерватизм, бессознательно компрометирующий ее, и что последняя лезть горше первой...» (РГИА. Ф. 777. Оп. 4. № 122. Л. 4).

Сыграло свою роль в этом, так сказать, *аутсайдерстве* в контексте журналистики и несомненное литературное юродство, несколько бравируя которым Романов отождествлял себя с персонажем Сервантеса Санчо Пансой, особенно же его склонность к язвительному обобщению, сдобренному довольно причудливым балагурством, к стилевому эпатажу либо нарочито провокационному эстетству. С начала 1880-х гг. он сотрудничал со столичными изданиями консервативно-охранительного направления: помимо «Современных известий» Н. П. Гилярова-Платонова и «Руси» И. С. Аксакова, с «Русским делом», «Благовестом», «Русским трудом», «Гражданином», «Россией» и др. В изданиях, имевших более широкий круг читателей (вроде газет «Новое время» или «Свет»), он, как правило, фигура *non grata*, и именно по причине слишком яркой своей индивидуальности.

Желание быть услышанным приводит к мысли о собственном издании. Первый свой проект — упоминавшееся выше «неповременное издание» «Рцы» — Романов решил назвать своим основным псевдонимом. Два выпуска вышли под заглавием «Листопад» (М., 1891) и своей жанровой структурой предвосхитили знаменитые розановские книги («В мире неясного

и нерешенного», «Уединенное», «Опавшие листья»), но издание подверглось запрещению.

Романов был убежден, что время толстых журналов, идейно объединявших людей (вроде «Русской беседы», «Отечественных записок» или «Вестника Европы»), прошло и таким консолидирующим органом может быть только ежедневная газета. П. П. Перцову он так писал (22 июня 1902 г.) о журналах-«штучках», выходящих «для немногих», и газетах, рассчитанных на массового читателя и единственно способных оперативно откликаться на быстротекущие события: «Никакой журнал сейчас, по-моему, невозможен в *Вашем смысле* (как я понимаю Вас, т. е. большой идейный орган), но вполне возможны *штучки*. „Мир искусства“ разве не штука? „Еж~~е~~месячные> сочинения“? Покойный „Русск<ий> труд“ Шарап<ова>? <...> Вот о такой *штучке* не раз мечтал и я. Но это конечно *переходно*, временно. *А большая моя мечта* всегда была и будет — *газета*» (ИРЛИ. Р II. Оп. 2. № 1433. Л. 2—2 об.). В письме от 12 июля 1902 г. он говорит о ее востребованности: «...приходится заключить, что на бесконечно-долгое время (если прямо не до Страшного Суда) *газета* будет отвечать жизненнейшим интересам 999/1000 человечества, а журнал — 1/1000, именно „ленивцев праздных, прекрасного жрецов“...» (Там же. № 1436. Л. 1).

Поэтому не случайно вскоре, 28 февраля 1903 г., Романов направляет в Главное управление по делам печати два прошения — на разрешение ему еженедельной газеты «Живое слово» и «журнала-дневника» «Гатчинский отшельник», название которого было, по требованию цензуры, заменено на «Летописец». Он выходил в течение одного 1904 г. и своей структурой напоминал и оборванное на полуслове издание «Рцы» («Листопад»), и — особенно — будущую «Литературную газету „Рцы“».

Из программной заметки «Дон-Кихот и Санчо-Пансо» видно, что первоначально Романов планировал присвоить своему изданию имя сервантовского персонажа, с которым, следовательно, ассоциировал себя. Он писал: «С названием „Санчо-Пансо“ у меня связывалась давнишняя моя догадка о *двойственности* русского характера, как об основной черте его национального типа. Все мы немножко Дон-Кихоты, и все немножко Санчо-Пансо...» (Летописец. 1904. № 3/4. С. 97). Чудаковатый и несколько непутевый Санчо, исполненный одновременно простодушия и здравого смысла, доброты и лукавства, психологически, конечно, вполне соответствует самому Романову-журналисту. И только практичности недоставало — ее вытеснила донкихотовская мечтательность.

Основной задачей «Литературной газеты „Рцы“», выходящей с 1907 г., стало доверительное единение не с читательской массой вообще, а с отдельными неповторимыми личностями, голос которых всегда будет услышан. Создавался камерный, маргинальный орган печати, «штучка», и — вместе с тем — отдушина для людей, получивших возможность найти единомышленников и не удовлетворенных имеющейся прессой, которая «упраздняет благоухание индивидуального в таком издании, приобретающем по необходимости характер безличного фабричного производства. Но как всегда, — наряду с фабрикою будет существовать и более тонкая, иногда прямо артистическая, и во всех случаях — глубоко индивидуальная работа „от руки“...» (Литературная газета «Рцы». 1908. № 2 (Янв.). С. 2).

За 7 лет издания вышло всего 19 номеров газеты, и это были в большинстве случаев четырехстраничные листки, нежели «ежедневная газета», как упрямо писалось прямо под заголовком. Даже близкие друзья посмеивались над незадачливым журналистом. Так, П. П. Перцов сообщал В. В. Розанову 17 января 1913 г., получив 18-й номер издания: «Рцы прислал мне свою „газету“, в вершок шириной, — потеха!» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 15). В том же месяце с Романовым случился апоплексический удар, и 16 мая его не стало.

Маргинальную уникальность своих изданий-«штучек» сознавал он сам: «Может быть, никогда в литературе не было явления столь одинокого, неповторяемого, исключительного и — охотно соглашаемся! — незаметного, скажем сильнее, неудачного, неумелого...» (Литературная газета «Рцы». 1907. № 1 (Янв.). С. 3).

Андрей Петрович Дмитриев

к. филол. н., ст. н. с. ИРЛИ РАН, зав. Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени

* * *

С.М. Евграфова

(Москва)

РЕЧЕВЫЕ ПОГРЕШНОСТИ В МЕМУАРАХ И РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Задача понять механизмы становления авторского стиля и механизмы становления обычного умения хорошо писать важна как в теоретическом, так и в практическом отношении (обучение родному языку). Интересный материал для наблюдений дают мемуары – жанр, занимающий промежуточное положение между системами жанров естественной письменной речи (ЕПР) и речи художественной (ХР).

Психологи установили, что человек продолжает совершенствовать свои речевые навыки примерно до сорока лет и еще около двадцати лет сохраняет их неизменными, причём даже после этого угасание навыков происходит очень медленно (Ананьев 1968). Большую роль в речевом развитии играют социальная востребованность соответствующих навыков и речевая рефлексия – готовность человека осознанно работать над своей речью. Это верно как для устной, так и для письменной речи, однако письменная речь чаще и легче становится объектом для речевого рефлексии.

Освоив начала письма, человек начинает пользоваться новыми возможностями: уже первоклассник, заскучав на уроке, может написать другу записку (преодоление расстояния), а уходя гулять – оставить записку родителям (преодоление времени). Такая ЕПР отражает уровень речевого развития пишущего: он использует слова и конструкции, знакомые по устному употреблению, не озабочен соблюдением нормы.

Публичность письменной речи, внимание окружающих к написанному, их оценки стимулируют речевую рефлексия пишущего; в идеале учить человека такой рефлексии должна школа (но этого, увы, не происходит). Вершиной речевого развития может стать свободное владение всеми стилями литературного языка, однако большинство людей проходит только часть пути. Вот почему представляется важным изучить особенности письменной речи, наблюдаемые на том или ином этапе речевого развития человека.

Материалом для исследования были выбраны мемуары некоторых учёных, преуспевших в области точных и естественных наук (Н.П. Дубинин, П.Я. Кочина, А.Н. Крылов, Н.В. Тимофеев-Ресовский). Выбор материала обусловлен следующими соображениями. Во-первых, жанр мемуаров непрофессионален: он не требует от автора умения создавать

художественные образы (т. е. пишущий должен обладать достаточно высоким уровнем речевого развития, чтобы не испугаться большого объёма работы, но сам этот уровень вполне достижим для рядового носителя языка). Во-вторых, учёные-негуманитарии как раз и обладают высоким уровнем речевого развития (читают лекции, пишут научные работы), но не имеют опыта профессиональной литературной работы и потому могут быть признаны компетентными, но не обученными профессионально носителями языка. Таким образом, анализ выбранного материала позволит делать обобщения, касающиеся компетентных носителей языка (Базжина, Евграфова 2008), не занимающихся литературной деятельностью. Для сопоставления привлекаются мемуары учёных-лингвистов (А.К. Жолковский, Р.М. Фрумкина) и людей, не занимавшихся наукой или преподаванием (З.Столярова).

Написание мемуаров обычно является результатом долгих размышлений, в результате которых человек осознаёт тот факт, что он является обладателем социально востребованной информации. Язык мемуаров обычно ориентирован на литературную норму; мемуарист, как правило, знаком хотя бы с двумя-тремя текстами-образцами; нередко пишущий имеет опыт устного изложения фрагментов своего текста (т. е. имеются устные тексты-прототипы).

Анализ материала показал определённые закономерности в становлении письменной речи.

Первым шагом, по-видимому, часто становится отказ от следования на письме стандартам устной речи: идёт поиск небытовых образцов, из которых и заимствуются элементы, ассоциирующиеся у пишущего с письменной речью. На этом этапе в тексте инкорпорируются слова, воспринимаемые как книжные. Подходящие по смыслу крупные фрагменты текстов инкорпорируются анонимно – присваиваются автором без указания источника (судя по особенностям стиля, Столярова, рассказывая о своих поездках за границу, вставляет в текст большие куски, позаимствованные из путеводителей).

Занятия наукой создают условия, при которых пишущему приходится активно осваивать научный стиль речи. Очевидных речевых ошибок, связанных с употреблением неосвоенных лексических единиц, в мемуарах учёных нет. Воспоминания о детстве, написанные, по-видимому, с опорой на устные тексты-прототипы, в стилистическом отношении более гармоничны и отражают собственную манеру речи автора. Здесь сказывается различие в

изначальном образовании и воспитании (дореволюционное – у Кочиной и Крылова, советское – у Дубинина).

В описаниях более позднего времени, которые касаются профессиональной деятельности мемуаристов, заметны профессиональные обороты научной речи. Любопытно, что даже бытовые подробности в таком соседстве излагаются не бытовым языком, а средствами, более уместными в научном или официально-деловом тексте. Такие речевые погрешности порождают стилистическую неоднородность текста. Стиль автора меняется в зависимости от объекта описания и существенно зависит как от рода профессиональной деятельности пишущего, так и от некой принятой в обществе манере публичных высказываний; для Крылова это, очевидно, манера лектора, для Кочиной и Дубинина – манера журналиста официального издания.

Ещё одна особенность – сознательная работа с готовыми текстами, цитация и автоцитация (Дубинин, Кочина и Крылов вставляют в текст фрагменты научных статей, отчётов и газетных публикаций).

Филологическая подготовленность мемуариста (Жолковский, Фрумкина) позволяет устранить стилистическую неоднородность текста, формируется некий собственный стиль пишущего (более нейтральный у Фрумкиной или художественно ориентированный у Жолковского, который охотно прибегает к языковой игре). Авторы указывают источники информации, но к цитатам обращаются реже, предпочитают указывать источник и пересказывать основную мысль своими словами, прибегая к непосредственной цитации только в особых случаях. Автоцитация не встречается.

Особое место занимают воспоминания Тимофеева-Ресовского, записанные на магнитофон его учениками и изданные ими в весьма деликатной редакции. По сути дела это несколько искажённая запись устного текста-прототипа, поэтому большое количество речевых погрешностей обусловлено особенностями устной речи и активной языковой игрой.

Изученный материал показывает, что компетентность пишущего во многом зависит от активности и продолжительности его речевой практики – как устной, так и письменной, а также от разнообразия объектов обсуждения. Умение отбирать оптимальные средства выражения для

воплощения речевого замысла – иными словами, сформированность «стилистического мышления» – в значительной мере зависит от способности пишущего оценивать коммуникативную ситуацию и воздействовать на окружающих.

Знание лексики и фразеологии и умение ими пользоваться – это результат сознательного и подсознательного обучения родному языку. Накопление практического опыта позволяет пишущему оперировать всё более и более крупными единицами, которые он может заимствовать из чужих текстов. По мере освоения заимствования подвергаются более существенной переработке, постепенно становясь элементами собственного мыслительного мира пишущего.

Профессиональные речевые навыки «включаются» при появлении определённого объекта описания. Они влияют на собственный стиль пишущего, но не улучшают его. По-видимому, наиболее существенно развиваются речевые навыки, когда происходит активное бытовое обсуждение (письменное и устное) самых разнообразных объектов. И совершенно очевидно, что соответствующего рода задачи должно ставить перед собой обучение родному языку в школе.

Источники и литература

- Ананьев Б. Онтогенетическая эволюция психофизиологических функций человека. // В кн.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: изд-во ЛГУ, 1968. – Сс.133–154.
- Базжина Т.В., Евграфова С.М. Новая социальная ценность – компетентный носитель языка. // В сб.: Проблемы порождения и восприятия речи. Материалы VII выездной школы-семинара. – Череповец, 2008. – Сс. 4–11.
- Дубинин Н.П. Вечное движение. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1989. – 448 с.
- Жолковский А.Н. Мемуарные виньетки и другие non-fiction. – СПб, 2000. – 241 с.
- Кочина П.Я. Воспоминания. – М.: Наука, 1974. – 299 с.
- Крылов А.Н. Мои воспоминания. – Л.: Судостроение, 1979. – 478 с.
- Марченко А.М. С подорожной по казённой надобности. – М.: Книга, 1984. – 335 с.
- Столярова З.В. Маленькая Зинаида. История жизни. – М.: Книга и бизнес, 2002.-- 223 с.
- Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. – М.: Прогресс–Пангея, 1995. – 382 с.
- Фрумкина Р.М. О нас – наискосок. М.: Русские словари, 1997. – 241 с.

* * *

Б.Ф. Егоров

(Санкт-Петербург)

Издание и комментирование писем

Из трех «маргинальных» исторических жанров (вместе с дневниками и воспоминаниями) письма являют нам хронологически и по содержанию наиболее точные характеристики описываемого (даты, имена, сюжеты, истолкования). В статье исследуются исторические факторы реальных писем, опускаются художественные аспекты, тем более все, относящееся к письмам из художественных текстов, т.е. к письмам вымышленным (включение в художественное произведение реальных писем – особый разговор).

Историческое значение писем чрезвычайно велико: может по-новому раскрыться мировоззрение и психология автора, по-новому объяснены известные факты или вводятся сведения о совсем не известных фактах, уясняются даты, имена, сюжеты. Рассуждая абстрактно, письма известных личностей представляют для истории более ценный интерес, чем письма рядовых граждан, но в действительности из этой вертикальной (выше-ниже) шкалы бывают серьезные исключения.

Количество писем с каждым годом заметно сокращается. Уже открытие и внедрение в быт телефона уменьшило бумажную переписку. А широкое распространение компьютеров вообще поставило под угрозу существование конвертов с бумажными вложениями. Правда, некоторые аккуратисты сохраняют в памяти своих машин наиболее значимые письма (и даже печатают их на бумаге с помощью принтеров, но это лишь ничтожная часть нынешней переписки). Новые телефоны, где возможно и печатное фиксирование текста (мобильники), еще больше сократили количество писем. В больших городах сокращается количество почтовых отделений, на улицах стало заметно меньше почтовых ящиков. Одно из сильных

впечатлений на хабаровском перроне: в громадном здании вокзала нет почты! (А как быть, скажем, с телеграммами? Наверное, предполагается, что у всех есть мобильники).

Катастрофическое уменьшение количества писем в наши дни тем более заставляет бережнее относиться к сохранившимся. Здесь почти необъятное целинное поле для историков, лингвистов, культурологов, литературоведов (особенно исследующих жанры и стили нехудожественных текстов).

Но возникает для исследователей и публикаторов еще и морально-психологическая угроза. Существенная индивидуализация сознания и чувств в наше время, англо-американская «прайвеси», нежелание делиться с миром своими (или родных) рассуждениями и ощущениями, все это вторгает моральные препятствия к изучению и публикации писем ближних: дескать, безнравственно обнародовать описания интимных сторон жизни! Таковы, например, резкие возражения историка и философа А.М. Пятигорского, недавно, увы, скончавшегося. Не называя меня, публикатора, по имени (все-таки проявлена деликатность критики: мы ведь – из одного тартуско-московского круга!), он в радио-интервью решительно протестовал, ссылаясь на этику, против выхода в свет тома писем Ю.М. Лотмана. Конечно, странно слышать такие протесты от историка. А опасность обнародования интимных подробностей жизни человека легко преодолевается купюрами.

Мало нам сжигания (из-за страха репрессий) тысяч и тысяч ценнейших писем и дневников в сталинский период. Появляются, оказывается, и теоретические противники публикаций!

Но все-таки в целом процесс идет в противоположном направлении. Если физики рассматривают время, в отличие от пространства, только в плане направленности в будущее (вектор времени не позволяет даже на несколько секунд повернуть назад!), то историки твердо ломают движение вектора на 180 градусов и уводят нас в прошлое. Это нужно для культуры и памяти. Развитие культуры не может ослаблять память. Культура это, прежде всего, память. Чем больше культуры, тем больше и памяти, тем больше внимания к документам, помогающим памяти. А учитывая, что наших бумажных документов становится все меньше (меньше их производится, но и старые сохраняются далеко не все), надо прилагать усилия к их нахождению и публикации. Письма здесь играют немаловажную роль.

Ценность писем Ю.М. Лотмана была понята многими корреспондентами еще при его жизни; я не знаю уничтожавших

лотмановские письма, разве что некоторые коллеги отнеслись к ним небрежливо, особенно при переездах и ремонтах. А некоторые бережливые вскоре после кончины ученого приступили уже к их, писем, публикации. Например, В.С. Баевский в петербургском журнале «Russian Studies» опубликовал 10 писем к нему Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц (главным образом, в отрывках): 1994, № 1. С. 314-320. Потом были отдельные публикации Л.Н. Столовича и Л.М. Лотман. Самым крупным изданием оказалась подготовленная мною книга: *Ю.М. Лотман. Письма 1940-1993*. М., «Школа ЯРК», 1997, включившая 732 письма почти двадцати адресатам (в 2006 г. книга была переиздана).

Вторым значительным изданием стала книга, подготовленная О.Я. Кельберт под редакцией Б.А. Успенского: *Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский. Переписка*. М., НЛО, 2008. Здесь напечатаны 376 писем авторов друг к другу.

А в настоящее время, я, получив Лотмановскую стипендию Эстонского гуманитарного института при Таллинском университете (на четыре месяца, с октября 2009 по январь 2010 г.), смог продолжить публикацию писем выдающегося тартуского ученого. Татьяна Кузовкина, научная сотрудница Эстонского фонда семиотического наследия, входящего в Эстонский гуманитарный институт, включилась соавтором в мои реализации планов.

Сейчас уже практически намечены издания трех книг: 2-го тома «Писем Ю.М. Лотмана» (войдет 800 новых писем), переписки «Лотман–Егоров» (около 700 писем) и «Лотман–Минц» (почти 800; семейная переписка). Таким образом, будут научно изданы свыше 1200 новых писем Ю.М. Лотмана.

Создание научных примечаний к ним требует чрезвычайно больших усилий во времени и разработанных навыков эвристики (нахождения и обнаружения не лежащих на поверхности фактов).

Нет нужды говорить, что комментатор должен уметь пользоваться энциклопедиями, словарями, библиографическими справочниками. Однако ряд справочных пособий ему предстоит сделать самому. Если нет изданных летописей жизни и творчества авторов публикуемых писем, то нужно сделать хотя бы краткий свой, куда важно включить интервалы пребывания в тех или иных местах, смены жилья (квартир) и мест работы, и т.п. Это поможет датировке (хотя бы приблизительной) писем, где нет данных о времени.

Частичные указания автора письма («завтра, в понедельник, 27-го») легко уточняются по собранию годовых календариков, значительно более удобного для работы, чем различные формулы и таблицы, по которым определяются число и день любой точки христианского календаря. Если наш пример (понедельник 27-го) с помощью формул и таблиц требует немалого количества минут (особенно, если надо еще и год определить), то с календариками находим месяц и год за несколько секунд.

Важно знать, что в течение XIX в. даты по старому стилю точно соответствуют таким же числам, месяцу, году по календарю XX века нового стиля. Так что достаточно составить стопку в 100 штук из календарей XX века, и мы автоматически получаем пособие и по всему XIX веку. А для приобретения 100 календариков не обязательно жить 100 лет; благодаря повторам (путаются только високосные годы) лет за 20 можно собрать весь комплект, покупая ежегодно сразу 6-7 экземпляров нового календарика и обозначая на экземплярах все аналогичные годы.

Большую трудность для комментатора представляют намеки, шутки, придуманные имена и названия, понятные только узкому кругу близких. Этот круг может многому помочь при комментировании. Поэтому исключительно важно начинать подготовку к публикации и объяснениям как можно раньше, пока еще есть возможность советоваться с ближними. Крайне выгодно, когда публикатор и комментатор сам входит в «круг», в число ближних автора писем. Тогда можно объяснить ряд уникальных ситуаций, которые будут абсолютно не понятными даже для родственников. Один характерный пример. Мое письмо к Ю.М. Лотману от 9 июня 1959 г. заканчивается поклоном жене адресата З.Г. Минц: «Приветы и поцелуи (от Александра Ивановича) Заре». Только я и супруги Лотманы смогли бы объяснить эту загадочную фигуру Александра Ивановича. Вот мой комментарий к этой фразе: «Шутка. Александр Иванович Тодорский (1894-1965), генерал-лейтенант, советский военный деятель, пострадавший в сталинское время, писатель и публицист. З.Г. Минц изучала его творчество и состояла с ним в переписке. Однажды первомайскую поздравительную открытку к ней А.И. Тодорский закончил строкой: «Целую. Александр Иванович». З.Г. Минц, к сожалению, решила, что эта открытка – очередной мой первоапрельский розыгрыш (хотя от 1 апреля прошло уже несколько недель!), и порвала ее».

Пример лишний раз подтверждает призыв: нельзя откладывать в долгий ящик публикацию и комментирование писем! Чем дальше, тем больше будет оказываться мест, не понятых комментаторами и их современниками.

Борис Федорович Егоров

профессор, доктор филол. наук, глав. науч. сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

* * *

И.А. Едошина

(Кострома)

«Междунаходимость» как сущностная характеристика дневниковых записей Бориса Шергина

1. Концепт «междунаходимость» предлагается автором этих тезисов по аналогии с «вненаходимостью» М.М. Бахтина. Правда, с иным содержанием. «Вненаходимость», по Бахтину, определяется позицией «человека у зеркала», когда «я вижу себя вне себя», словно на сцене^[7]. Однако подобная позиция, ограниченная человеческим сознанием, не позволяет обрести полноты бытия. Потому Бахтин предлагает поместить «я» сознания в ситуацию «по касательной» по отношению к внешнему миру. Думается, что подобное перемещение ничего не меняет в сущности заданной ситуации, предоставляя лишь большую возможность некой свободы все тому же «я» сознания.

«Междунаходимость» изначально предполагает пребывание «я» сознания *между* миром, в котором оно бытийствует, и миром сверхчувственным, Богом. Идеальные параметры бытийствования задаются Богом, человеку дано осознание степени приближения собственной или общественной жизни к этим параметрам. Подобного рода осознание открывает глубину и оригинальность самой личности. А поскольку в этой личности «человеческое, слишком человеческое» отодвинуто на второй план, то наблюдения, которые фиксируются автором, обретают облик истины. Другая значимая характеристика «междунаходимости» связана с особенностями дневниковых записей.

2. Дневник – это весьма специфическая форма существования «я» сознания. Самоё слово «дневник» связано со словом день, потому В.И. Даль определяет дневник как «поденные записи, журнал, во всех значениях»^[8].

Обращение именно к словарю Даля в контексте понимания дневниковых записей Б.В. Шергина представляется органичным этим записям.

Однако за время существования человечества история культуры сохранила немало количество дневниковых записей. Редкий деятель культуры не вел дневников. Причем их содержание было разным. Например, А.Н. Островский в дневниковых записях просто фиксировал некоторые события из своей жизни, никак их не комментируя. Л.Н. Толстой, наоборот, стремился как можно подробнее описать события и дать им свое истолкование. Ф.М. Достоевский (может быть, вслед за Гофманом) сделал дневник формой художественного повествования, а все тот же Островский увидел в дневнике источник комедийной коллизии. Не случайно в театрах пьеса «На всякого мудреца довольно простоты» подчас получала именование «Дневник подлеца». В публикующихся сейчас дневниках М.М. Пришвина открывается не ведомый до того мощный мыслитель, который доверял своим записям самые сокровенные мысли. Уникальны дневниковые записи М.О. Меншикова, сделанные им в последний год жизни, причем сам автор понимал, что всякую минуту жизнь его может быть насильственно прервана. Предельно откровенна в своих дневниках З.Н. Гиппиус, как столь же предельно амбициозна, например, М. Башкирцева.

Внимательное чтение дневниковых записей позволяет заключить, что все они пишутся, конечно же, для себя, но рассчитаны и на чтение другими людьми. Своеобразным подтверждением может служить уникальный случай публикации В.В. Бибихиным своих дневниковых записей еще при жизни, правда, автор знал, что умирает. В этих записях не автор, а другие (А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев – основные) лица, многие из которых к моменту выхода книги были еще живы, являются главными героями. В этом контексте показательной является оговорка А.В. Грунтовского: «Дневниковые записи Бориса Викторовича (Шергина. – И.Е.) в большинстве случаев не предназначались для стороннего взгляда, но, вместе с тем, и не без надежды на дальнего читателя»^[9].

3. «Междунаходимость» автора дневниковых записей - Бориса Шергина - определяется, с одной стороны, его воцерковленностью, что позволяет не только вписать человеческое бытие в праздничный круг христианства, но увидеть самое христианство радостным и светлым. С другой стороны, «междунаходимость» предполагает и общение с потенциальным читателем записей. Не следует исключать и третью сторону: отношения

автора с самим собой, которые формируют определенный смысловой и поэтический аспекты дневников Бориса Шергина.

4. Христианский смысл дневниковых записей Шергина (и одновременно «междунаходимости») явно противоречит заглавию конференции «Маргиналии - 2010». Латинское слово *marginalis* обозначает «находящийся на краю, пограничный» от глагола *margino* «обрамлять, обводить по краям». Потому словом «маргинальный» маркируется все, что отделяется от чего-либо, нечто особенное. «Междунаходимость» Шергина заключается в том, что его дневниковые записи не отделяют, а вписывают частную жизнь в тот праздничный круг, в пределах которого временное обретает вечный смысл и преодолевает недолговечность бытия. Хотя, с другой стороны, если понимать дневники как не главный текст в творчестве писателя, тогда этот текст есть чистая маргиналия. Правда, вопрос о том, как, на каком основании отделить дневниковый от всего творчества, не теряет своей актуальности.

5. «Междунаходимость» определяется тем мыслимым или реальным общением с другими, которое столь характерно для дневниковых записей Шергина:

Я разговорился с каким-то уже седеющим человеком. Поговорили как незнакомые, перекинулись мыслями вообще, коснулись церковных дел и т.п. И, удивительно, светлое чувство от незнакомца живет во мне и сейчас, спустя несколько часов. Подсознательно душа моя вобрала обаяние того человека. Как голубь светлый от него перелетел на меня (с. 114).

Подобного рода запись создает впечатление, что при всех трудностях жизни автор не одинок, у него есть единомышленники, с которыми он общается посредством дневника. Потому мир в его нестроениях не безнадежен: духовно близкие люди знают путь спасения не только для себя, но для всех. Дневник – это и есть путь к себе подлинному, тому, что Господь «порадел сделать» человеком (с. 190).

6. Может быть, наибольшей сложностью в осмыслении представляют отношения автора с самим собой. Даже если помнить, что всякая дифференциация единого текста есть некая условность. Наиболее явственно эти отношения проступают в оценках прочитанного. Вот он признается:

В молодости, эстетствуя, я любил почитать А. Франса. А потом определился для меня в сих эстетных писаниях непонятный мне еще тошнотворный душок... (с. 313)

Шергин понял это, когда прочитал «Соловецкий патерик», где «всё чисто, светло, добродетельно в простоте и бесхитростности» (с. 190). «Междунаходимость» - это еще и ситуация, когда сегодняшний человек оценивает себя вчерашнего, вступает с собой вчерашним в спор, чтобы выявить подлинные ценности не столько для себя (сам-то он уже выбрал и написал об этом), сколько для других. Отсюда нескрываемый подчас дидактизм дневниковых записей.

7. И в конце напомним одну мысль Ф.Э. Шперка: «В “дневниках” вы знакомитесь чаще всего не с действительными чувствами и настроениями, ибо кто, испытывая известное настроение, сядет за стол и станет записывать его? ... Быть может, “дневники”... суть попытка субъективной литературы...»^[10] «Междунаходимость» позиции Шергина стремится преодолеть этот субъективизм, сохранив образную полноту текста.

Едошина Ирина Анатольевна

доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой теории и истории культур Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

* * *

Ершов В.П., Михайлова Л.П.

(Петрозаводск)

Памятник письменной культуры Заонежья 30-х гг. XX века

(дневник крестьянина)

Дневник найден в 1971г. в брошенной заонежской деревне Красная Сельга (Карелия) в доме автора Ананьева Павла Тимофеевича, перевезенном в музей-заповедник Кижы в 1975. Дневник написан простым карандашом на 102 страницах с 1932 по 1938 гг. Документ содержит сведения, интересные для этнографов, диалектологов, топонимистов, краеведов, историков, экономистов.

Отметим самые существенные факты, характеризующие дневник как памятник письменной культуры. В его тексте сохранились некоторые

древнерусские черты, отразились приметы заонежского говора и новые явления, репрезентирующие влияние литературного языка.

Основные фонетические явления: **1.** произношение звука [и] на месте бывшего «ять»: хозяйка *сиела*, *сияли* однолеток, в *Шуньги*, в кипячий *води*; **2.** сохранение начального безударного **ро-**, наряду с **ра-**: *россадник*, *рассадники*; **3.** мена гласных [и] ~ [е]: *стерала* билье, *заперал* огороды, *оберала* сено и *запирала* огороду, *убирала* сено; **4.** преобразование [чн] > [сн]: *Заговенье* молосное; **5.** (предполагаемый) переход **о > а** и **е > 'а** с одновременной перетяжкой ударения на первый слог: *прочищал* дароги, *платиц* *нарос* в *Тютез(ере)*, *я* *дома* *старож*, *сияли* *навью*; *привезли* *пятуха*, ср. в говорах Заонежья *пя'тун* 'петух'.

В слове **жан** отразилась гиперкорректная замена глухого звука звонким, опосредованная прибалтийско-финским влиянием: «Митька и бабы ходили за волнухами на продажу. *Я починял жан под ягоды*» 18, далее – «*Был дома, починял щан*» 18. Вариант **жан** – последняя ступень в преобразованиях **дъщан > дщан > щан > чан > шан > жан**. Противоположное явление – замена звонкого согласного глухим в сильной позиции – представлена в двух словоформах: «*Марья уехала в Великой Губу, свесла* картошку» 19 об., «*Из колхоза из семянного фонта* получено ржи 30 ф.» 90 об.

Морфологические особенности представим примерами (без комментариев):

1. на *межи*, *был* в *свадьбы*, в *избе* и в *избы*, на *лесозаготовки* и на *лесозаготовке*; **2.** в *леси* и в *лесах*, в *концы*, в *колхози*; **3.** *клали* *дубу*, для *дому*; **4.** за *гостями*, за *дровами*, з *двумя* *ребятами*, за *ступами*, за *волнухами*, за *коньми*, лишь один раз **-амы**: «*Получил деньгамы* 9 руб.» 102 об.; **5.** за *мене*, **6.** *скотной* *двор* и *колхозный* *двор*.

Синтаксис в целом приближен к разговорной речи, преобладают простые, неполные предложения, иногда усеченные. Типичная запись: «*Был дома, читал газеты Митька возит сено болото северного конца Хозяйка топил баню, сходили*»; «*Я делал посуду. Митька на лесозаготовки. Хозяйка кое-что*». Единично употребление структуры со вторым винительным падежом: «*Марья возила* в *Умпогу* *бочки* *волнухи*» 19 об.; отсутствие грамматического согласования глагола-сказуемого с подлежащим в числе – при обозначении главного представителя группы лиц: «**Митька делили** *кожу*, *Марья* *тоже*» 22 об. Ср. также примеры: *пилили* *дров*, *был* *запереть* *сено*.

Употребляется стилистически нейтральная, реже сниженная просторечная лексика: «Празник Казанская. Зять Устрецкой **приехал** на лошади к обеду и **ночевал**. Зять черкасской только **сунулся** вечером и ушел домой» 21. Автор дневника использует синонимы и возможные эквиваленты, особенно при описании своего состояния: перемежаются я **болел** и я **хворал**, единично – **недомогал**, был **не здоров**, я был **очень болен**, я **лежал, плохо здоров**, я **болел и пал в подпол**, я **кое что да на печку**, часто **болел сильно, хворал сильно**.

В лексике, помимо хозяйственно-бытовой, выделяется официально-деловая: **промерка, подточка, подрывка, подточка, запорка, таксатор**, новая для системы говора периода 30-х гг. XX в.: **презедиум, митинги, Советский праздник**.

Заонежский дневник П.Т. Ананьева еще ждет своих исследователей.

Ершов Виктор Петрович

кандидат педагогических наук, доцент

Карельская государственная педагогическая академия, кафедра философии, Петрозаводск

Михайлова Любовь Петровна

кандидат филологических наук, доцент, профессор

Карельская государственная педагогическая академия, кафедра русского языка

* * *

В.В. Есипов (Вологда)

Качество текста как показатель провинциальности
(непровинциальности) литературы (на примере творчества
вологодских «писателей-земляков»)

1. Понятие качества текста автор рассматривает как закономерный и необходимый процесс постоянной инновации формы и содержания литературных произведений. Не углубляясь в теорию текста (Р. Барт,

Ю.Кристева и др.), можно вспомнить слова А.С.Пушкина о Баратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит», где «оригинальность» (формы) напрямую связывается со способностью к философскому мышлению.

Провинция подарила миру множество замечательных писателей, однако, далеко не все из них выдерживают т.н. «гамбургский счет». В предлагаемом докладе делается попытка выявить некоторые закономерности, в силу которых отдельные писатели, входя в мир литературы, навеки избавляются от печати провинциальности (провинциализма), а другие так же навеки остаются с нею. (Понятие «писатель-земляк» мы употребляем в ироническом смысле, отталкиваясь от распространенного в провинции культа «писателей-земляков» любого ранга).

2. Два типа вхождения провинциалов из Вологодской области в большую литературу: В.Шаламов и А.Яшин.

Маршрут литературных стратегий общий – в Москву! Творческая ориентация изначально разная: у Шаламова – на русский модернизм, на создание новой прозы, в мировоззренческом плане – на открытость Миру, у Яшина – на традицию русской классики XIX в., Н.А.Некрасова и Л.Н.Толстого, на близость «простому человеку» малого мира (общины). Социально-тематический аспект творчества каждого из двух писателей в 1960-е годы связан с их личным опытом и затрагивает трагические стороны советской действительности: в одном случае объектом является лагерная система, в другом – колхозная. Творческие результаты, объективно определившие место каждого писателя в русской и мировой литературе – далеко не равнозначны. Главное преимущество Шаламова – инновационный характер его текстов на основе сочетания новой формы и философского универсализма, что делает его произведения абсолютно непровинциальными. Яшину этого достичь не удалось – во многом по причине определенной узости творческих задач. (При обосновании данных положений автор опирается на письмо Шаламова с отзывом о Яшине – см. Шаламов В.Т. Соч. в 6 томах. М.Терра-Книжный клуб.Т.6.С.465-466).

3. Эволюция В.Белова – от Москвы назад, к Тимонихе, от «Привычного дела» к «Все впереди» и публицистике.

Первоначальная установка на развитие русской прозы в русле традиций Толстого и Бунина принесла В.Белову большой и, казалось бы, непреходящий литературный авторитет. Однако в дальнейшем – вероятно, в силу недостаточно глубокой укорененности в мир большой культуры (его учеба в Москве была достаточно краткой) писатель обнаружил в своем

творчестве очевидные признаки провинциализма. Это проявилось прежде всего в нарастающем примитивизме социального мышления писателя, в склонности к объяснению причин бед России «заговором внешних сил», а также в склонности к морализированию. Качество поздних текстов В.Белова (роман «Все впереди», отдельные части книги «Год великого перелома», публицистические статьи) заставляет забыть о его былой славе блестящего стилиста и хранителя народной речи. Как представляется, одной из причин этой эволюции стала безосновательная вера писателя во всемогущество традиции «духовного учительства» в России, то есть, вера в текст как в прямое действие (о наивности подобных «транзитивных» стратегий писал еще Р.Барт).

4. Тупики воинствующего провинциализма (краткий обзор текстов современных вологодских писателей).

5. Теоретические и практические выводы.

Есипов Валерий Васильевич

кандидат культурологии, журналист, г. Вологда

* * *

Анна А.Зализняк

(Москва)

Дневник среди других речевых жанров с косвенным адресатом^[11]

Кто является адресатом дневника – вопрос сложный и одновременно ключевой для характеристики его как жанра (так как жанр текста определяется конвенциями отношений между его автором и его адресатом). В докладе предлагается модель, согласно которой дневник реализует коммуникативную ситуацию, включающую непосредственного адресата (им всегда является сам автор) и еще одного – *косвенного адресата*: в этой роли могут выступать родные (жена, муж, мать, сын) или близкие автора (ср. существовавшую в XIX – начале XX вв. традицию чтения дневника в узком кругу друзей; как известно, Лев Толстой в

последний год жизни, когда его обычный дневник уже фактически ему не принадлежал, завел «Дневник для одного себя»). Косвенного адресата может не быть вообще (известны многие случаи, когда человек в конце жизни свой дневник уничтожал или просил это сделать других после его смерти), но это означает только, что эта позиция в данном случае не заполнена. При таком взгляде жанр дневника оказывается в следующем ряду других вторичных, или сложных, (по Бахтину) речевых жанров, также предполагающих двух адресатов с различным статусом: дарственная надпись, адрес на конверте, эпитафия, девичий альбом, лирика (лирическая повествовательная форма), поздравительный адрес, псалом.

Особенность жанра дарственной надписи на книге (который лингвистами практически не изучался), состоит в том, что это текст, содержащий эксплицитное указание адресанта и адресата, при этом оба они названы как бы в 3-м лице (т.е. вместо «тебе от меня», пишется «Маше от Пети»). Ср.:

Дорогому Василию Ивановичу Качалову на добрую память от глубоко уважающего, любящего признательного автора.

Антон Чехов.

26 февраля 1904 г. Ялта.

Действительно, адресатом подарка и сопровождающих его чувств дарящего является человек, названный в дат. падеже. Однако используемое 3-е лицо для обозначения обоих участников коммуникативного акта свидетельствует о том, что данная коммуникативная ситуация предполагает присутствие еще некоего стороннего наблюдателя. Этим косвенным адресатом дарственной надписи, т.е. адресатом сообщения 'Данную книгу подарил человек X человеку Y в такой-то момент (в таком-то месте), при этом человек X называет человека Y так-то, испытывает к нему такие-то чувства и т.д.' являются, очевидно, «потомки» – которые впоследствии эту информацию успешно извлекают и используют.

Тот же принцип применяется для обозначения отправителя и получателя письма на современном конверте, где косвенным адресатом является вполне реальный сотрудник почтовой службы, а также, например, в шапке заявления: «Директору института такому-то от научного сотрудника такого-то»; адресатом этого текста является секретарь директора, для которого оба обозначенных лица оказываются «третьими». В средневековой русской эпистолярной традиции указание адресата (прямого) и отправителя включалось в текст письма^[12].

Еще один коммуникативный жанр, имеющий косвенного адресата – эпитафия. Форма эпитафии может быть очень различной: это может быть послание от живых к умершему, от умершего к живым, от близких умершего к остальным людям и др. «Наивные» (т.е. сочиненные или откуда-то взятые близкими умершего) эпитафии чаще всего обращены от живых к умершему и выполнены либо как обращение от 1-го лица к 2-му, либо оба участника названы в 3-м лице, ср.:

Ты был всем словно солнца свет
И воплощеньем доброты, Любимый,
славный, лучший дед, От нас ушел куда же ты?

Милой мамочке от ее любимого Сереженьки.

В обоих случаях эпитафия имеет косвенного адресата – «прохожего» (он является адресатом сообщения 'Здесь похоронен такой-то человек, родившийся и умерший тогда-то и т.д.'). Заметим, что обращение к «прохожему» входило в жанровый канон античной литературной эпитафии^[13], его воспроизводят также известные Цветаевские строки («Идешь, на меня похожий, Глаза устремляя вниз. Я их опускала - тоже! Прохожий, остановись!»)

Следующий жанр, предполагающий косвенного адресата – девичий альбом, куда подруги и приходящие гости пишут стихи, комплименты или просто какие-то фразы, обращенные к хозяйке альбома, предназначенного для того, чтобы читать, а потом показывать эти записи другим лицам; эта практика, распространенная в русской дворянской среде в первой половине XIX в. (ср. «уездной барышни альбом», описанный Пушкиным) в какой-то степени сохранилась до наших дней^[14].

Жанр поздравительного «адреса» интересен тем, что он пишется во 2-м лице, при этом сообщается информация, известная этому лицу: «Вы возглавляете сектор такой-то, вы защитили докторскую диссертацию в таком-то году на такую-то тему и т.д.» Здесь реальным адресатом является публика, присутствующая при зачитывании адреса. Похожую коммуникативную структуру имеют псалмы (общим с поздравительным адресом является также иллокутивная функция воздавания хвалы). Ср.: «"В начале ты, Боже, землю сотворил еси..." Можно сказать, что псалмы включают в себя весь Ветхий Завет, который человек пересказывает Богу»^[15].

Лирическая повествовательная форма, включающая обращение на «ты» к некому лицу, называемому обычно «внутренним» адресатом,

предполагает косвенный адресат, типологически наиболее близкий к косвенному адресату дневника – это читатель^[16].

Роль косвенного адресата резко возрастает в Интернет-дневниках, что приводит к существенной перестройке коммуникативной ситуации, реализуемой «обычным» дневником. Однако принцип наличия двух адресатов, одним из которых является автор, сохраняется.

Зализняк Анна Андреевна

д.филол.н., в.н.с. сектора типологии ИЯ РАН

* * *

Запольская Н.Н.

(Москва)

Синсемия в метатекстах средневековой культуры

1. В рамках христианской культуры порождение текстов предполагало воспроизведение отдельных семантически значимых для требуемой темы фрагментов образцовых текстов, прежде всего, литургических и богословских. Представленные в порождаемых текстах цитаты выполняли прототипическую функцию, позволяя понять конкретные события как реализацию авторитетных прецедентов. Отношения между нецитатным, историческим, уровнем текста, и цитатным, духовным, уровнем текста могут быть названы «синсемическими отношениями», поскольку оба уровня текста должны были, «хоть и по-разному, выражать одну и ту же семантику, т.е. свидетельствовать о единственной истине» (Пиккио 2003, 34).

2. Отношения синсемии возникали также и в метатекстах, т.е. в грамматических и орфографических трактатах, посредством введения цитат и реминисценций либо в основную часть, либо в предисловие лингвистических сочинений. Примером такого лингвистического сочинения является анонимная грамматика цсл. языка начала XVII в. (ГИМ, Син. 734) (см.: Запольская 2008).

В Предисловии к грамматике, написанном в форме авторской проповеди, неизвестный книжник говорит о причинах, побудивших его написать грамматику, и об избранном им способе написания грамматического труда. Составление грамматики предстает как духовный процесс, смысл которого раскрывается при обращении книжника к евангельской притче о талантах, свидетельствующей о необходимости правильно распорядиться полученным от Бога даром учительства: «Сего ради азъ грѣшныи и недостойныи рабъ ... слышахъ притчу сју о лѣнѣвомъ рабѣ, Ѹбояхся ј во трепета^х и нещевая^х себѣ, да некако ¼' азъ не ѸсѸгѸбивъ талантъ послѣднее осужденїе получю, еще же слыша^х и притящї^х ми о семь и гл=ющихъ, ^{ТМ}ко нелѣпо есть быть бл=годати скрїемѣ, тѣмъ же оу"бо азъ изыска^в ^ мно҃гихъ коснухся дѣлу написатї кн=гѸ, гл=емую грамматику...» (л. 5). Ссылаясь на евангельскую притчу, книжник следует традиции, восходящей в контексте славянской книжности к Иоанну Экзарху Болгарскому, который в своем Предисловии к переводу Богословия Иоанна Дамаскина приводит притчу о талантах как обоснование своего решения «преложити оучителска^{ТМ} съказани"» [Ягич 1896:33]. Способ написания грамматики также определяется традицией: задачу «и³бравъ ^ мно҃гї^х воедино совокупивъ ... написати ... гра^Мматикї» книжник буквально «вписывает» в цитату из Послания Иоанна Дамаскина епископу Козьме Маюмскому, в котором Дамаскин говорит об избранном им способе написания догматического сочинения: Иоанн Дамаскин - «Мое* оу"бї^{ТМ}коже рѣ?хъ ничто?же, но ^{ТМ}же и'з"щнѣйшими ^ оу"чи?телей потрѹже?на" воеди?но собра?въ, є'ли?ка си?ла сокраще?но сло?во сотворю...» = книжник - «Мое же, ^{ТМ}ко же рѣхъ ничтоже, но ^ мно҃г¹/₄^х бж^с^твенн^х и прем^дрыхъ јч=тле¹/₄ и³брана совокїни⁶ напишу во исправленїе ¼ в наказанїе словес^нскаго нш=го ^{ТМ}зыка» (л. 1 об.).

В основной части грамматики автор, следуя трактату «О" Ј'смїхъ ча?стѣхъ сло?ва», разделил имя на «о»бщее» и «о?собное», а не собственное и нарицательное: «Сїть^{же} ¼"мя сїгїбо о"бщее и' о?собное. О"бщее ¼"мя есть еже едины^М ¼'менованїемъ общ¹/₄я и бе³/₄вѣстныя вещи знаменуеть, ^{ТМ}ко сїщество, естество, гра^о, животно, чл=къ, древо, ѷ=ь, цр=ь и прѣчая. Особное же имя есть е^{же} коюждо ве^ш или лице составное сїи речь свойственно нарицаеть и ^ прѣч¹/₄хъ ^лучена ^{ТМ}вляеть, ^{ТМ}ко желѣ³/₄о, тепло, Ви³/₄антїя, Петрѣ, павель, кипар¹/₄сѣ и прочая» (лл. 27 об.-28). Выбор автора грамматики мог быть поддержан тем, что именно оппозиция «о»бщее» // «о?собное» демонстрировала связь грамматики и богословия, поскольку противопоставление имен, представленное в

грамматическом трактате, становится понятным и обоснованным в контексте размышлений Иоанна Дамаскина о категориях сущность (соущество) и ипостась (съставъ) (Keipert 1999). При этом синсемические связи между богословским трактатом и грамматическими сочинениями поддерживались посредством ключевых примеров: Богословие Иоанна Дамаскина – «соущество... чл=къ... съставъ... *петръ, навель*» = рукописная грамматика – «общее $\frac{1}{4}$ ”мя... чл=къ... особое имя *Петръ, навель*».

ЛИТЕРАТУРА

Запольская 2008 – Грамматика и субграмматика славянских литературных языков: теория и истории норм // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10-16 сентября 2008 г. М., 2008. С. 199-224.

Пиккио 2003 – Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: литература и язык. Отв. редакторы Н.Н. Запольская, В.В. Калугин. М., 2003.

Ягич 1896 – Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1896.

Keipert 1999 – Keipert H. Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 58, 1. Heidelberg 1999. S. 19-42.

Запольская Наталья Николаевна

д. филол. н., в.н.с. Института славяноведения РАН

* * *

Е.В. Зименко

(Москва)

Маргиналии на гравюрах и литографиях из коллекции Ф.Ф. Вигеля

В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ с 1853 г. хранится переданная в дар коллекция гравированных и литографированных портретов, принадлежавшая Ф.Ф. Вигелю – тайному советнику в отставке, директору Департамента иностранных вероисповеданий Министерства

внутренних дел. Он более известен как человек пушкинского круга, мемуарист и литератор.

Остаются неизвестными мотивы, побудившие Вигеля передать свою коллекцию в дар Императорскому Московскому университету. Видимо, незадолго до этого события владельцем были подписаны некоторые листы, которые рисковали пополнить ряд портретов неизвестных, поскольку на них не было никаких подписей. Своим характерным прямым и круглым почерком он пометил: «Зенеида Волконская», «Феофан Прокопович», «Князь Б.А. Долгоруков» и др. Это один из видов маргиналий, призванных сохранить для истории имя изображенного лица.

Несколько иные функции выполняют более подробные пометы, например, «Ростопчин в старости». Этот портрет, литографированный О.А. Кипренским в 1822 г. в Париже, напрямую соотносится с местом в «Записках» Вигеля, где он описывает вынужденное парижское затворничество Ф.В. Ростопчина, с которым автор был знаком с 1790-х гг. и до 1826 г. (кончины Ростопчина). Этот человек оказал протекцию юному Вигелю при поступлении того на гражданскую службу. Вигель был о нем столь высокого мнения, что писал, будто Александр I был вдохновлен свыше, когда назначил Ростопчина военным губернатором Москвы. Желание утвердить, что этот внешне изменившийся человек все тот же негибавший Ростопчин, за которым тянулась сомнительная слава инициатора московского пожара 1812 г., видимо, и побудило Вигеля сделать подобную помету, замечательно соотносящуюся с литографированным двустижием: «Без дела и без скуки сию поджавши руки».

Такой же характер носит помета «Бутурлин, ныне сенатор». Современникам Вигеля, без сомнения, были известны два полных тезки - два графа Дмитрия Петровича Бутурлина. Один известный библиофил, другой - военный историк. Помета Вигеля указывает, что юноша, изображенный на литографии неизвестного художника начала 1820-х гг., - это второй из Бутурлиных, причем указано не имя (оно у обоих одинаково), а служебное положение.

Примером максимально распространенных помет может служить четверостишие-эпиграмма под гравированным портретом Д.И. Хвостова. В коллекции Вигеля представлен вариант эпиграммы, приписываемой И.А. Крылову и П.А. Вяземскому, причем именно взаимодействие изображения и подписи усиливает комический эффект. Гравюра выдержана в классических традициях и вполне серьезна. Во второй половине XVIII- начале XIX вв.

сложилась традиция сопровождать гравированные портреты стихотворными подписями-панегириками, но никак не эпиграммами.

Еще один вид маргиналий - это дарственные записи, что проливает свет на круг общения Вигеля. Таких записей две: чиновника и ученого-археолога С.Д. Нечаева и поэта А.С. Пушкина. Первый подарил Вигелю свой литографированный И.П. Фридрицем в 1827 г. портрет, а второй - гравированный Н.И. Уткиным для альманаха «Северные цветы» в 1828 г. В обоих случаях сам факт дарения портрета с подписью говорит о многом и, прежде всего, о том, что у Вигеля был выраженный интерес к науке и литературе, подтвержденный и текстом его «Записок». Поскольку пушкинская тема всегда была и остается наиболее востребованной, можно обратить внимание на тот факт, что Вигель входил в круг пушкинского общения не только во времена «Арзамаса» и южной ссылки, но и в последующий петербургский период, о чем свидетельствует гравированный портрет 1828 г.

Остается отметить, что учет маргиналий на графических листах должен быть неотъемлемой частью их научного описания. К сожалению, пока это не так. Сошлемся на каталог русской части коллекции Вигеля, опубликованный Н.Г. Сапрыкиной в 1980 г. В нем, к сожалению, не указаны маргиналии на гравюрах и литографиях, являющиеся дополнительным источником для их изучения. Наши примеры касались лишь некоторых гравюр и литографий из русской части (их всего около 500), но остается еще иностранная часть коллекции, в которой более 2500 листов, буквально испещренных маргиналиями на разных европейских языках. Их учет и изучение еще ждут своего часа.

Зименко Елена Владиславовна,

зав. сектором изоматериалов Отдела редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ

* * *

Ю. В. Казарлицкий

(Москва)

Идеал героического поведения в контексте оппозиции «центр — периферия»

1. Героический идеал не статичен; он переживает существенную эволюцию, тесно связанную с глубокими трансформациями, происходящими в европейской (включая русскую, с учетом всей специфики) культуре, при переходе от архаических форм сознания к новоевропейскому рационализму. Архаическое сознание тяготеет к воспроизведению образцовых моделей. В этой перспективе героическое поведение в большей или меньшей степени воспринимается как конститутивная характеристика личности. В новоевропейской, значительно более гибкой и адаптивной системе поведенческих оценок, действия индивида рассматриваются в перспективе принятия рациональных решений и соответствия этих решений определенным правилам. Героическое сознательно и рационально, основано не на торжестве боевой ярости, бьющем через край напоре, а на осознанном решении, ставящем одни приоритеты выше других. Истинный герой не дает властвовать над собой ни рвущемуся на волю инстинкту самосохранения, ни неконтролируемой агрессии, заставляющей забывать о страхе [Элиас I: 282].

2. Таким образом, в центре внимания и на вершине оценочной иерархии оказывается разумный индивид, сознательно подчиняющий себя общественному долгу и подавляющий ради этого свои аффекты и спонтанные реакции [Кагарлицкий 2009: 292]. Рационалистический идеал поведения склонен к экспансии задаваемых им ориентиров. В культуре эта экспансия соответствует совместной работе просвещения и социального дисциплинирования; в общественном устройстве — интегрированию новых социальных групп в национальный или имперский проект; в национально-территориальном измерении — колонизации удаленных территорий и их населения. Так, в противопоставлении центру, в имперском культурном сознании формируется периферия, населенная людьми, у которых эмоции превалируют над разумом; социальными группами, сопротивляющимися общим задачам; нецивилизованными народами и племенами.

3. Жители периферии (социальной, культурной, этнической) воспринимаются как люди, гораздо в меньшей степени способные к тому, что делает человека просвещенным и цивилизованным, — к рациональному планированию своих действий, к самоконтролю, к подавлению спонтанных реакций и чувств. Соответственно, и героизм их носит аффективный

характер, поэтому они легко побеждаемы регулярными войсками. Примерно со второй половины XVII в. русские люди начинают осознавать дистанцию между разумными, предусмотрительными, цивилизованными воинами — и отчаянными татарами или повстанцами-казаками, способными на смелые поступки, но рассеиваемыми «правильным оружием». Постепенно в течение XVIII в. формируется канонический облик жителя периферии: привыкшего к походной жизни, терпеливого к тяготам, импульсивно-отважного. Так описываются казаки, представители народов Кавказа, Средней Азии, Сибири. До определенного времени эти этнографические описания воспринимаются лишь как контрастный фон к рационалистическому идеалу поведения.

4. В начале XIX в., после Отечественной войны, в значительной мере усилиями Дениса Давыдова, происходит реабилитация казачества и свойственной последнему иррегулярной тактики. Сразу после войны начинается полувековая Кавказская война, заставившая с уважением отнестись к героизму горцев и противопоставить ему свой собственный, сходного характера. Отчаянная храбрость, способность действовать без оглядки, рискованно становились приметой людей с Кавказской линии. Всё это происходило на культурном фоне романтической революции в культуре, отказа от односторонности просветительского рационализма. Периферия начинает восприниматься как место, где не срабатывают рациональные решения, и где становятся важны и ценны безрассудство, задиристость, сумасшедшая отвага. Полностью реабилитировать эти качества, включить их в канон цивилизованного поведения невозможно; однако представление о ценности и важности мира периферии навсегда входит в культуру.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН "Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей". Проект "Риторические стратегии и семантические составляющие в истории русской культуры (религиозной и светской)"

Литература

Кагарлицкий 2009 — Ю. В. Кагарлицкий. Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009.

Элиас I–II — Норберт Элиас. О процессе цивилизации. Тт. 1-2. М.; СПб, 2001.

к. фил. н., научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

* * *

О.А. Казакевич

(Москва)

Коллективизация в тундре

(по материалам полевого дневника Г.Н. Прокофьева 1930 г.)^[17]

В Архиве Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых (МАЭ РАН)^[18] хранятся фрагменты трех полевых дневников известного лингвиста и этнографа-североведа Г.Н. Прокофьева, разделенные интервалом менее чем в пять лет, но по сути представляющие три разных эпохи: 1921 г. (поездка на Нижнюю Обь к обским и ямальским ненцам, которые только начинают присматриваться к новой власти, но существенных изменений в их жизни еще не происходит), 1925-1926 гг. (первый год работа директором инородческой школы в Туруханском крае, родовые советы, еще связанные со старой социальной организацией инородцев, школа как место знакомства автохтонного населения с плодами цивилизации, а также с идеологией новой власти, появление местных активистов-демагогов)^[19], 1930 г. (путешествие с культбазы Хоседа-Хард к Югорскому шару: вокруг уже вовсю ведутся поиски кулаков, коллективизация добрались до северных окраин).

Фрагмент дневника 1930 г. охватывает период с 21 мая по 12 августа (примерно два с половиной месяца). Это самый эмоциональный из трех дневников. Если в дневниках 1921 и 1925-1926 гг. мы в основном находим описания событий, людей, их обычаев и нравов, сделанные пусть заинтересованным, но все же сторонним наблюдателем, то в дневнике 1930 г. явственно ощущается душевная боль за судьбу людей тундры и отчаяние от тупости представителей власти и неадекватности их действий.

С момента выезда с культбазы день за днем дается скрупулезное описание тяжелого каслания^[20] по Большеземельской тундре: снег сменяется дождем, весна постепенно берет свое, вот-вот вскроются реки, и надо

торопиться, пока еще можно ехать хотя бы по ночам, когда подмораживает (выехали в два часа утра, встали на отдых в полдень, пили чай, охотились на куропаток, на обед мясо и компот).

От неимоверной тяжести переходов спасает ощущение красоты, что вокруг:

«В воде отражение тянувшихся вереницей аргишей^[21]. Тона холодные, строгие и в то же время обладают той исключительной нежностью, которую можно видеть исключительно только в красках Севера... Только здесь, сидя на санке^[22], опустившейся до верхних концов копыльев в ледовитую воду, или по колено в воде идя рядом с нартой, только здесь можно ощутить эту реальность северного путешествия».

Прокофьев аргишит с местными оленеводами, встречает оленеводов по дороге (тундра – это не пустое пространство, ее населяют ненцы, коми (ижемцы и колвинцы), русские, освоившие оленеводство, и жизнь этих людей постепенно становится главной темой дневника.

К 1930 г. родовые советы уже заменены на туземные, и во главе этих советов нередко стоят люди, готовые выполнять любые директивы центра. Вот портрет одного из них:

«Это один из представителей тупо-одержимых. К сожалению их гораздо больше, нежели людей, умеющих мыслить самостоятельно. Толку от таких людей быть не может, а только вред. Но, по-видимому, эта категория тупо-одержимых ценится как надежная техническая сила, и их охотно используют на работе. Это люди “преданные”».

Главной задачей определено выявление кулаков:

«Просмотр списка хозяйств 2-го тузсовета с целью определить классовое расслоение среди них. Определили двух кулаков».

«Тельвисоченских оленеводов (русских), по сведениям, сообщенным ненцами, раскулачили: отобрали у них оленей и все имущество и выселили. Ненцы иначе и не говорят – “ограбили”. Теперь (на)грабленное имущество якобы продают».

А вот комментарий Г.Н. Прокофьева:

«Неспособность отличить хорошего хозяина от “кулака” и худого хозяина от бедняка – вот камень преткновения политики нажима на кулака в тундре (и не только в тундре, пожалуй)».

У людей тундры есть собственное мнение относительно того, как им жить:

«На собрании 2-го августа в Ю(горском) шаре самоеды, между прочим, хотят выразить протест против выселения Павлова. Также точно они намерены якобы выразить протест против коллективизации в тундре, против запрещения держать батраков при стаде, против раскулачивания. Детей в школу отдавать не хотят: “раз нам нельзя держать батраков, дети нужны нам в хозяйстве”».

Дневник заканчивается описанием итогов собрания – и между строк, и в самом тексте отчаяние и стыд:

«Флаг над сельсоветом не шелохнется... дверь закрыта... Окна завешаны... Мир и тишина... Победа одержана, сход кончился. Победа далась легко – обмануть самоеда нетрудно. Он доверчив, как ребенок... Вчера еще он штурмовал стол, за которым сидит президиум «Что такое за кулаки, нет у нас кулаков! Все мы, самоеды, равны: и тот у кого сто оленей и тот у которого 500 оленей, и тот у кого 1.000 оленей! Мы тем равны, что войны среди нас нет. Все мы товарищи, все мы братья. Если у меня олешков мало, мне товарищ дает держать. Если у меня промыслу нынче мало, мне товарищ помогает. Нам не надо этого «кулак», «середняк». Все были одинаковы, пусть и дальше все будут одинаковы».... Я ушел со съезда с ощущением, что это я кого-то обманул. И верно... я был участником этого обмана... Мне было совестно,.. и тем более совестно, что со стороны самоедов я встретил доверие...»

Литература

Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 91-110.

Казакевич О.А. Дневник директора северной школы // Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста» Юрьев-Польский, 3-5 октября 2008 г. Тезисы докладов. М, МГУ, 2008. С. 65-67.

Казакевич О.А. Архив Е.Д. и Г.Н. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2009. С. 247-268.

Казакевич О.А. Дневник директора северной школы // Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста» Юрьев-Польский, 3-5 октября 2008 г. Тезисы докладов. М, МГУ, 2008. С. 65-67.

Прокофьев Г.Н. Полевой дневник. Культбаза Хоседа Хард – Югорский шар, Ненецкий национальный округ. 21.05 -12.08.1930 г. Автограф. 41 л. // Архив МАЭ РАН. Фонд 6, оп. 1, ед.хр. 27 (Копия Е.Д. Прокофьевой 1955 г. // Архив МАЭ РАН. Фонд 6, оп. 1, ед.хр. 28, 29).

Казакевич Ольга Анатольевна

к.ф.н., с.н.с., зав.лабораторией

автоматизированных лексикографических систем

НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова

* * *

Казимова Г.А.

(Москва)

Что за маргинал этот *дауншифтер*

1. Согласно, например, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, в современном британском английском downshift означает 'to change to a different job or way of life, so that you have less money and responsibility but more satisfaction and happiness'. Со ссылкой *American* тот же словарь дает основное значение слова, ставшего обозначением социального сдвига – to change to a lower gear when driving a car.

2. В современном русском языке в последние 5-6 лет также появилось заимствование «дауншифтер» как обозначение явления социальной жизни.

3. Около трех лет назад, после того как стало понятно, что слову суждена сколько-то продолжительная жизнь в русском языке, стали предприниматься попытки описать суть социального явления, скрывающегося за ним. Т.к. американские носители языка не понимали, о чем идет речь, когда слышали слово downshifter, российские исследователи пришли к выводу о том, что объемы понятий downshifter и дауншифтер не совпадают и что российская транслитерация семантически объемнее (Р. Фрумкина, блог А. Носика), что, вероятно, может быть приписано не только исключительному многообразию современных российских социальных паттернов, но и тому счастливому

обстоятельству, что русский язык, в отличие от английского, не обладает статусом *global*, а значит, ему нет необходимости упрощаться.

4. Совсем недавно развернулась дискуссия, инициированная А. Носиком, о том, насколько целесообразно присутствие в современном русском языке таких калек, как «дауншифтер», что же они выражают и нельзя ли их заменить на какие-то другие, более понятные русскоязычные эквиваленты.

5. В результате участники дискуссии пришли к выводу о том, что при всех своих недостатках (Г. Гусейнов – параллели со словами «мужчина» и «женщина» в качестве обращений) слово уже вошло в активное употребление: для интернет-юзеров оно уже не требует никаких пояснений.

6. При этом у русскоязычных пользователей нет единодушия в том, какой вид социально-«девиантного» поведения оно обозначает. Единого мнения не наблюдается даже по поводу интерпретации префикса *даун* -: указывается, что вниз это или вверх – зависит от интерпретации изменений в социальном и личностном статусе претерпевшего или решившегося на этот *shift*.

7. Для российских реалий, согласно наблюдениям, нередок такой вариант, когда человек становится дауншифтером поневоле, не в результате собственного решения, а например, в результате экономического кризиса. Отмечается, что в этом случае ему может быть гораздо труднее социализироваться на новом для себя уровне, чем, скажем, его британским собратьям, имеющим собственный сайт под названием 'Lets'.

8. Согласно свидетельствам блоггеров, экономический кризис на российской почве обладает также способностью вырывать дауншифтеров из уже ставшей привычной для них дауншифтерской среды и отправлять их обратно на офисный фронт в качестве тривиального апшифтерского (по сравнению с дауншифтерством) планктона. Причина в данном случае та же, что и предыдущем – отсутствие денег.

9. Насколько можно судить по высказывающимся в ходе интернет-дискуссии мнениям и оценкам, среди российских дауншифтеров на сегодняшний день числятся не только представители «свободных» профессий, типа писатели, художники и т.п., но и жители регионов с высокой арендной платой за жилье, как Москва и Петербург, сдающие свою жилплощадь и гоашифтерствующие в Гоа, дама по фамилии Борзых, бывшая москвичка и выпускница журфака, ныне проживающая в сельской местности и демонстрирующая небывалые успехи в огородничестве, о чем она

регулярно информирует агрономическую общественность в специализированных журналах, ряд семейств, переехавших из города в сельскую местность и овладевших множеством навыков и умений, в частности, принимать роды, и др.

10. Интересно, что ни в одной дискуссии не предлагалось применять это слово к бомжам, что, очевидно, предполагает некую элитарность дауншифтинга и дауншифтеров, если не материальную, то интеллектуальную.

11. Среди проблем, связанных с дауншифтингом, в последнее время отмечаются и такие, как присутствие потенциальных дауншифтеров в трудовом коллективе. Характерны такие названия статей руководителей подразделений хедхантерских компаний, как «Дауншифтер – кошмар для HR-щика». В качестве примера профессиональной неудачи HR-менеджера приводится реальный случай, когда талантливый врач, склонный к рефлексии, а не к продвижению вверх по карьерной лестнице, был ошибочно назначен на должность заведующим отделением, откуда и ушел в монастырь. Статья завершается предположением, что если бы человеку были созданы соответствующие условия на рабочем месте, ему бы не было необходимости порывать с родным лечебным учреждением и становиться дауншифтером.

12. Признавая, что пути дауншифтеров многообразны, участники дискуссии приложили немалые усилия в попытке подобрать замену этому англицизму. Любопытно, что, хотя предлагалось множество вариантов – от слов из разряда обценной лексики до впечатляющих «вольнохлебничество»/«вольнохлебник» и аббревиатуры «ЛУГи» (от «Люди уставшие гнуться» с вероятным созвучием с «лохом», что сделало бы излишними объяснения). Среди возможных вариантов назывались и такие английские слова, как sidestep, comedown, unyuppify.

13. Придя к выводу, что *дауншифтер* уже существует как факт русского языка, участники дискуссии указали на возможное различие между англосаксонским и российским *дауншифтингом*, отметив как удачную формулировку статьи в журнале «Огонек» о Соловках: «Люди едут сюда от больших городов и нервных карьер. На Западе это называется дауншифтингом. В России – спасением души».

* * *

О.В. Карпова

(Москва)

«Олбанский язык» – маргинальное «правописание» русского Интернета

«Олбанский йезыг» (*албанский, язык падонков, падонланг*) – феномен, характерный для культуры 2000-х, тесно связанный с Интернет-средой, где присутствует неравномерно, прежде всего на специфических контркультурных сайтах (самый старый и известный – Удафф.ком) и отчасти в русскоязычных интернет-форумах. В текстах этого рода, как правило, активно используется обценная лексика и весьма грубый юмор. Происхождение термина остаётся неясным. Иногда источником или предшественником этого явления считают «заумный язык» русских футуристов. С нашей точки зрения, речь идет не о преемственности – скорее, оба «языка» породились сходными механизмами культурного развития.

Явление это яркое и достаточно оформившееся, тем не менее, пишут о нём в основном журналисты и культурологи. Очень редко оно становится предметом внимания лингвистов. Наша задача – рассмотреть его по возможности широко - в контексте других «языковых игр» и культурных явлений, в первую очередь в отношении к принятой правописательной норме. Возможно, мы имеем дело с некоей «народной» орфографией, которую можно уподобить «народной этимологии», также располагающейся в пограничной зоне высокого и низкого, правильного и неправильного, культурного и «некультурного».

Этот «язык» обыгрывает два главных принципа русской орфографии – фонетический и фонематический, но не последовательно. Фонетическая запись тут часто условна и на деле крайне далека от настоящей; а фонематический принцип используется в том смысле, что на месте неударной гласной или глухого согласного может быть почти «всё, что угодно». Вместе с тем тексты, наиболее насыщенные такими элементами,

имеют в каждом слове одну-две «погрешности» против привычного написания – для обозначения игровой ситуации этого вполне достаточно.

Мы имеем дело с инверсированным обращением к норме, с «признающим протестом», которое на деле предполагает незыблемость орфографических правил в той высокой культуре, на границах которой он располагается. В то же время его популярность свидетельствует о том, что интернет-пользователи фрустрированы своими ошибками, то есть разрывом между своими орфографическими навыками и требованиями к ним культурного сообщества, поскольку навык грамотного письма по умолчанию признаётся как базовый даже в пределах «свободной коммуникации».

Речь, таким образом, не идёт об особом языке и даже жаргоне, скорее это весьма развитый элемент более общей языковой и культурной игры, к которой прибегают обычные интернет-пользователи при неформальном общении вне «падонковского» стиля: изобразительные средства (смайлики, прописные буквы), заимствования и варваризмы (*имхо, аська*), аббревиатуры (*ППКС*), нарочитые неправильности (*патамушта, лана, скока-скока?*); эта игра призвана приблизить письменную речь к устной, сделать её менее нейтральной и более выразительной.

С одной стороны, Интернет даёт возможность изъясняться без оглядки на правила, поэтому в нём просторечие получает возможность широкой публичной письменной фиксации, в отличие от личной переписки и городских граффити. С другой стороны, и в этой среде заметно постоянное давление языковой и культурной нормы, осуществляемое её рядовыми, а не профессиональными носителями.

Ошибочные написания часто привлекали внимание историков языка. Так, ошибки писцов и записи на полях позволили понять, как отличался живой язык Древней Руси от письменного. А в случае «олбанского языка» мы видим, как просторечие, продукт стихийного развития языка, вступает в своеобразный диалог с правописательной нормой. При этом закрепившиеся элементы интернет-просторечия обретают подобие своего толкового или нормативного словаря, а высокая культура, возможно, получает поддержку идеи вариативности нормы.

Здесь надо заметить, что фиксация пользователей «албанского языка» на низких предметах и способах именовании с самого начала ограничивает распространение этого феномена в обществе, в отличие от обычного просторечия. И притом, что престиж грамотной и культурной письменной речи в обществе остаётся стабильным, всё же относительная популярность

«олбанского» свидетельствует о «перемешанности» культурных, социальных и языковых норм и ориентиров современной российской жизни.

Карпова Ольга Викторовна, Старший преподаватель
факультета журналистики и филологии Университета
Российской академии образования

* * *

Карташева Н.В.

(Москва, МГУ)

Миссионерские дневниковые тексты как объект культурологического исследования

Миссионерские тексты – дневники, письма, отчеты и донесения, заметки и записи, – это весьма значительный массив документов, большая часть которых не опубликована. Но и опубликованные тексты (письма свт. Иннокентия (Вениаминова), дневники свт. Николая Японского, дневники и письма Аввакума Честного, отчеты и заметки алтайских миссионеров) очень мало изучены и не получили должного внимания даже в среде церковных исследователей, хотя их ценность в качестве опыта практического миссионерства и источника изучения истории Русской Православной церкви несомненна. Кроме того, дневниковые тексты миссионеров изобилуют этнографическими наблюдениями, не утратившими своего значения для науки.

Не менее ценным представляется культурологическое изучение миссионерских дневниковых текстов. Миссионерская деятельность – культурное пограничье, поэтому закономерно то, что основной комплекс явлений, интересующий культурологов в миссионерских текстах, связан с взаимодействием «своя - чужая» культура. Однако специфика дневникового текста позволяет выйти за рамки проблематики межкультурной коммуникации, и говорить не только о взгляде на иную культуру сквозь призму миссионерского восприятия, но и, например, о свойствах этнического

самосознания русских. Сама ситуация столкновения с иной, экзотической культурой, неизбежно провоцирует на определение собственной этнической идентичности. Характеристики поведения алеутов у свт. Иннокентия или семейных традиций японцев у свт. Николая нередко принимают форму сравнения – «как у русских» или «не как у русских». Иногда аборигены сравниваются с европейцами, с «народами просвещенными», причем не в пользу последних. При этом русский миссионер одновременно осознает себя причастным западноевропейской культурной традиции и дистанцируется от нее, подвергает критике, что весьма характерно для русского самосознания.

Вообще, если принять во внимание то, что дневник фиксирует рефлексию пишущего, а личность автора, так или иначе, «самообнаруживается» в суждениях, оценках, самом отборе предметов описания, речевых особенностях и многом другом, то фиксация собственной идентичности для ведущего дневник является неизбежным и непрерывным, хотя и не всегда отчетливым процессом. Для миссионера, ведущего дневник, этот процесс тем более значим, что в силу специфики своего служения он оказывается перед необходимостью определения личностных приоритетов – осознавая себя русским человеком, гражданином своей страны и служителем церкви, миссионер в качестве доминирующей идентичности все-таки выбирает религиозную. Условно говоря, перед новообращаемыми он предстает, прежде всего, как слуга Христов. Не случайно свт. Николай Японский сравнивает себя с сохой, орудием в руках Божьих.

Миссионерская деятельность - одна из немногих, в которой написание дневника является обязанностью. В алтайской миссии в 19 в. даже существовала практика проведения конкурсов миссионерских дневников («записок»), причем сохранившиеся тексты позволяют сделать вывод о том, что их авторы не всегда придерживались сухого тона «отчетности» и позволяли себе эмоциональные, лирические, философские отступления. Лучшие «записки» публиковались в епархиальном журнале и озвучивались на епархиальном съезде. Несомненно, миссионерский дневник - особый жанр, и специфика его содержания predetermined служением автора. Несколько иной характер имеют дневниковые тексты личного характера. Дневник миссионера (то есть личный дневник) отличается от миссионерского дневника (записок, отчетов и проч.), так же, как личные письма миссионера (например, 3-томник писем свт. Иннокентия (Вениаминова)) отличаются от миссионерских писем как жанра письменного поучения (проповеди) (например, «Миссионерские письма» свт. Николая (Сербского)). Личные дневники и письма содержат меньше историко-

статистических сведений, но в большей степени отражают авторскую индивидуальность и культурные реалии. Однако и те, и другие, несомненно, должны стать объектом серьезного и многопланового исследования.

Карташева Наталья Валерьевна

кандидат культурологии, доцент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ

* * *

Т.А. Касаткина

(Москва)

Образ человека в современных «маргинальных» сообществах:

маги и толкинисты

Характерным для нашей культуры на данный момент является восприятие человека как существа отдельного, индивида («неделимое, предел деления» *лат.*), в сущности, идентифицируемого с его телом и ограниченного пределами его тела. Однако сейчас появляются группы людей с иным, новым видением себя и окружающих. Сразу оговорюсь, что в этом новом – практически все старое. Эти типы видения людей характерны для самых разных культур, не заключавших человека в узкие пределы его самого, как это происходило в течение последних двух веков в европейской культуре. Для нас интересно то, что в лоне этой самой европейской культуры появляются большие группы людей, вновь актуализировавшие такое видение и живущие в соответствии с ним (одиночек и просто знающих всегда было немало).

1. Люди которые не совсем люди или совсем *нелюди*. Представление о существах, по форме почти абсолютно сходных с человеком, но одновременно совсем других. Наиболее понятное сравнение – очень похожая на овцу овчарка.

2. Люди-лисы и т.п., т.е, наглядно причастные *иной* природе. Могут соотносить себя с рядом иных природ.

3. Люди – места присутствия духов и богов.

4. Люди – органы рода (цыганская магия).

5. Люди, имеющие «пару» в «мире за стеной».

6. Люди «с подселением» (руководимые *иным*, пользующимся для присутствия тем же телом; «муза»).

7. Люди – места обитания (от «мест присутствия» отличаются радикально – это что-то вроде наличия духовных паразитов; «подкрышники»).

Что меняется при смене образа человека?

Прежде всего – мотивация. Она уходит из области неопределенного «хорошо»-«плохо» в область жесткой прагматики магических культур. Вежливость появляется именно как знание о последствиях поступка и желание их избежать или сделать благоприятными. Соответственно, то, что воспринимает человек с «обычными» представлениями о «человеке», оказывается ложной картинкой. Так, дворовую собаку можно кормить вовсе не из «доброты», но желая приобрести себе животное-заместителя, которое примет на себя «обратку», помощное животное или видеть в нем существо своего клана...

Работа велась в основном по интернет-сайтам, но отчасти на основе личных контактов.

Аналогичные (хотя и иные) структуры образа героя и мира появляются, естественно, в современном романе – например: Виктор Пелевин «Т»; Марина и Сергей Дьяченко «Vita nostra»; Андрей Валентинов «Диомед, сын Тидея» (в этом романе хорошо показан истинный образ греческого бога как вихря стихии; показаны жрицы как явления богини в мире, ее «ложноножки», вытягивающиеся в существование; процесс становления богом через принятие человеческих жертв – как именно формирование природы, способной выпускать «ложноножки» (за счет «наращения» ее в формируемом боге принятием в нее всех пожертвовавших собой (ср. древнее: жертва есть бог и жрец есть бог: «и жертва, и жертвующие одинаково “вакхи”»^[23])); Владимир Серкин «Хохот шамана» и др.

Касаткина Татьяна Александровна

д. филол. н., и.о. зав. Отделом теории и методологии
литературоведения и искусствознания ИМЛИ РАН

* * *

И.М. Кобозева, Л.М. Захаров

(Москва)

**«Наивное письмо» в сопоставлении со спонтанным устным и
нормативным письменным дискурсом (на материале записок Е.Г.
Киселевой)**

При чтении «наивного письма», характерный образец которого представляют собой записки Е.Г. Киселевой, опубликованные в [1], возникают ассоциации с записью спонтанного устного дискурса человека, не владеющего литературной нормой. Публикаторы записок на этом основании полагают, что «автор... явно воспроизводит на бумаге устную речь» [1, 41]. Насколько нам известно, вопрос о соотношении «наивного письма» и естественного устного дискурса специально не изучался. В докладе «наивное письмо» Е.Г. Киселевой анализируется именно под этим углом зрения.

В ходе анализа «наивное письмо» Киселевой сопоставляется с указанными видами дискурса по ряду параметров.

1. «Орфография» текста в ее соотношении, с одной стороны, с грубой фонетической транскрипцией звучащей речи, и с другой стороны, с нормативной орфографией. В связи с этим аспектом «наивного письма» встает вопрос: можно ли по нему восстановить авторское произношение? Обнаруживается сильная тенденция к (разумеется, ненамеренной) реализации фонетического принципа (*адрес, фтарой, зборы, будиш* и т.п., слитное написание частицы *не*). Рассматриваются факторы, вызывающие отступление от этого принципа. Учитывая явный численный перевес фонетически мотивированных написаний, при наличии регулярных (хотя и не на 100%) отклонений от нормы «в одну сторону» есть основания полагать,

что такие написания отражают произношение автора (напр., регулярное *из* вместо предлога *с* — *живу из сестрой, сриват кожу из лица* — показывает, что этот предлог автором произносится с [и]; столь же регулярно вместо «правильного» *в* в определенной позиции пишется *у*, что отражает просторечное произношение: *уюю ноч неспала, она знает там у Киве все*).

2. Пунктуация текста в ее соотношении, с одной стороны, с просодическими средствами членения устного дискурса, и с другой стороны, с нормативной пунктуацией. В связи с этим аспектом встает вопрос: что отражают точки и запятые в текстах Киселевой, если они стоят и не там, где это требуется по правилам, и не там, где предположительно должны проходить границы элементарных дискурсивных единиц в устном дискурсе [2]? Мнение Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской («Точки с запятыми расставлены произвольно (там где ей надо было вздохнуть?)» [1, 19]) упрощает реальную картину. Можно хотя бы на уровне тенденций отметить определенные регулярности в расстановке знаков препинания. Они так же, как и в литературном письме, служат для членения текста, но не на предложения, а на фрагменты, различающиеся либо хронотопом, либо автором, либо эмоциональной нагрузкой.

3. Функции заглавных букв. В «наивном письме» они существенно отличаются от таковых в литературном: главной становится функция маркировки референтов, важных для автора (см. [1, 66]).

4. Синтаксис текста в его сопоставлении с синтаксисом устного дискурса (разговорной речи) и синтаксисом КЛЯ. В «наивном письме» Киселевой обнаруживается большинство явлений, ранее зафиксированных в исследованиях по синтаксису разговорной речи и устного дискурса, но выявляются и особенности, не отмечавшиеся в указанных исследованиях.

В результате анализа делается вывод, что «наивное письмо» при всей своей близости к устному дискурсу обладает рядом специфических черт.

Литература

1. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
2. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. Под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. М., 2009.

Кобозева Ирина Михайловна

д.ф.н., доцент, филологический факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор;

Захаров Леонид Михайлович

филологический факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. инженер

* * *

Кобяк Н.А.

(Москва)

Записки русского путешественника XII столетия с дополнениями читателей

Описание путешествия игумена Даниила, одного из первых русских паломников в начале XII в. посетившего Палестину и Афон, хорошо известно многим поколениям читателей. По словам академика Д.С. Лихачева, записки Даниила "обращены ко всем русским, кто хотел бы вслед за ним совершить паломничество в те же места. Это своего рода путеводитель: подробный и наставительный». Сочинение сохранилось во множестве списков (более 150), начиная с XV в. и продолжало переписываться вплоть до XIX столетия. Оно является своего рода каноническим литературным путешествием.

Между тем, как показывает изучение списков, "Хождение игумена Даниила" списывалось далеко не безучастно, а вызвало живой интерес переписчиков, подвергалось переделкам и дополнениям. Совершивший путешествие паломник не только описывает, что он видел и где побывал, но и дает инструкции тем, кто собирается совершить подобное путешествие после него. Совершенно естественно, что следующий путешественник стремится дополнить сведения своего предшественника. Инструкции, связанные с указанием пути, рассказ о том, как добраться из одного места в другое, часто бывают нетривиальны.

Список "Хожения игумена Даниила" в сборнике конца XV в. из собрания ОИДР был описан П.М.Строевым и использован при подготовке ряда изданий памятника. Уже в описании Строева было отмечено, что «на

полях и на вклеенных листочках» списка есть «вставки и поправки, ... рукою не менее старою». А.С.Норов предполагал, что эти вставки были сделаны, скорее всего переписчиком, «около того времени» как и прочий переписанный текст.

Действительно, на полях этого списка "Хождения игумена Даниила" мы находим обильную правку текста, исправления и дополнения выполненные скорописью семью различными людьми, шесть из которых не являются писцами рукописи. Все почерки относятся к разным разновидностям скорописного письма, близкого по времени друг к другу и ко времени написания всей рукописи. Один из писцов, судя по всему, использовал не перо, а калам.

Всего в список "Хождения" внесено 45 исправлений и дополнений, не считая исправлений писца рукописи. Шесть вставок сделаны на отдельных листах, вклеенных между листами уже переплетенной рукописи. Бумага вклеек другая, чем использованная в сборнике, она может быть датирована 90 гг. XV – началом XVI в. – то есть лишь немногим позднее бумаги основной части рукописи.

Часть дополнений и исправлений, внесенных в список, не выходит за рамки сведений, представленных другими списками "Хождения игумена Даниила". К таким относятся, например, уточнения некоторых расстояний от одного объекта до другого, уточнения списка святых, погребенных на острове Крит и другие.

Главным источником дополнений стали тексты двух других хождений – «Повесть Епифания о Иерусалиме и о сущих в нем мест» и «Хождение Арсения Солунского».

«Повесть Епифания» - сочинение первого византийского автора, описавшего Святую Землю в конце VIII в. или в начале IX в. О личности автора ничего не известно. Его короткий Проскинитарий составлен по типу переигита – т.е. круговодителя. В славянских списках повествование ограничивалось только описанием Иерусалима и его ближайших окрестностей. Текст этой повести известен по одному списку начала XVI в. (ГИМ, Чуд. № 277) Кроме трех рассказов, вставки в список "Хождения игумена Даниила" в основном повторяют последовательность эпизодов «Повести Епифания». Дополнения, сделанные в список «Хождения», вызваны как изменением топонимики Иерусалима, произошедшей за три столетия – от начала IX в., когда путешествовал Епифаний, до начала XII в. – времени паломничества Даниила, так и уточнением места хранения различных

святынь, многие из которых к XII столетию были перемещены. Всего в список внесено 11 дополнений по «Повести Епифания». Их текст представляет собой другой перевод, по сравнению со списком ГИМ.

Второе сочинение, по которому дополнен список "Хождения игумена Даниила" в рукописи ОИДР - «Хождение Арсения Солунского», совершившего свое путешествие, как предполагают, в XIV столетии. Оно представлено меньшими по объему выписками, чем «Повесть Епифания». В дополнения вошли подробности апокрифического характера, основанные на преданиях и легендах, которых нет в сочинениях византийских и русских паломников не только в XIV-XV вв., но и позднее, а также эпизоды, содержащие отступления от традиционных сюжетов. В текстовом отношении эти дополнения совпадают с так называемой Погодинской редакцией «Хождение Арсения Солунского» (по определению В.П.Ариановой-Перетц), известной в настоящее время по двум спискам XVII в.

Таким образом в списке "Хождения игумена Даниила" ОИДР мы находим не только более подробную навигацию, дающую возможность получить более широкую панораму предстоящего маршрута, но и найти следы неизвестного перевода Проскинитария Епифания и доказательства существования Погодинской редакции «Хождение Арсения Солунского» в более ранний период, чем это было принято считать.

Кобяк Наталья Адольфовна

научный сотрудник Института Славяноведения РАН

* * *

В.А. Коршунков

(Вятка)

Незванные гости на северорусских братчинах:

«паны», разбойники, скоморохи

1. В одной народной песне из Каргопольского уезда пелось так: «Паны пиво выпили, а хозяев выбили». «Паны» – это мифологизированные злые существа, заклятые враги русских людей в прежние времена. Предания о «панах» и «литве» распространены по всему Русскому Северу. В этих обозначениях отразилась эпоха Смуты, когда во многих местностях северной и центральной России рыскали и разбойничали отряды поляков, литовцев, казаков. Сюжеты и мотивы преданий о «панах» во многом сходны с теми, что рассказывали там же об аборигенном населении – так называемой чуди. В отличие от поляков эпохи Смуты, чуди – народ вполне мифологический. Но в общем, и фольклорный образ «панов» не содержит в себе почти ничего исторического, это персонажи фольклорно-мифологические, а не исторические.

2. Тогда понятно, почему песенные «паны» хозяев «выбили» – они вели себя, как разбойники. Именно с разбойниками чаще всего и ассоциировались «паны», а сюжеты и мотивы преданий о них бывают почти неотличимы от разбойничьих сюжетов и мотивов.

3. Упоминание же о «пиве» соотносит этот фольклорно-песенный сюжет с известным по всему Русскому Северу обрядовым обыкновением устраивать общественные «пивные праздники». Чаще всего это были съезжие (условно говоря, волостные) празднества, приуроченные к летне-осенним дням церковно-народного календаря. Назывались они «братчинами», «ссыпщинами» и т.д. Забивали быков да баранов, варили пиво и при церкви или часовне устраивали коллективную трапезу. Подобные «братчины» бывали по крайней мере с XII в. На Русском Севере они в допетровскую эпоху имели не только религиозно-обрядовое, но также и социальное значение: на таких собраниях жители окрестных деревень, во главе с распорядителем пира – старостой, сообща обсуждали и решали свои дела, даже вершили суд, и это было средством налаживания низового крестьянского самоуправления.

4. Известно, что на братчинах строго-настрога запрещались драки. Хотя драки (как и воровство) нередко там случались – ведь и ситуация разбирательства прежних свар, да и сама по себе выпивка могли провоцировать конфликты. Именно потому и надо было особо оговаривать такой запрет. На братчины уже в XII в. могли специально приглашаться посторонние люди – например, представители власти. Однако собравшиеся на съезжий пир строго следили, чтобы к ним не проникали незваные гости, чужаки. По крайней мере, со второй половины XV в. появляются жалованные грамоты, в которых настойчиво подчёркивалось, что из чужих людей «...в их села и в деревни на пиры и в братчины и о праздницах незваны пити не ездят ни ходят никто». Причём следом указывалось, что коли ослушник придёт незван и «оучинится тутю какова гибел», то он-то сам и виноват.

5. Такое впечатление, что эти общинно-волостные празднества регулировали и сплачивали окрестных жителей, строго запрещая раздоры между ними. А вот незваных

гостей там не терпели, и появление на пирушке чужаков не просто было нежелательным – оно могло тут же привести к смертоубийству. Власти считались с этим и своими жалованными грамотами подкрепляли старинные порядки. Например, грамотами устанавливалось такое правило: незваного гостя можно было просто-напросто выгнать, а если он не слушался, то его выдворяли силой, да ещё обязывали уплатить двойной штраф за драку.

6. Интересно, что в некоторых жалованных грамотах, начиная с XIV в., регулировались отношения пирующих со скоморохами. Иногда скоморохов специально приглашали на братчины, но куда чаще, по-видимому, стремились оградить себя от их «силой игры» (то есть силой навязываемой, связанной с насилием). Скоморохи бродили большими ватагами, подворовывая по деревням и даже иной раз грабя мирных обывателей. В старинных письменных источниках они подчас описываются почти неотличимо от разбойников. Судя по всему, это и было существенной причиной преследований скоморохов со стороны властей. Причём, как можно заметить, простые люди бывали в этом вопросе согласны с властями.

7. Есть и такой сюжет северорусских преданий: дескать, как-то раз в один из летних праздников к церкви причалили разбойники в лодках да ограбили саму церковь и собравшихся там на праздник людей. Очевидно, вариантом этого сюжета является предание о том, как на один остров во время праздника высадились разбойники в личинах и набросились на мирно праздновавших жителей. Разбойники, скрывшие лица под масками, очень похожи на скоморохов. По-видимому, этот сюжет свидетельствует об уравнивании мифологизированных персонажей – разбойников и скоморохов (в этом же ряду «паны» и, в некотором смысле, даже чудь).

8. Итак, в жизни северорусского общества допетровских времён, да и позднее, была такая, запечатлевшаяся и в письменных источниках, и в народных преданиях проблема: появление опасных для сообщества незваных гостей на коллективных пирах-братчинах. А. М. Панченко считал, что такими «гостями» могли быть представители власти. Однако по всему видно, что крестьяне более всего опасались разбойничавших чужаков, посторонних людей, да и сами власти в своих жалованных грамотах едва ли старались оградить мирных жителей от высокопоставленных особ. В народной памяти эти наглецы-нахлебники остались как разбойники, захватчики, насильники, «паны». Значит, фольклорные мотивы, приписывавшие «панам» и разбойникам эдакие злодеяния, могут основываться на реальных случаях.

9. В собрании В. И. Даля есть такая пословица: «Видя яму, зря не вались; не зван на пир, не ходи!» Согласно его пониманию, она относится к разделу «Умеренность – жадность». Примечательно, что приход незваного гостя на чужой пир приравнен тут к падению в яму – значит, ничем хорошим для пришельца такое кончиться не может. Человек этот,

конечно, жаден. И всё же тут не обязательно банальная, бытовая жадность. Подобные нахлебники нередко представлялись опасными мифологизированными существами, чуть ли не inferнальными персонажами.

Владимир Анатольевич Коршунков, кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров (Вятка)

* * *

А.Г. Кравецкий

(Москва)

Коммуникационная ошибка как движущая сила истории: Миссионерский совет при Св. Синоде (16.3.1945-19.10.1949)

1. В социумах, где действие писанных законов ограничено, особое значение приобретает умение начальников на местах адекватно «угадывать» желания центральной власти. Подобное «угадывание» чревато ошибками. Вспомним хотя бы ревизора Сафьяноса (роман Н.С.Лескова «Некуда»), который, обнаружив у себя в кармане листовки, увидел в этом знак новых веяний и раздал свои экземпляры губернскому бомонду. Истории одной из таких коммуникационных ошибок посвящен предлагаемый доклад.

2. Весной 1945 г. Совет по делам РПЦ готовил материалы, связанные с планировавшимся властями уничтожением Греко-католической (униатской) церкви. В подготовленной Советом записке предлагался перечень мер, направленных на борьбу с католицизмом, причем среди этих мер предусматривалась организация при Синоде РПЦ миссионерского совета. Вскоре эти предложения были утверждены Сталиным, а 16 апреля 1945 г. на заседании Синода был создан Миссионерский отдел.

3. Говоря о миссионерской деятельности, чиновники Совета по делам РПЦ имели в виду исключительно борьбу с католиками и униатами. Однако утвержденное Синодом «Положение о миссионерском совете» не ограничивало миссионерскую деятельность борьбой с католичеством и предусматривало существование таких институтов, как миссионерские

братства, епархиальные и уездные миссионеры. А поскольку подписанный Сталиным документ, ставший причиной создания Миссионерского совета, имел гриф «совершенно секретно», епархиальные архиереи, ознакомившись с «Положением о Миссионерском совете», должны были воспринять этот текст как указание на необходимость развития миссионерской деятельности. Наиболее активные архиереи разделили епархии на миссионерские округа, выделили священников-миссионеров, приступили к созданию епархиальных миссионерских советов. Священники, в свою очередь, выстраивали свои проповеди как циклы бесед и организовывали в храмах занятия с детьми. Например, священник Покровской церкви г. Бийска после окончания богослужения проводил в храме беседы о религиозных темах в произведениях русских классиков, которые пользовались большой популярностью у молодежи. Возродилась традиция проведения в храмах концертов духовной музыки, причем в городе могли расклеиваться объявления о предстоящем концерте.

4. Местные власти не имели четкого представления о том, как должны строиться отношения между Церковью и государством. В Калининской области священник проводил беседы с детьми в школе (прямое нарушение советских законов), а в Ставропольском крае священник с разрешения местной администрации собирал средства в помощь сиротам. Оригинальным явлением стало участие архимандрита Псково-Печерского монастыря Агафона (Бубица) в предвыборной кампании 1946 года.

5. Мы видим, что произошла своеобразная коммуникационная ошибка, в результате которой часть клириков пришла к выводу, что государство ожидает от Православной церкви активного участия в жизни страны. Государство же ничего подобного не имело в виду. Активизация миссионерской деятельности Церкви, называемая на советском языке религиозной пропагандой и агитацией, в планы властей не входила. На исправление коммуникационной ошибки потребовалось более четырех лет и 19.10.1949 Миссионерский совет был ликвидирован.

6. Информация о деятельности Миссионерского совета в открытую печать не проникала, однако в архиве Комитета по делам РПЦ она отражена достаточно полно.

Кравецкий Александр Геннадьевич
к. филол. н., ст. н. с. Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

* * *

Крейдлин Г.Е.

(Москва)

Структурные и функциональные телесные аномалии

В докладе предполагается обсудить вербальные и невербальные знаковые механизмы и способы выражения аномалий строения и функционирования различных телесных, или соматических, объектов. В значениях структурных, физических и функциональных признаков, характеризующих телесные объекты, таких как форма, размер, пропорциональность, наличие пустоты, возможность деление на составные части, семиотическая парность, телесная каритивность (недостаточность) или <избыточная> полнота и др. и их знаковых отображениях (в словах *хромота, горбатость, худоба, костлявый, кривой, грудастая, слоновьи (ноги)* и пр.; в жестах *втянуть щеки, надуть щеки*, жестах, иллюстрирующих малый размер или аномальные формы (ср. *голова, как арбуз* и др.) актуализируются представления о норме человеческого тела и других соматических объектов. Многие из таких свойств устойчиво связываются с представлениями об обладателях этих объектов – их внешности, профессии, образе жизни и деятельности, об их физическом или психическом состоянии и т. д. Так, тонкие руки и утонченные пальцы мужчины скорее говорят нам о творческой, чем рабочей, профессии их обладателя. Телесные аномалии лежат в основе многих прозвищ и кличек людей.

Крейдлин Григорий Ефимович
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Институт лингвистики. Российский государственный гуманитарный университет

* * *

Р. Н. Кривко

(Москва)

Между историческим языкознанием и исторической литургией:
возникновение и развитие гимнографического жанра кондака у славян
в 10-11 вв. по лингвистическим данным

В докладе рассматриваются данные ряда архаичных и периферийных византийских и славянских служебных Миней и Триодей, в которых содержатся кондаки, состоящие из одной вступительной строфы — т. наз. *проимия*. Периферийный характер древних источников позволяет полагать, что, во-первых, такая ранняя форма кондака была наиболее ранней для славянского богослужения, ориентированного на удалённые от центра образцы, и во-вторых, на периферии византийского ареала кондак менее активно использовался в монастырском богослужении, чем в столичных студийских монастырях (известно, что монахи-студиты уже в 8-м – 9-м вв. писали многострофные кондаки, что находится в видимом противоречии с вышеупомянутыми византийскими и славянскими данными 10-го – 11-го вв.). В докладе делается попытка сопоставить эти историко-типологические и текстологические факты с результатами лингвистического анализа некоторых переводных славянских кондаков, сохранившихся в типологически более поздних рукописях. Благодаря такому анализу выделяется несколько текстов, в которых переводческие техники, использованные во вступительной строфе (*проимие*) и во второй и третьей строфах (*икосах*), различаются. Главным отличительным признаком является такая метрическая адаптация византийского оригинала на славянской почве, когда переводной текст воспроизводит *изосиллабизм* (единообразное количество слогов в колонах) греческого источника. Основным приёмом, с помощью которого достигается воспроизведение византийского изосиллабизма в славянском переводе, является трансформация синтаксических конструкций оригинала и отступление от принципов т. наз. «буквального» перевода. Основное внимание в докладе уделяется описанию этих принципов и реконструкции первоначального облика перевода с помощью приёмов лингвотекстологического анализа. На основании рассмотренных примеров доказывается, что изосиллабизм и отступление от «буквального» перевода, произведённое с целью сохранения изосиллабизма, наблюдаются только в первых строфах кондаков, т. е. в *проимиях*, и не зафиксированы в *икосах*. Различие переводческих техник в первой и последующих строфах славянских кондаков означает, что между первой, вступительной, и последующими строфами кондака лежит текстологический шов. Это, в свою очередь, свидетельствует о разновременном переводе этих строф, что подтверждает историко-литургические данные архаичных византийских и славянских рукописей о монострофных кондаках как об одной из ранних форм литургической поэзии на периферии византийского ареала.

Доклад, таким образом, представляет собой пример междисциплинарного исследования, выполненного на *нейтральной*

полосе между лингвистикой перевода, историческим языкознанием и исторической литургией, находясь на которой наблюдатель (i. e. исследователь), пытается установить особенности общего культурного ландшафта, позволяющие объединить или сблизить на первый взгляд далёкие области исторического знания.

Кривко Роман Николаевич

к. филол. н., научный сотрудник

Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова

* * *

Т.А. Круглякова

(Санкт-Петербург)

Раннее детское поэтическое творчество

Автор самой известной работы, содержащий научный анализ продуктов детского словесного творчества, К.И. Чуковский предлагал рассматривать литературное развитие ребенка как последовательную смену этапов: 1) создание «экикик» – экстатических стихотворений-выкриков; 2) переходный период, на котором создаются хореические стихотворения с парной рифмовкой, посвященные определенным темам; 3) сочинение «непевучих» стихотворений-раздумий (Чуковский 1990: 283-284). По мнению К.И. Чуковского, стихотворения детей до 6-7 лет непременно носят сопроводительный характер, сопутствуя пляске или игре, а экикики представляются начальной и даже, вероятно, обязательной вехой на литературном поприще.

Однако многие родители утверждают, что их двухлетние дети не слагают «сопроводительных» стихов, но при этом предаются стихотворству сознательно, имитируя чтение книг; напевая длинные монотонные песни,

состоящие из отдельных сюжетов или даже сочиняя именно стихотворение и обращаясь к взрослым с просьбой его записать.

Если экикики, тщательно проанализированные К.И. Чуковским, представляют собой исключительно «детские» тексты и являются «тупиковой» веткой (нет никакой связи между слаганием экикик в детстве и сочинением стихотворений в более зрелом возрасте), то «непевучие» стихотворения, возникшие как результат сознательной деятельности, целесообразно рассматривать в одном ряду с «наивным» творчеством взрослых людей. Чертами, роднящими «наивное» сочинительство детей и взрослых, являются осознание себя автором литературного произведения; «графоманство»; наличие наивных литературоведческих представлений (например, детские представления о четкой ритмической организованности стиха, рифме, специальном нарушении звучания и грамматических характеристик слова); невладение языковыми нормами и нормами стихосложения; ориентация на известные образцы при невладении нормами цитирования.

Основное содержание ранних детских стихотворных импровизаций составляет описание событий, происходящих непосредственно на глазах у ребенка.

Их композиция напоминает структуру колыбельных песен: они построены как чередование эпизодов, не связанных между собой тематически, но объединенных повторением отдельных тем и наличием лейтмотивов-«припевов». Отдельные фрагменты, посвященные развитию сюжета, могут отличаться ритмическим строением и особенностями рифмовки.

В ритмическом отношении детские импровизации очень не выдержаны, нередко встречаются и неритмичные отрывки. Преобладают хореические стопы, немало фрагментов, сложенных ямбом. Нередко ритмическое строение таких стихов напоминает строение считалок, предполагая возможность свободного переноса словесного ударения на сильные позиции в стихе.

Доминирует смежная рифмовка или четверостишия, с рифмующимися 2 и 4 строками^[24]. В основном отмечаются глагольные рифмы, нередко на сильной позиции оказываются повторяющиеся слова.

Средства художественной выразительности практически не используются. В лексическом строе стихотворений большую долю занимают

квазислова как созданные «в угоду» рифме, так и стоящие на слабых позициях в стихе.

Большое место отводится цитатам и криптоцитатам, которые часто включаются в текст неосознанно, нередко стихотворения, построенные как контаминации известных текстов или поэтические продолжения любимых детских стихотворений.

По многим языковым характеристикам ранние детские стихотворные импровизации напоминают эгоцентрическую речь дошкольника. И если вслед за Ж. Пиаже предположить, что эгоцентрическая речь перерастает, совершенствуясь со временем, в речь внешнюю, то следует признать, что именно «эгоцентрическая» поэзия будет первым этапом в развитии стихотворного творчества ребенка, овладев которым, ребенок может перейти к сочинению более совершенных текстов.

Литература

Чуковский К.И. От двух до пяти. – М., 1990.

Круглякова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры детской речи РГПУ им. А.И.Герцена

* * *

М.А. Кучерская

(Москва)

Н.С. Лесков: выбор литературной позиции

«Удивительная судьба этого Стебницкого в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьезнее», – писал Достоевский в письме А.Н. Майкову (18 января 1871) в связи с романом Лескова «На ножах».

Сам Лесков также ясно видел «странность» своего положения в литературе – после знаменитой статьи о петербургских пожарах («Северная пчела», 1862, № 143) и выхода романа «Некуда» в 1864 году его проза практически перестала публиковаться в журналах демократического направления, его обвиняли в сотрудничестве с III отделением,

доносительстве и проч. До начала 1880-х он вынужден был публиковаться «по маленьким газеткам да по духовным журнальчикам».

Можно предположить, однако, что не только его дурная общественная репутация была причиной вытеснения на периферию литературного процесса, но и «самобытность» (Л.Н. Толстой) его таланта, оригинальность его художественного почерка, сосредоточенность на персонажах, сюжетах и темах маргинальных по отношению к литературному мейнстриму.

Лесков предпринимал неоднократные попытки объяснить с читателем и с литературной общественностью и изменить общественное мнение о себе самом, своей прозе, драме «Расточитель» и особенно романе «Некуда». При этом всякий раз он предлагал новые версии своей позиции, примеряя то одну, то другую писательскую маску. Он то говорил о себе не как о памфлетисте, но как об авторе, изображающем исключительно типы («Объяснение» к роману «Некуда»), а не реальные лица, и опирающегося на вымысел, то напротив, как о писателе, давшем «просто фотографический отпечаток» происходившего в 1860-е годы, чуждом всякой «тендеции» (статья «О шепотниках и печатниках»), то наоборот, формулировал суть «тенденции» романа «Некуда» (см. письмо П.К.Щебальскому от 16 октября 1884 года).

Вместе с тем особенно настойчиво он говорил о проповеднической и учительской миссии писателя, а в поздние годы постоянно говорил и о том, как важно уметь пострадать за свои убеждения (см. Фаресов А. Против течений. СПб., 1904. С. 398) и идти «против господствующих течений, имея лучший и более критический взгляд на положение дел». Таким образом, нащупав под конец жизни абсолютно верную формулу, объясняющую логику его собственного пути в литературе – часто вопреки собственным стремлениям, повинувшись лишь голосу таланта, он двигался «против течений», что и привело к маргинальности существования Лескова в литературе, которая не преодолена и по сей день.

Кучерская Майя Александровна

к. филол. н., доцент Высшей школы экономики

Е.Е. Левкиевская

(Москва)

«Наивное» членение исторического времени в крестьянских автобиографических текстах

В докладе будет рассмотрено соотношение личного, автобиографического времени и времени исторического и, отчасти, глобального, онтологического в «картине мира» восточнославянских крестьян XX в. Материалом для данной работы послужил как корпус «наивной» литературы (крестьянские автобиографии и дневниковые записи), так и устные рассказы восточнославянских крестьян о своей жизни (используются полевые записи из Полесского архива и из областей русско-белорусского пограничья, сделанные Е.Н. Разумовской в 70-80-х гг. XX в.).

Представления об историческом времени наиболее четко проявляются в текстах двух речевых жанров: в генеалогических преданиях об истории рода и в личных биографиях, где история проявляется через жизнь отдельного человека. Эти тексты могут быть оформлены как разного рода биографические и автобиографические нарративы различной структуры, порождающиеся в разных коммуникативных ситуациях, - предания о жизни рода, воспоминания о прожитой жизни, обмен отрывочными воспоминаниями в разговоре со сверстниками, ламентации по поводу прожитой жизни, дидактические высказывания, обращенные к младшему поколению («Вот в наше время...»), реже - осознанные попытки последовательного представления своей жизни в виде целостного мемората, еще реже - в виде письменного изложения в форме воспоминаний или дневника. В любом случае в «наивной» картине мира история предстает не как последовательная цепь событий, имеющих причинно-следственную связь, а как трансформированное отражение в личной памяти конкретного человека, являющейся частью коллективной памяти социума. Культурная модель, по которой воспроизводится и выстраивается личная память, задается коллективной памятью.

“Измерение” истории человеческой жизнью - ключевая особенность восприятия исторического времени в “наивной” картине мира, поскольку, в отличие от официальной истории, здесь носителем исторической информации является индивидуальная память. Представление о прошлом

строится по принципу эгоцентричности, при котором в центре истории оказывается личность самого рассказчика и судьба его ближайшего окружения, а также по принципу деиерархичности, при котором события большого исторического масштаба в сознании говорящего уравниваются с личными событиями.

Время обозначается в памяти через выделенные события и сюжеты - культурные индексы - в личной жизни (личная память) и в жизни социума (общественная память). Культурные индексы вербализуются в рассказах о прошлом, в воспоминаниях и мемуарах. В основе восточнославянских автобиографических рассказов о прошлом лежит травматическая интерпретация истории - память как совокупность индивидуальных и коллективных травм. В восточнославянских нарративах о прошлом основной состав культурных индексов - точек деления времени - совпадает с набором личных и коллективных катастроф, включающих смерть близких, I Мировую войну, революцию, Гражданскую войну, коллективизацию и раскулачивание, репрессии, Великую Отечественную войну, послевоенный голод и разруху, непосильную и почти бесплатную работу в колхозе, неустроенную жизнь детей, подорванное здоровье и безрадостную старость. Такой тип памяти, в котором прошлое представляется как череда личных и общенациональных травм и неудач принято называть травматической памятью, а тексты, воплощающие в себе травматический опыт, - "травматическими нарративами". История как совокупность индивидуальных и коллективных травм выстраивается и структурируется по образцам архаичных фольклорных жанров, закрепленных в народном сознании в виде своеобразной мета-памяти – имплицитных моделей, которые влияют на то, какие именно моменты жизни должны отбираться и воспроизводиться в нарративах.

Левкиевская Елена Евгеньевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

* * *

Левшун Л.В.

(Минск, Беларусь)

"Диариуш" (1646 г.) препмч. Афанасия Брестского:

проблема жанровой дефиниции

Категория литературного жанра, как заметил в свое время Д. С. Лихачев, исторична. И дело не только в том, что одни жанры приходят на смену другим, но и в том, что меняются самые принципы их выделения, их типы, характер выражения, функции и т.д., а потому на жанры одной культурной традиции не правомерно "натягивать" жанровые дефиниции другой культурной традиции. Однако, как видится, жанровая система христианской книжности, как средневековой секулярной (хотя и религиозной по содержанию) литературы, по-прежнему исследуются в основном в категориях аристотелевской (или про-аристотелевской) теории жанра и потому закономерно утрачивают в глазах исследователей свою "нерефлексивную" специфику, а вместе с нею и свой изначальный смысл – и как категорий художественного творчества, и как феноменов книжной культуры.

Между тем жанр в христианской книжности, особенно созданной в соответствии с христианским художественным канонem, – не просто "содержательная форма", а в значительной мере – адресат: жанр как способ оформления содержания в норме определяется здесь прежде всего характером адресата, его способностью воспринимать ту или иную образную информацию. Категорию жанра в каноническом христианском искусстве точнее было бы определить как *способ оформления авторского отношения к субъекту восприятия*. Характером адресата опосредуется и предмет изображения, поскольку именно предмет (в соответствующем художественном оформлении/жанре) должен быть доступен интеллектуальным, психическим, духовным и т.д. возможностям адресата. Через адресата же, как видим, жанр ассоциировался и со способом выражения художественного содержания – стилем, строго соответствующим характеру (аксиологическому статусу) своего предмета.

Иначе говоря, один и тот же денотат для разных адресатов, т.е. в разных жанрах, системно представляется христианскими авторами в разных изобразительных аспектах и разных же изобразительных стилях. Такая жанрово-стилевая взаимообусловленность является основополагающим принципом "нерефлексивной" и неэксплицированной христианской "поэтики Истины": с одной стороны, предмет (аспект изображения объекта) должен четко соответствовать способностям восприятия адресата, за что отвечает формируемый автором жанр; с другой стороны, – тому или иному предмету

должен соответствовать способ его изображения, за что отвечает создаваемый книжником изобразительный стиль. Как только хотя бы одна из названных взаимозависимостей "рвется", произведение системно "выпадает" из художественного канона христианского творчества (перестает тиражироваться в церковной культуре), а если и сохраняется, то, как правило, в "превращенном" виде, то есть утратив свою жанрово-смысловую самоидентичность...

История жанровой дефиниции "Диариуша" препмч. Афанасия Брестского – ярчайший пример понятийно-категориальной аберрации и, как следствие, – утраты произведением жанровой самоидентичности из-за неадекватного исследовательского подхода к нему. Наиболее удачное из известных жанровых определений этого "Дневника" – "публицистический свод" (А.Ф. Коршунов) – является, что очевидно, дефиницией не жанра, а адресата-ситуации и вызываемого этим адресатом и этой ситуацией пафоса.

Однако с точки зрения категорий "поэтики Истины" однозначное жанровое определение "Диариуша" невозможно и бессмысленно: обращение к каждому новому адресату – московский царь, польский король, сенат, консистория, митрополит, "люди православные" и "люди правоверные" – системно вызывает изменения в жанре. Так что жанрово-стилевое многообразие "Диариуша" не следует рассматривать как свидетельство некоей его жанровой ущербности или (иная крайность!) исключительности, – оно вполне системно и задано христианским художественным канонам. А потому, оставив некорректные по отношению к "нерефлексивно-традиционалистской" поэтике попытки выявить единый жанр этого многосоставного произведения, попытаемся, поднявшись на более высокий категориальный уровень, определить его жанровый канон...

Левшун Любовь Викторовна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси

* * *

Ленчиненко М.В.

(Научная библиотека МГУ)

Три слоя маргиналий на книгах Муравьевых

С 1844 года книги поэта, воспитателя имп. Александра I, попечителя Московского университета Михаила Никитича Муравьева и его сына, более известного как одного из идеологов Северного общества декабристов Никиты Муравьева, хранятся в библиотеке Московского университета. Книги несут огромное количество помет как бывших их владельцев, так и преподавателей и студентов университета.

Таким образом, это маргиналии, оставленные на чужих текстах. Однако они начинают влиять на собственных носителей, т.е. книги, превращая их в своего рода индикатор образованности, читательского интереса, который со временем смещается (пример с чтением Плутарха на протяжении XIX в.: от историка-моралиста к историку-политтехнологу).

Связь маргиналий и самих текстов, на которых они оставлены. Иногда она отсутствует или невидима для нас. Единственно, чем можно объяснить ее появление, - это наличием чистого форзадного листа, на котором можно быстро зафиксировать пришедшую мысль, чтобы не забыть ее (пример: «Церковный словарь...» П.Алексеева и запись на защитном листе переплета М.Н. Муравьева о том, что у разных народов мудрость сходна). Отсутствие связи между записью и содержанием книги может говорить о том, насколько органично книги были вписаны в реальную жизнь владельцев (в книге В.Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами», переводчик которой В.Г. Анастасевич за свою работу оказался на грани увольнения со службы и едва не подвергся преследованию, Никита отчеркнул важные для него уточнения периода Ивана Грозного и Алексея Михайловича, а на переднем форзаце набросал список вещей, возможно, необходимых для очередной командировки: рубашки, полотенца, платки и т.п. Нередко на книгах встречаются записи денежных расчетов).

Тип маргиналий, которые показывают, как чужой текст не только внимательно прочитывается (в тексте имеются пометы о заимствованиях русских поэтов из «Метаморфоз» Овидия), но сохранившиеся записи на защитных листах книги как будто соотносят литературный текст о превращениях и театральным опытом перевоплощения автора записей. (Пример: Овидий. Сочинения. Амстердам, 1717. М.Н. Муравьев на защитных листах книги оставил записи, которые носят отчасти дневниковый характер о просмотренных спектаклях в театрах Петербурга, о любительских домашних спектаклях, в которых он сам участвовал).

Тип помет, которые носят «рабочий» характер. (Пример: начало работы над переводом «Тускуланских бесед» Цицерона в самой книге (Лион, 1582 г.)). Аккуратный почерк и чистые записи на полях демонстрируют завершенность работы над переводами поэтических вставок Цицерона.

Шутка молодого дворянина, который записывает цитату из романа С.Ричардсона «История сэра Чарльза Грандисона» на томике Пиндара (Женева, 1612), но вырывает ее из контекста, придавая ей тем самым эротический смысл.

В отличие от отца, жившего во второй половине XVIII в., который мог шутить, рисовать в книгах, но главным образом на европейских изданиях, Никита оставил много помет именно на русской книге. Характер его маргиналий весьма разнообразен: это эмоциональные отклики на прочитанное, чаще всего выраженные восклицательными или вопросительными знаками, иногда ругательными словами (пример с реакцией на тексты Н.М. Карамзина), это концептуальное чтение юридической и статистической литературы, которое завершилось созданием программного произведения - конституцией Северного общества.

Ленчиненко Марина Владиславовна,

зав. сектором частных библиотек Отдела редких книг

и рукописей Научной библиотеки МГУ

* * *

Леонтьева Н.Н.

(Москва)

От тундры до Москвы (пути творчества)

Творчество, возникающее на периферии нашей огромной страны, стремится обычно в столицу, где можно найти гораздо больше слушателей и ценителей. На этом пути могут происходить большие потери: нередко

теряется оригинальность, самобытность слова, а то и расплескивается сам талант, стремясь приспособиться к общелитературным стандартным нормам, принятым в средоточиях культуры.

В конце доклада я приведу примеры из прозы и стихов некоторых Северных авторов, которые «устояли» перед натиском культурного центра, сохранив напевность и своеобразие речи северян.

В теоретическом плане можно ограничиться постановкой вопроса: При каких условиях сохраняются исконные, «маргинальные» – в прямом и переносном смысле – корни творчества писателей и поэтов Русского Севера?

Мы знаем разные способы (попытки) сберечь диалектную речь и лексикон народов российских окраин. Это записанные собирателями и бережно хранимые фольклористами образцы устного народного творчества – былины, песни, сказки. Это и плоды деятельности ученых, составляющих диалектологические словари и атласы. В последнее десятилетие это еще и корпусы текстов в письменном и устном виде, вошедшие в современные компьютерные базы и банки данных.

Но ведь такие документы сберегают уже застывшее слово, они используются только учёными для постижения истории развития языка. Много ли местных слов и речений перешло в общий для всех русский литературный язык? Чтобы понять некоторые «старые» тексты, приходится обращаться к словарю местных говоров. Гораздо легче мы понимаем лексику, заимствованную из европейской культуры, да и то больше разговорную и специальную деловую, если не сказать «коммерческую». Язык современного компьютерного человека находит свое идеальное выражение в СМС-ках, «е-мейлах» и чатах, представляющих другую, противоположную от народной поэзии сторону культурной маргиналии^[25].

Так что же из перечисленного обогащает наш общий язык? Видимо, не только яркая сама по себе лексика северных или иных окраин. Лексика не может остаться живой ВНЕ контекста, она органична только в составе целого поэтического произведения. Много ли «новых» слов вошло в обиход общедоступной литературы вне имени их автора? Важна передача стиля и синтаксического строя повествования, гораздо больше сохраняющего черты плавной и неторопливой разговорной речи северян. А этот комплекс лексики и стиля сохраняют талантливые писатели в своих произведениях, выросших на плодородной почве народной речи. Вспомним сказки А.С. Пушкина, повести П.И. Мельникова-Печерского, романы Н.С. Лескова, сказы Павла

Бажова. Из архангельских авторов назову Степана Писахова и Бориса Шергина (сказки)^[26].

И устное народное творчество (песни, былины и сказки, пословицы и поговорки, фиксируемые фольклористами по возможности в неизменном виде), и творчество профессионалов (авторские сочинения, сохраняющие язык места бытования) оказываются **маргинальными** по отношению к окультуренному, усреднённому поэтическому языку метрополии. В этом последнем ценится не столько оригинальность выражения, сколько глубина и способ подачи смысла, вложенного в поэтическое произведение.

Переводя вопрос о степени маргинальности в литературе из теоретического плана в практическую плоскость, учитывая также местность проведения конференции, можно поставить вопрос: Как не потерять богатство северной русской речи? Что надо «спасать» и развивать так же, как мы умеем сейчас описывать и тем самым спасти редкие и исчезающие естественные языки? Надо ли записывать устную речь последних исчезающих групп населения России, создавая базы и банки данных? Да, это нужно для науки. Но не необходимо ли также беречь и развивать индивидуальное авторское творчество богатого талантами Севера? Мы ведь помним, сколько и живых людей, и их произведений уже безвозвратно утрачено, в основном на том же Севере. Один из путей такого сбережения – привлекать к участию в конференциях местную творческую элиту, поддерживать теперь уже редких носителей оригинального северного наречия^[27].

Итог. Маргинальное, далекое от столицы пространственное положение Русского Севера является причиной того, что и творчество живущих на нем отбрасывается на периферию нашего внимания и тем самым вытесняется из культурного обмена и общения. Думаю, что М.В. Ломоносов, 300-летие которого мы будем отмечать в 2011 году, является звеном, связавшим навсегда Московский университет с той культурной средой и землей, которая остается родиной этого великого ученого.

Леонтьева Нина Николаевна

д.филол.н. НИВЦ МГУ

* * *

*Леонтьева С.Г.**(Санкт-Петербург)*

Пионерское «летописание» как одна из форм коллективной документальной словесности

Пионерская организация советского периода (1922-1991), являясь частью коммунистической партийной структуры, имела с последней много общего в нарративных и коммуникативных практиках. К одной из форм конструирования коллективной партийной идентичности можно отнести связанные исторические нарративы, описывающие дни создания партии/организации, ее борьбы с оппонентами, выдвижение лидеров, практики повседневной партийной/организационной деятельности и т. п.

Любопытнейшим источником по истории и антропологии пионерской организации является такой жанр коллективной документальной письменности, как летопись.

«Пионерская летопись» - это собрание текстовых и визуальных материалов, демонстрирующих возникновение пионерского структурного образования (дружина, отряд, звено) и этапы его «исторического пути». В зависимости от устойчивости и сформированности структурного образования летописи велись от одного года до нескольких десятилетий. Зачастую исходной основой летописи становились дневники пионерского отряда/дружины, которые велись в «долетописную» эпоху. По объему они могли представлять альбом формата А4 в пару десятков страниц, а могли становиться многотомными переплетенными альбомами большого формата.

Летопись часто называли «дневником отрядных/дружинных дел». Записи вносились погодно, в соответствии с календарным циклом, который в свою очередь пересекался с учебным циклом (сентябрь-май). При этом функции дневника и отчета сливались, и второй подавлял первый: в летопись заносились только те события, которые не противоречили идеологическим приоритетам пионерской организации (и партии). Летописи отчетливо демонстрируют, как структурируются события большой и малой истории, поэтому столь большое значение придается в летописи «встраиванию» единицы в «пионерское целое», обычно это выражается в клишированных высказываниях вроде: «Пионеры Ставрополя внесли в историю пионерской

организации много славных станиц», а затем следует череда примеров этих «славных дел».

Как правило, летописи имеют шаблонную композицию. На первых страницах представлены общие сведения о возникновении структурной единицы («наша дружина была создана в 1927 году...»), затем следует перечисление этапов «славного пути». При этом самым неожиданным образом совмещается «историческое прошедшее» и «историческое настоящее» время, когда стирается грань между «делами», значительно отстоящими во времени, и «делами вчерашнего дня». Таким образом создается некий единый временной континуум, призванный означать непрерывность и недискретность пионерского прошлого. Такая черта летописи может быть рассмотрена в контексте мемуарного типа письма.

Важное место в летописи занимают биографии выдающихся исторических личностей, начиная с «дедушки Ленина» и борцов за революционное дело и заканчивая локально значимыми персонажами: первыми вожатыми, местными/региональными знаменитостями, причастными данной пионерской дружине, председателями совета дружины и пр. Особое значение придается историческим фигурам, имя которых носит дружина/отряд/звено. Им и культовым практикам, с ними связанным, отводится значительное место в летописи: выбор имени героя, описание сбора материала, связь с его родственниками, паломничество к месту проживания героя и к месту совершения подвига с обязательным посещением родственников, "могилки" и музея героя, регулярные сборы, посвящённые памяти героя, жизнеописание и т. д.

В оформлении летописной страницы попадают самые различные визуальные символы: начиная от отрядной эмблематики и фотографий и заканчивая шрифтовыми и цветовыми выделениями наиболее значимых, с точки зрения летописцев, событий и людей.

В типологическом плане пионерская летопись может быть соотнесена с различными рукописными традициями. По внешнему виду (альбом большого формата) и по типу представленных материалов (рисунки, фотографии, вырезки из газет, рукописные тексты, орнаменты) они легко встраиваются в традицию самодельных рукописных альбомов. Можно указать и на совпадения в прагматике: с выпускными школьными альбомами пионерскую летопись объединяет конструирование коллективной идентичности при помощи фоторяда, с семейными генеалогическими повествованиями - воссоздание общей истории рода/дружины, с дембельскими альбомами - конструирование этапности срока службы/истории дружины. Однако при

всем том пионерская летопись более всего ориентирована на создание исторически непротиворечивого и цельного описания судьбы конкретной подструктуры пионерской организации и наиболее тесно смыкается с дневниковым и мемуарным типами письма.

Сформулированные положения будут продемонстрированы на материале летописей архива музея истории детского движения Московского городского дворца детского (юношеского) творчества (в прошлом Московского городского дворца пионеров).

Леонтьева Светлана Геннадьевна

к. филол. н., доцент кафедры детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ)

* * *

Ликвинцева Н.В.

(Москва)

Речь Александра Блока в творчестве матери Марии (Скобцовой)

Встреча с Александром Блоком — одна из самых значительных встреч в жизни матери Марии. Она познакомилась с ним девочкой-подростком, именно ей были посвящены знаменитые блоковские стихи «Когда вы стоите на моем пути...» (1908). Отзвуки этой встречи, следы общения с поэтом разбросаны по страницам художественной прозы Е.Ю. Скобцовой: черты лица и характера поэта, его привычки и жилище озвучены на страницах ранней философской повести «Юрали» (1915), эмигрантских повестей «Равнина русская» и «Канитель». Но главное, что поэт навсегда остается ее собеседником, ее Другим, в диалоге с которым проясняется и оформляется ее собственное мировоззрение, то единство жизни и мысли, венцом которого станут дела милосердия монахини Марии и «Православного дела», ее богословие и мученическая смерть в концлагере Равенсбрюк. В этом отношении интересно проследить, как передана в творчестве матери Марии — прежде всего, в ее воспоминаниях «Встречи с Блоком» (1936), но также и в ее стихах — прямая речь Блока. Наряду с передачей интонации, голоса, доносящих присутствие дорогого человека, его фразы — так, как их сохранила память, — здесь видно и другое: как сама эта передача чужой

речи выстраивает пространство диалога, непрекращающегося разговора — уже не просто работа воспоминания, но работа мысли, в этом вспоминающем и диалогическом усилии вырабатывающей ключевые положения, по которым, как по пунктирным линиям движутся духовные искания матери Марии. Этот доклад представляет собой попытку проследить основные темы такого разговора.

Знание тайны. Обреченность и разделенность судьбы. Именно за разгадкой тайны приходит потерявшая веру и чувствующая бессмысленность жизни девочка к большому поэту. Владение тайной передают его стихи. Тема тайного знания — одна из ведущих в ранней поэзии Е.Скобцовой. Носителем тайного знания является «обреченный» Юрали, в чертах которого легко угадывается Блок. Встреча с такой обреченностью ведет к принятию «обреченного», к разделенности его судьбы. Здесь уже истоки будущей «мистики человекообщения» матери Марии, той разделенности судьбы многих жертв XX века, которой стала ее смерть.

Разделение: живые и умирающие. Жизнь как готовность к гибели. Воспоминания матери Марии о Серебряном веке (мемуарные очерки «Последние римляне» и «Встречи с Блоком») представляют собой постапокалиптический взгляд на время, предшествовавшее исторической катастрофе, попытку понять все случившееся. Ключевой для осмысления эпохи становится именно фигура Блока. Он сам причислял себя к стану умирающих, давая юной собеседнице совет: «...бегите от нас, умирающих». Однако вспоминающее сознание только такое умирание и вспоминает как нечто живое, как единственно живую реакцию на приближающуюся катастрофу на фоне мертво-утонченной и отворачивающейся от жизни культуры остальных. Блоковская готовность к гибели оказывается гораздо ближе к подлинной жизни.

Блок, Христос и Россия. Искупительное страдание. Вспоминающее сознание здесь, как и во многих мемуарах о Блоке других авторов, сопрягает мысль о Блоке, Христе и России в некое символическое единство, смысловой узел, намеченный в творчестве и самосознании самого Блока. Такое единство связано с искупительностью страданий, добровольно принятых на себя поэтом и разделяющих надвигающиеся страдания всей России, ее Голгофу. Именно в контексте этой темы подробно переданы в мемуарах разговоры с Блоком. Тяжесть страдания и беззащитность страдающего переданы и в устной, и в эпистолярной речи Блока, адресованной Е.Ю. В союзе такому страданию вызревает богородичное богословие матери Марии.

Безответность и ответ, общение и молитва. Именно неслышанная попытка Е.Ю. донести до собеседника непосредственную, теперь, после описанных в тексте воспоминаний, внутренних перемен, уже окончательно принятую ею, весть о Христе, и становится самым тяжелым моментом в отношениях с Блоком, приносящим в них оттенок подлинного трагизма. Невслышанность вести передается вспоминаемой речью Блока, это становится темой стихов матери Марии. Однако такая неслышанная весть удивительным образом переворачивается в творчестве: в поздней (1942), во много итоговой поэме матери Марии «Духов день» в образе говорящего, доносящего до лирической героини весть, отчетливо угадывается именно Блок, в речи которого здесь звучат отзвуки слов, некогда обращенных к нему собеседницей. Кроме того, в мемуарах ММ отчетливо виден за планом непосредственного человеческого общения другой план «заговора душ», связности судеб, реализуемого в молитве за другого. Речь другого звучит подчас именно как ответ на такую молитву, как ее услышанность. Сама тема трудности и глубины общения становится ключевой в богословских идеях матери Марии о «мистике человекообщения» и «внехрамовой литургии», разрабатывающих такую оптику взгляда на другого, любого человека, которая способна увидеть в нем в процессе общения самого Христа.

Ликвинцева Наталья Владимировна

к. филос. н. ст.науч. сотрудник Дома Русского Зарубежья

им. А.И. Солженицына

* * *

А.Ф. Литвина

(Москва)

Чаша из черепа: Сюжет и ритуал

В русской летописи под 972 г. присутствует рассказ о том, как печенежский хан Куря, одолев князя Святослава Игоревича, убил его, а из черепа князя изготовил чашу^[28]. При общем скептицизме по отношению к рассказам летописца о долетописном периоде русской истории именно этот

фрагмент нарратива большинство исследователей склонны воспринимать как достаточно достоверное описание вполне конкретного историко-этнографического факта. Расхождения возможны, скорее, между теми, кто усматривает в действиях Кури некий тюркский обычай, и теми, кто склонен видеть в произошедшем отражение некоего универсального ритуала, присущего как индоевропейским, так и неиндоевропейским народам.

В самом деле, помимо собственно русского свидетельства, мы располагаем довольно обширным рядом письменных фиксаций рассказа о том, как некто, убив своего врага, превращает его череп в сосуд, используемый в особых случаях, причем немалая порция таких свидетельств вроде бы ассоциируется с тюркскими народами. Тем не менее, прежде чем говорить о фактографической подоплеке любой из манифестаций этого сюжета или о его универсальности в человеческой культуре, целесообразно, как кажется, провести определенную дифференциацию, выделив разные сферы его бытования. При этом необходимо учесть, что коль скоро речь идет, например, о временах Святослава, то от этого времени остались лишь письменные тексты и материальные объекты, и, пытаясь отыскать какие-либо военно-исторические факты или образчики фольклора, относящиеся к той эпохе, мы неизбежно смотрим на них сквозь призму книжной традиции. Парадоксальным образом, из всего, что мы имеем, наиболее реален письменный, «олитературенный» текст, тогда как все остальное — это некая следующая ступень реконструкции.

История о черепе в одних традициях оборачивается историей сложения текстов и литературных заимствований по преимуществу, а в других — историей литературных заимствований исключительно. Имеет смысл выделять четыре условных сферы бытования интересующего нас сюжета: античную, германскую, византийскую (или, говоря шире, восточнохристианскую) и «китайскую». Для жизни нашего сюжета в каждой из этих традиций оказываются существенными несколько параметров: 1) кто в рассказе является активным действующим лицом, делающим кубок из черепа врага — «мы» или «они» (чуждый народ, обитающий за пределами освоенного мира или на его границах); 2) к какому временному пласту отнесено действие нарратива — настоящему, относительно синхронному моменту составления текста, или достаточно отдаленному прошлому; 3) каким образом в самом источнике характеризуется путь получения сведений о гибели и посмертной судьбе останков правителя?

Сопоставление различных традиций бытования сюжета о чаше из черепа приводит к выводу о том, что на всем европейском пространстве уже

в позднеантичное время имела место передача от автора к автору литературного образца, а не достоверное описание этнографического факта. В целом же, здесь следует, по-видимому, говорить о реально существовавшем, но весьма архаичном обычае. Ритуальная практика всюду весьма рано уступает место повествовательному мотиву, обладающему редкой устойчивостью и чрезвычайной «шоковой продуктивностью».

Литвина Анна Феликсовна,
к. филол. н., в.н.с. Ин-та славяноведения

* * *

Ф. Б. Успенский

(Москва)

«Мир, который как череп глубок...»:

межкультурный сюжет и межъязыковая игра в русской поэтической традиции

В докладе будут рассматриваться механизмы рецепции сюжета о чаше, изготовленной из черепа врага или черепа предка, в эпоху Романтизма и в первой половине XX века. Особое внимание будет уделено анализу этого мотива в «Стихах о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама. Предполагается очертить круг литературных источников образа черепа-чаши (явных и неявных) и сосредоточиться на связанных с ними любопытных примерах межъязыкового каламбура в поэтике позднего Мандельштама.

Успенский Федор Борисович – д. филол. н.,
руководитель Центра славяно-германских исследований
при Ин-те славяноведения, профессор РГГУ

* * *

А.Л. Лифшиц

(Москва)

Святой Александр Перский: периферия культуры, центр идеологии

1. Святой Александр Перский не известен ни по одному перечню святых, его не упоминает архиеп. Сергей (Спасский) в «Полном месяцеслове Востока». Между тем в XVII столетии существовали по крайней мере две церкви, посвященные этому святому. Обе – на землях залесских Мономашичей.

2. При перестройке церквей они были освящены как Покровская и Вознесенская, а во имя Александра Перского были названы приделы.

3. К началу XX века посвящение приделов было изменено: они стали пределами св. Александра Римского, хорошо известного на Руси святого, чье имя встречается в месяцесловах ранних русских Евангелий.

4. Александр Перский никак не может быть отождествлен с Александром Римским.

5. Документы XVII века сообщают об одной из церквей, что она была построена князем Александром Ярославичем (Невским) в честь его небесного покровителя. Это единственный известный случай прямого упоминания святого патрона князя. До настоящего времени существующие предположения опирались на косвенные свидетельства.

6. Изображения святого покровителя Александра Невского известны на печатях князя и печатях его сына Даниила Московского. В ряде случаев изображается всадник с мечом и в зубчатой короне. О том, что это изображение небесного покровителя князя, свидетельствует изображение св. Федора Стратилата (святой Ярослава Всеволодовича) на оборотной стороне печатей Александра Невского и Даниила Столпника – на лицевой стороне печатей Даниила Московского.

7. Среди святых Александров, известных христианской традиции к XIII веку, нет царственных особ. В то же время единственный царь Александр, который не нуждается в пространных комментариях – Александр Македонский.

8. Александром Перским без каких либо оговорок называет великого завоевателя, например, Юрий Крижанич, перечисляя древних царей.

9. О существовавшем почитании Александра Македонского свидетельствует Симеон Полоцкий, обличавший тех, кто обращается к древнему царю за исцелением. Следы аналогичного почитания есть и в византийской традиции.

10. Конец XII – начало XIII века – время, когда на Руси происходит знакомство с Александром Македонским: изображения его «вознесения» появляются в белокаменной резьбе Успенского и Дмитровского соборов во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, в шитье, в произведениях ювелирного искусства, мелкой пластике.

11. Александр Македонский – идеальный правитель – включается в предысторию христианской Руси с той же легкостью, с какой в паремейные тексты попадают убиенные князья Борис и Глеб. Идеология царства на Руси до сих пор легко смешивается с христианством.

12. Очевидно, и известное по Новгородской летописи тезоименитство подобного Ахиллесу Александра Ярославича и Александра Македонского не следует понимать только как метафору.

Лифшиц Александр Львович

н.с. Археографической комиссии РАН (Ин-т славяноведения РАН)
зав. сектором рукописей Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ

* * *

свящ. Феодор Людоговский

(Москва)

Дача Маркеловых: источники по истории одной семьи

На протяжении двадцати лет я занимаюсь генеалогическими поисками, с 2000-х гг. используя для этих целей интернет-ресурсы. Результатом разысканий стала база данных, которая включает на сегодняшний день свыше трех тысяч персон и постоянно пополняется. По некоторым линиям известно до пятнадцати поколений.

Интерес с моей стороны к генеалогии неслучаен. В нашей семье бабушки и дедушки, прадеды и прапрадеды – это живая память; с раннего детства я общаюсь с многочисленными, порой весьма далекими родственниками; я знаком со своими двоюродными, троюродными, четвероюродными и, как мы это называем, пятироюродными братьями и сестрами. Это оказалось возможным в первую очередь благодаря даче, называемой Затишье. Расположена она в Можайском районе Московской области на левом берегу Москвы-реки. История Затишья начинается с 1898 г., а предыстория – по меньшей мере на несколько десятилетий раньше.

Дочь Василия Ивановича Майкова, поэта екатерининской эпохи, Наталья Васильевна Хлюстина (1778–1859) была бездетна. Ей принадлежало имение Красный Стан в Рузском уезде Московской губернии на правом берегу Москвы-реки. Незадолго до смерти она подарила это имение своей внучатой племяннице Екатерине Валериановне Майковой (1838–1902), двоюродной сестре поэта, которая приблизительно в это время вышла замуж за Михаила Дмитриевича Маркелова (1824–1884). Семейство Маркеловых многие годы приезжало жить в деревню на всё лето. В Красном Стане прошло детство моего прапрадеда Дмитрия Михайловича Маркелова (1864–1924) и его младших братьев и сестры.

Через некоторое время после смерти мужа Екатерина Валериановна, не сумев разобраться в финансовых вопросах, продала Красный Стан. Однако дети, к тому времени уже взрослые, не захотели расстаться с родными местами. В 1898 г. младшая из детей, Валерия Михайловна Маркелова (1876–1930), купила небольшой участок земли в пяти верстах выше по течению на противоположном берегу и поставила там небольшой дачный домик. (В этом домике успела еще пожить Екатерина Валериановна; до наших дней не сохранился.) В 1901 г. рядом с Валерией землю купил старший брат Дмитрий Михайлович, который уже давно обзавелся семьей – у него было два сына и три дочери; к весне следующего года уже был выстроен большой дом-шестистенок с четырьмя голландскими печами.

Однако счастливые годы в Затишье для детей Дмитрия Михайловича были недолгими. В декабре 1907 г. умирает после полученной в гимназии травмы младший сын Костя. Родители, которым тяжело возвращаться на дачу, где всё напоминает об умершем сыне, продают ее Валерии Михайловне, в том же 1907 г. вышедшей замуж.

Не будем описывать дальнейшие переходы дачи из рук в руки. Так или иначе, но после революции и гражданской войны Маркеловы – и семья

Дмитрия Михайловича, и семья его младшего брата Николая – вновь начинают приезжать на лето в Затишье. При этом Николай Михайлович Маркелов (1872–1952), будучи выслан за 101-й км, уехал в буквальном смысле слова за Можай и прожил на даче безвыездно около четверти века.

После войны на даче появляется уже четвертое поколение жителей (если первым считать Екатерину Валериановну) – поколение моего отца. В наши дни активно пополняется седьмое поколение (мои дети и племянники), а его старшие представители в ближайшие годы могут уже и сами обзавестись семьями.

Рассказы о предыдущих поколениях передаются преимущественно устно, хотя есть и письменные (и даже опубликованные) воспоминания.

В первую очередь следует назвать книгу брата моего прапрадеда Константина Михайловича Маркелова (1868 – до 1940) «На берегу Москвы-реки». Воспоминания, посвященные «счастливым годам, проведенным в Красном Стане», были опубликованы в Париже в 1926 г.

Далее – рукописные мемуары Владимира Дмитриевича Маркелова (1889–1966), старшего брата моей прабабушки. Воспоминания были написаны им под конец жизни, в 1950–60-е гг., но относятся по преимуществу к дореволюционной эпохе. Речь идет в основном о Затишье, но имеются отдельные сюжеты, связанные с Москвой.

Однако прежде всего история жизни предыдущих поколений передается устным путем. Так, моя прабабушка со стороны отца Евгения Дмитриевна Жовнеровская-Маркелова (1892–1967) обладала, по словам знавших ее людей, феноменальной памятью. Она помнила все родственные связи, все имена и даты, рассказывала желавшим слушать истории о прошлом. Ее любовь к семейным преданиям и удивительная память передалась дочери – моей бабушке Наталии Константиновне Людоговской (1922–2006).

Своего рода летописью Затишья были шуточные стихотворения, которые, не чуждаясь порой обценной лексики, сочинял двоюродный брат моей бабушки Олег Всеволодович Чижов (1926–2008). Записей не сохранилось, однако есть надежда, что наиболее значимые тексты остались в коллективной памяти родственников.

История семьи и дачи представлена также фотографиями, наиболее старые из которых относятся к концу XIX – началу XX в.

Еще один источник – это генеалогические схемы Майковых, Маркеловых и породнившихся с ними семей, которые составляли упомянутые Владимир Дмитриевич Маркелов и его племянник Олег Всеволодович Чижов.

В 2008 г. к 110-летию Затишья, по инициативе моего отца и при моем участии был подготовлен сборник «Затишинская мозаика», куда вошли разные эпизоды из жизни дачи и ее жителей – с начала XX века по начало XXI; в приложении даны родословные схемы, снабженные фотографиями. Таким образом, устные предания, рассказывавшиеся представителями разных поколений, получили письменную фиксацию.

Автор этих строк намерен в ближайшем будущем подготовить своеобразную трилогию: издать (хотя бы для внутреннего употребления) обе книги воспоминаний и «Затишинскую мозаику», снабдив их общим предисловием и иллюстративно-справочным аппаратом.

Людоговский Федор Борисович

свящ., к. филол. н., научн. Сотр. Института славяноведения РАН

* * *

М.Р. Майзульс

(РГГУ)

Дьявол в летописи: персонаж, топос, функция^[29]

Если исследователи часто пишут о провиденциализме древнерусского летописания или эсхатологическом подтексте летописей, они редко обращают внимание на фигуру дьявола и ее функции в историческом нарративе. Как писал А. Момильяно, в христианской книжности нашествие демонов предшествовало нашествию варваров на Римскую империю, однако их полчища соблюдали границы между жанрами, заполняя биографии (жития) и совершая лишь краткие рейды в хроники^[30]. Каковы были функции дьявола в русской летописной традиции, и чем «летописный» дьявол отличался от дьявола агиографии?

Сатана постоянно «присутствует» на страницах летописей, начиная с Повести временных лет (дьявол и бесы упомянуты там не менее 100 раз) и вплоть до летописцев XVII в. В ПВЛ он выступает и как актер космологической драмы (рассказ Философа об низвержении Сатанаила), и как персонаж, действующий здесь и сейчас: он искушает князей и монахов, возбуждает героев друг против друга и т.д. Дьявол фигурирует в устойчивых формулах, идентифицирующих источник злых помыслов и поступков («*по дьяволю наученью*»).

Он завидует человеку, стремится завлечь его в свои сети, чтобы не дать спастись. Однако его победы оказываются временны, и Господь неизменно разбивает его планы, приводя дьявола к поражению. Эта богословская и нарративная схема задает логику многих летописных известий: о варяге-христианине, чей сын «*по зависти дьяволи*» должен был быть принесен в жертву языческим идолам^[31]; о конфликте между князем Всеволодом Мстиславичем и новгородским посадником Твердиславом Михалковичем^[32].

В летописях сатана выполняет несколько функций. С ним ассоциируется весь мир дохристианских верований, магических практик и ересей. Языческие божества – это бесы. Все чудеса, которые творят волхвы, на самом деле уловки дьявола^[33]. Тем самым древнерусский книжник демонизирует религиозные девиации и приравнивает сопротивление Церкви к служению сатане. Кроме того, – это его основная роль в летописи – дьявол разжигает раздоры, мятежи и отвечает за внутренние конфликты в христианском обществе^[34]. Один из составителей ПВЛ даже противопоставляет нашествия иноплеменников или природные катастрофы, которые посылаются Богом в наказание за грехи, и междоусобицы, которые случаются «*от соблажненья дьяволя*»^[35].

В отличие от агиографии, в летописях дьявол редко появляется *in persona*, его действия обычно не визуализируются, мы не найдем его прямой речи, а описание его козней чаще всего сводится к устойчивым формулам: «*въздвиге дьяволь котору*», «*встави дьяволь вражду*» и т.д.^[36] Единственным значимым исключением служат «агиографические» фрагменты летописи: например, история об искушении монаха Исаакия, которая читается и в ПВЛ, и в Киево-Печерском патерике^[37].

Деяния князей-изменников и убийц, еретиков и иноверных завоевателей, выступающих как орудия дьявола, раскрывают свой истинный смысл через соотнесение с событиями и фигурами-«парадигмами», принадлежащими к священному времени Библии или узловым моментам

истории Церкви. Так, главным прототипом изменников и братоубийц в русской книжности является Каин. Согласно преданию, отраженному в ПВЛ (в Книге Бытия эта деталь не упомянута), замысел убить Авеля был подсказан ему сатаной^[38]. В памятниках Борисоглебского цикла и летописях Святополк Окаянный, проливший кровь братьев по наущению дьявола, уподобляется Каину^[39]. В XIII в. орудием дьявола, подобием Каина и новым Святополком, становится князь Глеб Рязанский, который приказал убить своих шестерых братьев^[40].

В древнерусском летописании «наущение дьявола» – это универсальная объяснительная модель, которая идентифицирует источник злодейских помыслов и причину социальных конфликтов, риторический механизм демонизации врага. Однако в отличие от агиографии, в летописях дьявол редко появляется на сцене и действует за кулисами, это скорее не персонаж, а функция. Летописец обычно говорит не об искушении (подразумевающим духовную борьбу), а о «наущении» (грешник как пассивное орудие дьявола).

Майзульс Михаил Романович
преподаватель Российско-французского центра исторической антропологии
им. Марка Блока РГГУ, ассистент директора Франко-российского центра
гуманитарных и общественных наук в Москве

* * *

И.И. Макеева

(Москва)

Культ св. Николая Мирликийского в русской культуре: «свое» и
«чужое»

Культ св. Николая Мирликийского, ставшего одним из самых почитаемых русских святых, был заимствован восточными славянами из Византии уже в ранний древнерусский период (упоминание в Ипатьевской летописи под 882 г. на могиле Аскольда божницы св. Николая, в Житии Феодосия Печерского – монастыря св. Николая в Киеве, где постриглась мать Феодосия; мозаичное изображение святителя в Софии Киевской и др.). В XI в. на Руси стали известны первые рассказывающие о св. Николае тексты –

переведенные с греческого сказания о чудесах. С их появлением начал складываться литературный цикл, посвященный св. Николаю, вошедший в состав десятков рукописей XIV-XVII вв. В него вошли также жития и ряд других произведений. Так называемое Иное житие переведено в конце XI - первой половине XII в. Метафрастово житие, названное по имени автора - византийского агиографа X в. Симеона Метафраста, переведено с греческого на славянский в середине XIV в. (возможно, в середине XIII в.) в Болгарии. Третье житие именуется как «некнижная редакция» или как «хождение».

Существование нескольких житий отчасти связано с почитанием двух святых, носивших имя Николай, но живших в разное время и в разных, хотя и близко расположенных городах: один св. Николай жил в IV в. и был архиепископом Мир в Ликий, второй св. Николай жил в VI в. и был архиепископом Пинар в той же Ликий. В русской письменности оба именовались Николаем Мирликийским, а рассказывающие о них произведения объединялись в один цикл. Метафрастово житие повествует о Николае, архиепископе Мир Ликийских, а Иное житие – о Николае, архиепископе Пинарском.

Принадлежность житий к кругу именно переводных произведений и отсутствие среди них русских сочинений (речь не идет о Прологах) вполне понятны. Но и среди сказаний о чудесах доля русских текстов мала.

В Византии было известно много больше чудес, чем впоследствии появилось на Руси. Самое популярное «Деяние о стратилатах», переведенное в Болгарии, в русской письменности именовалось чудом о трех воеводах. Основную часть цикла сказаний о чудесах составили шесть переводных текстов: чудо о Дмитрие, чудо о Симеоне (так в русской традиции; в греческой – о монахе Николае), чудо об Агрике и его сыне Василии (в русской традиции Агрик – имя собственное, тогда как в греческих версиях это $\alpha\epsilon\rho\omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$ «живущий в деревне», «земледелец»), чудо о юноше Николе, чудо о попе Христофоре, чудо о Петре-чернце. Они вошли в состав двух русских рукописей XII в. и XIII в.

В составе рукописи рубежа XIV-XV вв. (РГБ, Тр.-Серг. № 9) содержатся и другие переводные чудеса, а также старший список двух русских сказаний – чудес о детище и о половчине, повествующих о деяниях св. Николая в Киевской Руси. В первом речь идет о спасении утонувшего ребенка, найденного в Святой Софии Киевской, во втором – о наказании отпущенного на волю пленника, который не выполнил своего обещания принести выкуп. Третье русское чудо об исцелении великого князя происходит в Новгороде.

Если чудеса о детище и о половчине входят в цикл чудес Николая Мирликийского в русской письменности, то третий текст встречается редко и отдельно от всех остальных чудес.

Других сказаний, в которых действие происходило бы на Руси, в цикле чудес нет, хотя можно предположить, что историй о совершенных св. Николаем исцелениях и спасениях было немало. Лишь изредка в рукописях встречается присоединенное к циклу чудо в Лукомле «в литовской земли», в котором св. Николай, явившись во сне некоему Парфению, велел создать церковь. Далее следует перечень исцелений, последовавших от Николы Лукомльского. Типологически этот текст сходен с фрагментами житий русских святых.

Византийским наследием, возможно, имеющим какие-то более глубокие корни, было объединение св. Николая и св. Георгия. Эти святые действуют совместно в одном из переводных чудес, рассказывающем об избавлении пленного сарацина. Традиция объединения свв. Николая и Георгия имеет параллели в русской народной культуре. В русских пословицах календарное положение Юрьева дня (23 апреля) определяется по отношению к Николину дню (9 мая): Юрий везет корму в тороках, а Никола возом; Егорий с корнем, Никола с кормом; Егорий с летом, Никола с кормом; Егорий с водой, Никола с травой.

Византийская традиция объединяла св. Николая с другими святыми. В чуде святителя об утопшем муже кроме св. Георгия упоминаются Гурий, Самон и Авив и пророк Аввакум. Их всех объединяет чудо спасения-перенесения.

В русской оригинальной книжной культуре Николай Чудотворец объединяется с Борисом и Глебом и с Варлаамом Хутынским.

Макеева Ирина Ивановна, к. филол. н., снс Института
русского языка им. В.В.Виноградова РАН

* * *

К. А. Маслинский

(Санкт-Петербург)

География России в зеркале школьных арифметических задач XIX-XX вв.

Тексты школьных арифметических задач кажутся для круга традиционных филологических дисциплин в полном смысле слова маргинальным материалом. Тем не менее, у этих текстов есть, пусть минимальное, нарративное содержание, не относящееся к миру математических абстракций: микросюжет, в который вовлечены персонажи, предметы, события и локусы. В данной работе я хотел бы обратиться к пространственной (географической) составляющей нарративов школьных математических задач. Материалом послужили учебники математики (арифметики) и задачки для детей 4-5 годов обучения в различных типах школ за период со второй половины XIX по конец XX века. Методика работы состоит в рассмотрении способов отбора и комбинирования пространственных реалий в корпусе текстов арифметических задач данного периода.

Поскольку в содержании задач описываются по преимуществу анонимные локусы («город», «деревня», «школа», «пункт А» и т. п.), они несут только информацию о типической пространственной привязке тех или иных социальных ситуаций. Так, например, в задачах на передвижение значимой социально-пространственной информацией будет то, кто куда перемещается (рассыльный ходит в город, крестьяне, колхозники и велосипедисты из деревни в деревню, поезда из города в город, пионеры из школы на стадион и т. п.), каким способом, с какой скоростью и с какой целью. По сумме подобных сюжетов в задачнике можно построить *топологическую модель социального пространства*, абстрагированную от конкретных геометрических и географических подробностей, но несущую информацию о структуре и социальном характере связей различных локусов (город—город, город—деревня, деревня—деревня и т. п.).

При общей установке на незначимость и анонимность локусов в текстах задач тем важнее становятся те конкретные географические объекты, которые все-таки проникают в задачник (реки и горы, города, известные сооружения, монастыри и т. д.). Так, на протяжении всего рассматриваемого периода в задачах устойчиво присутствуют упоминания столичных городов (Петербурга и Москвы), хотя частотность и обстоятельства таких упоминаний изменяются.

Можно проследить и более тонкую историческую динамику в конструировании географии страны в задачниках. В частности, построить структурную схему страны из всех упоминаемых в рамках отдельно взятого

задачника географических объектов, где объекты, упоминаемые совместно в одной задаче, будут связаны структурной связью (например, задача о поезде из Петербурга в Москву даст на схеме связь между этими городами). Показательно, что в советский период отчетливо прослеживается тенденция к централизации такой схемы. Например, в учебнике под ред. Виленкина (1970-е—1990-е) все упоминаемые города (Ленинград, Владивосток, Минск, Смоленск, Ростов-на-Дону) связаны с Москвой, и практически отсутствуют периферийные связи городов между собой.

Еще одним значимым измерением для топологической модели социального пространства является масштаб. В текстах задач присутствуют локусы как микроуровня, значимого для локального сообщества (дом, школа, баня), так и макроуровня, значимого для страны в целом (города). Причем объекты микроуровня гораздо более анонимны в рамках задачника, не следует ожидать конкретных географических привязок, более уместны смоделированные топонимы (например, название деревень Акулово, Китово и т.п.). Собственное же имя в задаче могут получить только общезначимые объекты макроуровня. В целом эта тенденция показывает приоритет в учебных текстах центра социального пространства перед периферией.

Исследование показывает ценность текстов арифметических задач как источника сведений о динамике фонда культурных стереотипов и клише о центре и периферии российского пространства в рассматриваемый исторический период.

Маслинский Кирилл Александрович

ИФИ (Институт филологических исследований) СПбГУ

Лаборатория полевых исследований

младший научный сотрудник

* * *

Е.Г. Местергази

(Москва)

“Замогильные записки” В.С. Печерина как эго-текст

Загадку личности Владимира Сергеевича Печерина (1807-1885), бежавшего на Запад в возрасте двадцати девяти лет, до сих пор разгадывает не одно поколение исследователей русской культуры. Поэт 1830-х гг., переводчик, полиглот, филолог-классик, экстраординарный профессор Московского университета, Печерин предпочел научной карьере судьбу странника и монаха. Четыре года скитаний по Европе без гроша в кармане (при этом он вел жизнь философа, читал все, что выходило нового в Париже и Лондоне) закончились тем, что в 1840 г. он перешел в католичество, вступил в орден редемптористов и в течение двадцати лет был миссионером в Бельгии, Англии и Ирландии. У него была репутация праведника и аскета, а ирландцы почитали его как величайшего проповедника. Встреча с А.И. Герценом в 1853 г., описанная в «Былом и думах», стала поворотным моментом в судьбе беглеца. В 1861 г. он выходит из ордена и после некоторых метаний принимает должность капеллана при дублинской больнице для бедных, где ему будет суждено служить 23 года вплоть до кончины. В то же время духовный кризис, вырвавший его из монастыря, все более углублялся: в последние годы жизни ирландский патер внутренне полностью порвал с католицизмом, обратился к изучению естественных наук, современной философии и историософии, вернулся к литературному творчеству, что отражено в его автобиографических записках и письмах 1860-1870-х гг. Написавший в далекой молодости «безумные», по его позднему признанию, строки «Как сладостно отчизну ненавидеть...», на склоне лет Печерин духовно возвратился на родину, хотя вернуться в Россию так и не решился.

Как-то так сложилось, что «Замогильные записки» принято называть мемуарами, воспоминаниями. А между тем печеринский эго-текст не что иное, как *автобиография*.

Исследователями неоднократно подчеркивалось, что автобиография предполагает не просто рассказ о жизни, а как бы ее вторичное проживание. Это предполагает, в свою очередь, наличие у автора определенной эго-концепции повествования, в основе которой лежит не только «идея» его жизни, но и изначальное представление о себе самом.

В отличие от мемуаров, главная цель которых дать картину ушедшей эпохи и как можно более полно запечатлеть портреты ее персонажей, автобиография сфокусирована на истории личной жизни рассказчика и только на ней. Беглые зарисовки событий, отдельные портреты исторических лиц здесь второстепенны. Повествование жестко подчинено единственной задаче - самораскрытию авторского «эго».

Под влиянием друзей Печерин в середине 60-х годов приступил к созданию автобиографических записок в надежде, что они увидят свет в России. Это было время наивысшего творческого подъема в его жизни. Автобиография оказалась идеальным жанром, позволившим ему воплотить собственный образ в литературе, что для него было «верхом блаженства», «самым утонченным цветом бессмертия».

Подобно концентрированному раствору, текст Печерина абсолютно равен его эго-концепции, в нем нет ни одного «лишнего» эпизода, ни одной строчки, которая не работала бы на самораскрытие автора. Повествование многослойно и включает в себя *матрицу* саморепрезентации; описание *событий* *внутренней* *жизни (переживаний)*; *фактографию* и *объяснение* *поступков*; реализацию *интеллектуального «эго»* (реминисценции, цитаты, рассуждения, споры); демонстрацию *художественного дара* (литературные портреты, диалоги, сценки, зарисовки и т. п.); *автомифологизацию* (Герострат, беглец, Фауст, странник, монах).

Структура каждой главы дублирует общую структуру произведения, что, безусловно, свидетельствует о высоком мастерстве литератора. Это обстоятельство также позволяет на примере отдельного отрывка показать, как организовано целое.

Местергази Елена Георгиевна

доктор филологических наук, старший научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

[Форма участия – заочная]

* * *

М.Ю. Михеев

(Москва)

Рукопись «Тихого Дона» – один или два автора?

В тексте «Тихого Дона» можно видеть, по крайней мере, два различных слоя текста – один, условно говоря, высокохудожественный, второй – очень и очень посредственный, схематизаторски-кондово-соцреалистический (о чем уже было сказано Солженицыным и И.Медведевой-Томашевской). Внутри романа принято различать двух авторов, именуемых «автором» и «со-автором», или «переписчиком». Причем множеству претендентов, выдвигаемых разными исследователями на роль первого из них (реальным, но скрываемым автором считают при этом кто Ф.Крюкова, кто А.Серафимовича, кто В.Севского, а кто И.Родионова или даже А.Д. Попова) соответствует несколько более скромное по «мощности» множество кандидатов на роль второго (переписчиками, якобы, были М.Шолохов или тот же Серафимович). Но есть при этом еще и третья ипостась, а именно множество «литературных негров», которых, якобы, мог использовать переписчик или целая засекреченная организация (то бишь Сталин, руководство ОГПУ-НКВД итп.), поставившая себе целью к 1928 г. в кратчайшие сроки (непосредственно после 10-летия Октября или к 100-летию Льва Толстого) создать «красную “Войну и мир”» (выражение М.Зощенко, правда, употребленное им несколько по другому поводу). На роль «лит-негра» в этом комбинаторном варианте предлагается А.Платонов (или еще: некий посаженный под замок «органами» никому не известный белый офицер). Если в первом случае, при поисках автора, по логике вещей, этим *автором* должен был быть все-таки кто-то один, то во втором и третьем, в поисках переписчиков и «негров», допустимым считается вариант совместного – то ли происходившего одновременно, то ли последовательно, друг за другом (может быть, даже в несколько этапов, так сказать, конвейерного) участия в многократном дописывании и редактировании текста.

Но если даже отвлечься от сложности сохранения тайны при таком «вахтенном» способе производства романа, не учитывать жену Шолохова (или ее сестер), помогавших переписывать набело, если отложить вопрос использования чужой рукописи на раннем этапе работы (такое использование, скорее всего, все же имело место^[41]), а рассматривать только саму рукопись, напечатанную в 2005 г. ИМЛИ, то – можно ли усмотреть сразу нескольких авторов в этом уже почти готовом к печатанию тексте? Некоторые из исследователей (и мой коллега А.Ю. Чернов) концентрируют внимание преимущественно на ошибках «неумелого переписчика», под каковым разумеют действительно не шибко грамотного Ш, – полагая, что уже в рукописном тексте «проглядывают уши» оригинала, т.е. что уже здесь виден истинный смысл и законченная форма чуть ли не готового романа^[42].

Другие допускают, что в руки Ш попали только некие подготовительные материалы, наподобие дневниковых или очерковых записей, которые затем подверглись существенной переработке самого Ш (точка зрения в работах Медведевой-Томашевской, Роя Медведева, которая и мне представляется наиболее справедливой). Третьи же (З.Бар-Селла, А.В. Венков, А.Г. Макаров и др.) допускают иных «авторов», усматривая среди различных слоев, составляющих роман, уже более двух, предлагая (причем, каждый) во-первых, своего первоначального автора, текст которого в дальнейшем был «испорчен», будучи закрыт наслоениями новой стилистики, идеологии да и просто орфографии, то есть во-вторых, почти каждый из этих исследователей предлагает своего «переписчика», ну а в-третьих, и своего «лит-негра». – Получается комбинаторная задача наподобие кубика Рубика, раскрыть все стороны которого пока никто не в состоянии. Между тем версия о том, что первоначальный текст (вероятнее всего, Крюкова) при дописывании мог быть не только «испорчен» вставками, но еще и существенно «улучшен», т.е. сделан сюжетно более интересным, увлекательным, читаемым (возможно, при этом и в ущерб правдоподобию, хотя тут – о вкусах не спорят), никем вроде бы не принимается в расчет.

Если рассмотреть виды редакторской правки в самой рукописи, можно отметить в ней наличие серьезного слоя правки, вполне напоминающей ту, которую вносит рука реально пишущего, хотя конечно есть довольно много мест, в которых можно усомниться, что переписчик владеет нормами орфографии, пунктуации и просто русской грамматики. Тем не менее, есть множество таких, в которых невозможно представить роль «переписчика» как исключительно пассивную. Зачастую он ведет себя в рукописи как полноправный автор. Даже его безграмотность свидетельствует в данном случае в его пользу – вот почему:

если правку самой первой фразы романа еще можно представить как обдуманную переделку чьей-то готовой чужой рукописи, подгонку ее под свой черновик (слово *станции* зачеркнуто и над ним надписано *хутора*): *Мелеховский двор на самом краю ~~станции~~^{хутора}* [часть 1 черн., 1 гл., 1 стр., правка синим карандашом], – то во множестве других случаев перед нами все-таки несомненная правка рукописи, существенно **усложняющая** текст. Иначе «переписчику» (по сути же, искуснейшему фальсификатору) следовало бы измыслить и постоянно держать в голове (написав, что ли, для себя и постоянно с ним справляться?) некий промежуточный текст, как бы предшествовавший тому, который в дальнейшем можно будет с успехом выдать за беловые и черновые варианты рукописи, старательно вписывая в этот черновик, внося в

несколько приемов правку – чернилами и карандашами разных цветов, переписав несколько вариантов и не противореча самому себе. Вот, например, отрывочек в несколько фраз из черновика 3 части: (гл.7, с.39) *За ним жмурился ^{горбатясь,} Крючков, еще дальше ^{- по-лошадиному} ~~дегза~~^{стриг} хрящами ушей Лапин, за ним виднелся рубчато выбритый кадык Щеголькова. # – ...^{Германия} нам объявила войну. # По выровненным рядам шелест: ~~то-ли-ездеж~~ «хэхиши», как по ^{полю} ячмен^я ному ^{созревшего чернобылого} ~~полю~~ ^{усатому} прошлась ветровая волна. [В окончательном тексте на этом месте:] За ним жмурился, горбатясь, Крючков, еще дальше – по-лошадиному стриг хрящами ушей Лапин, за ним виднелся рубчато выбритый кадык Щеголькова. # – ...Германия нам объявила войну. # По выровненным рядам – шелест, будто по полю вызревшего чернобылого ячменя прошлась, гуляя, ветровая волна. [знаком # помечены абзацные отступы.]*

Источники

Чернов А.Ю. «Как сперли ворованный воздух» на сайте: <http://chernov-trezin.narod.ru/TitulSholohov.htm>

Известные на сегодня тексты ФК доступны на сайтах продолжающихся проектов: «Федор Крюков. Неполное собрание сочинений» <http://fedor-krjukov.narod.ru/index.htm> а также: «Ф.Крюков: архив русской прессы 1910-1920 гг.» <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/f-krukov/index.htm>

Михеев Михаил Юрьевич

д.филол.н. в.н.с. НИВЦ МГУ

* * *

А.Б. Мороз

(Москва)

"Отчим наш" и "хлеб засушенный". Рецепция и интерпретация церковнославянского языка в русских фольклорных текстах

Церковнославянский язык, будучи языком, особо маркированным в сознании носителей фольклора, находит применение не только в литургике и в домашней молитве, но и в разного рода других, собственно фольклорных и

индивидуальных текстах, обладающих сакральным статусом: заговорах, молитвах. В силу своей близости русскому языку, с одной стороны, и сложности для понимания, с другой, он широко подвергается вольным или невольным искажениям и интерпретации. Это происходит при цитировании церковнославянских текстов в фольклорных (фрагменты молитв, включаемые в заговоры), при имитации канонических молитвенных текстов, при попытке индивидуального порождения молитв по образцу канонических, а также при устном исполнении и письменном копировании канонических церковнославянских текстов. Часто искажения просто лишают церковнославянский оригинал какого бы то ни было смысла, превращая фразу в глоссолалическую. Смысл при этом остается темным, что не смущает носителя традиции, поскольку использование глоссолалических текстов или фрагментов в магии распространено достаточно широко. Однако часто непонятный церковнославянский текст подвергается "редактированию" и интерпретации. Эта интерпретация происходит на нескольких уровнях сразу:

- Изменяется сложный церковнославянский синтаксис. Период делится на более короткие предложения, причем происходит часто полное изменение всей синтаксической структуры предложения.
- Частично изменяется лексический состав фразы, непонятные лексемы или лексемы, в которых узнаются русские паронимы, заменяются понятными русскими.
- Изменяется общий или частный смысл текста. Это происходит отчасти автоматически при замене лексики, однако такая замена не влечет за собой обязательной интерпретации текста, которая может происходить каждый раз в момент исполнения или – что точнее – в момент его комментирования постороннему.

То же происходит при попытках продуцирования индивидуальных молитвенных текстов по модели канонических. Фрагменты, известные по молитвам, переносятся во вновь продуцируемые тексты с искажениями, соответствующими пониманию таких фрагментов. В основе фольклорной интерпретации лежит преимущественно паронимическая аттракция знакомых русских слов интерпретируемыми церковнославянизмами, а также основанные на ней же механизмы "народной этимологии".

Доклад построен на анализе текстов канонических молитв и песнопений, а также фольклорных и индивидуальных молитвенных и заговорных текстов, зафиксированных в устном исполнении и в рукописных сборниках.

Мороз Андрей Борисович

к.ф.н., доцент, заведующий Лабораторией фольклористики РГГУ

* * *

Юрий Нечипоренко

(Москва)

Семейные предания военных лет: рассказы, воспоминания, пересказы

Семейные предания имеют статус наиболее ценной информации, они напоминают мифы, хранящие определённый образ жизни. Истории военных лет (1941-1945) передают образ жизни, который характерен для особого, военного времени - и в котором ярко выражаются «вечные ценности» человека, семьи и рода. Поколения людей, рождённые в послевоенное время, были напитаны образами и темами военных воспоминаний. В работе рассматривается личный опыт: с детства автор слушал семейные предания - истории отца, который прошёл войну начальником радиостанции батальона аэродромного обслуживания. Как пересказы этих воспоминаний, так и сами воспоминания вошли в книгу «Начальник связи» («Арт Хаус Медиа», М., 2010). Воспоминания отца автора охватывают, кроме военных лет, предвоенное время - 30-е годы XX века. Таким образом, художественные тексты в первой части книги соединены с мемуарами во второй, и главный герой оказывается не просто художественным образом, а активным рассказчиком — и соавтором книги. Прослеживается переход между художественным и мемуарным изображением и видением одних и тех же событий в разных ракурсах. В целом три типа текстов составляют книгу: художественные, мемуарные - и пересказы воспоминаний отца. Эти три типа текстов связаны желанием передать самые существенные, важные события, которые происходили в жизни автора и его отца. Если отец считает важными встречи с маршалами (таких встреч было три: в мемуарах фигурируют Блюхер, Гамарник и Конев) и встречу с братом на фронте, то для автора важны такие воспоминания детства, как первые встречи с собакой, гусями в деревне, ёжиком. В художественном тексте теряется социальное значение фигур и на первый план выходят ощущения живой связи с миром. В докладе

рассматривается ряд наблюдений над соотношениями описания чувств и ощущений в непосредственных воспоминаниях автора - и воспоминаниями о воспоминаниях, то есть в авторских пересказах воспоминаний отца.

Юрий Нечипоренко (псевдоним
для публикаций в области прозы и гуманитарных наук)
автор – Нечипуренко Ю.Д., доктор физ.-мат наук, член Союза Писателей и Ассоциации
Искусствоведов, научный сотрудник Физического факультета МГУ, руководитель
Литературно-художественной студии

* * *

Нуркова В.В., Днестровская М.В.

(Москва)

Психологический анализ культурного жизненного сценария в автобиографических нарративах старообрядцев

Человек, рассказывающий о своей жизни, обращается к содержанию автобиографической памяти и параллельно создает ее. Интеграция отдельных воспоминаний о жизненных событиях в целостную систему автобиографической памяти и появление систематизированной истории собственной жизни – развивающийся процесс, результирующей которого являются представления человека о своем целостном жизненном пути. В создании истории жизни взаимодействуют линии социализации и индивидуализации. Социальная детерминация создания индивидуальной концепции «судьбы» определяется процессом присвоения «культурных жизненных сценариев» (Berntsen, Rubin, 2003, 2004; Berntsen, Bohn, 2009; Нуркова, 2000, 2009; Астафьева, Кошелева, Мещеркина, Нуркова, 2001; Нуркова, Митина, Янченко, 2005). Культурный жизненный сценарий – это разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и «расписании» жизненных событий и приписываемой им значимости и валентности. Показано, что культурный жизненный сценарий является средством организации автобиографии, выступая в качестве «селектора» того, что и как человек включает в свою личную историю.

Однако процесс автобиографической наррации – отнюдь не пассивное воспроизведение культурной схемы. Согласно нашему определению

(Нуркова, 2009) *Автобиографический нарратив – процесс и результат реализации мотивированного и целенаправленного мнемического действия, исполненного по семиотическим правилам в речевой форме, позволяющей актуализировать механизм осознания, и направленного на стабилизацию или изменение существующей иерархии мотивов для оптимизации характеристик будущей деятельности*

Данный подход позволяет нам поставить ряд новых исследовательских задач:

1) поскольку автобиографический нарратив всегда представляет собой реализацию цели в рамках мотивированной деятельности, его анализ с учетом ситуации рассказывания является методом реконструкции структуры мотивов, целей ценностей личности. Характеристики рассказа дают возможность оценить содержание и место в иерархии мотива, связанного с актуализацией воспоминания;

2) автобиографический нарратив, как один из компонентов текущей деятельности, является осознаваемым средством изменения или стабилизации личностных свойств, его анализ позволяет выявить тот идеальный «проект» личности, который своей жизнедеятельностью стремится осуществить субъект;

3) семиотическая опосредствованность нарратива открывает возможность анализа тех дискурсивных практик, в которых складывается самосознание человека определенной культуры.

Объектом предпринятого нами исследования стали видеозаписи автобиографических нарративов старообрядцев, собранные в полевых экспедициях археографической лаборатории исторического факультета МГУ. Группой сравнения являлись данные, полученные от москвичей аналогичного возраста со светским мировоззрением. *Предметом* исследования выступили система мотивов, детерминирующая мнемическое действие автобиографического рассказа и культурный жизненный сценарий, эксплицированный в акте рассказа. В исследовании тестировались следующие гипотезы о специфике автобиографической памяти изолированно проживающих старообрядцев:

- историческая травма церковной реформы XVII вв. связана с особенностями исторического измерения автобиографической памяти старообрядцев, в частности, с субъективным сжатием оси исторического времени;
- преобладание религиозного источника культурного жизненного сценария в менталитете старообрядцев связано с относительным игнорированием событий детства, поздним возрастом преодоления детской амнезии, акцентированием грехов, эсхатологической ориентацией в прогнозировании будущего;

- общинное устройство быта старообрядцев связано с нивелированием оригинального в нарративе в пользу нормативного, внешним локусом датировки событий, внешним критерием оценки прошлого;
- структурирующая функция мотива духовного самосовершенствования связана с общим назидательным жанром повествования и широкой представленностью конструктов смерти и загробной жизни.

Литература

1. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти // Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. – М.- 2009.
2. Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. – 2008. - N1. - С.17- 25.
3. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. –2005.- Т.26. №2. - С. 22–32.
4. Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова, В.В. Биографическое интервью (учебно-методическое пособие) - М.: Изд-во Университета РАО, 2001.
5. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности - М.: Изд-во Университета РАО, 2000.
6. Berntsen, D., Bohn, A. [Cultural life scripts and individual life stories](#) // in Boyer, P., Wertsch, J.V. (eds), *Memory in mind and culture*, Cambridge University Press, Cambridge, 2009. pp. 62-82.
7. Berntsen D., Rubin D. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2004. Apr. Vol. 32. Issue 3. P. 427–443.
8. Rubin, D.C., Berntsen, D. Life scripts help to maintain autobiographical memories of highly positive, but not highly negative events // *Memory and Cognition*. 2003. N5 (31) - pp.1-14.

Нуркова Вероника Валерьевна

доктор психологических наук, доцент факультета психологии

МГУ им. М.В.Ломоносова;

Днестровская Мария Владимировна

студентка факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова

Осипова Н.О.

(Москва)

Повседневность в системе деструктивного сознания

(на материале дневников Г. Эфрона)

Исповедальность, лежащая в основе дневникового дискурса, свидетельствует о том, что причина обращения к дневнику находится не в бытовой или социальной сфере, а в глубинах бессознательного. Отсюда компенсаторно-заместительная его функция, сублимирующая бессознательные психические импульсы (механизм этого процесса в свое описан З. Фрейдом в «Психопатологии повседневной жизни»).

Дневник Г. Эфрона воссоздает не только внутреннюю жизнь автора, но и систему нравственных правил, передающих «инициальное» состояние подростка. Особенностью этих записей является то, что они отражают деструктивный тип сознания, находящегося под влиянием мощных разрушительных процессов – как с социально-бытовой, так и с общественно-идеологической стороны: «С некоторого времени ощущение, меня доминирующее, стало распад. Распад моральных ценностей, тесно связанный с распадом ценностей материального порядка» (Эфрон Георгий. Дневники: В 2 т. Т.1. М., 2004. С. 451). Это внутреннее ощущение определяет жанрово-стилевые доминанты, составляющие не только документальную, но и художественную уникальность книги.

Это проявляется в системе контрастных ассоциаций, составляющих типологический дуализм дневника. По Фрейду, существуют формы жизни, защищенные от случайностей, где человек равен самому себе и может быть самим собой: молитва, любовь, война. В записях Г. Эфрона первый компонент из сферы подсознательного исключен – молитве нет места в дневниковых записях. Отчуждение от мира людей не приводит человека к Богу, а ставит его в ситуацию богооставленности в обезбоженном «московском» мире. На первый план выходят две сферы, обозначенные Фрейдом, – любовь и война, лейтмотивом проходящие по книге. Например: «Для меня сейчас самое главное – это международное положение и la femme...» (1, 322); запись следующего дня: «Больше всего меня интересуют: международная политика (война, позиция партий и т.д.)

и la femme...» (1, 278). Такой принцип смещений называют «осциллирующим» (О. Егоров).

Записи, являясь неоценимым документом времени, одновременно отражают душевный надлом, неразрешимые конфликты сознания (как у Достоевского), растворенные в частных деталях быта (как у Чехова).

Воспитанный средой, где русско-французское двуязычие было разговорной и письменной нормой, Г. Эфрон унаследовал от этой традиции и специфический образ мышления. Автор-персонаж находится вне фундаментальных нравственных основ человеческого существования: осознание их отсутствия определяет деструктивность сознания. Бездомье бытовое переходит в бездомье онтологическое, постоянное ощущение физической слабости становится индикатором внутреннего состояния, а гипертрофированно развитый интеллектуальный потенциал оборачивается мощной разрушительной силой. Юноша вслушивается в свое тело, в таящиеся в нем болезни, в игру инстинктов. Тело становится этической категорией, его болезни (они скрупулезно фиксируются в записях) соотносятся с болезнями социума. Физическая немощь (один из самых сильных комплексов Г. Эфрона), обилие мух в безумной московской жаре, вещи, вызывающие физиологическую реакцию, – все это передает ощущение «постоянного и систематического разложения» и распада: «...Приходится жить в вечно кристаллизуемой и вновь распадающейся жиге» (1, 125).

Даже Москва представляется одним большим «телом», воспринимающимся в символике улиц-«сосудов», разлагающихся утроб коммуналок, подкрашенным гримом праздников и спортивных зрелищ, озвученным эстрадными оркестрами и безудержным смехом жизнерадостного отечественного кино.

Многие реалии приобретают в авторском восприятии функцию знаков-символов: постоянный фон музыкальной классики, звучащей по радио, поездки в трамвае, физиология еды и др.

Осипова Нина Осиповна
доктор филол. н., профессор кафедры философии и культурологии Московского
гуманитарного университета

* * *

Е.С. Островская

(Москва)

Письма и учено-комитетские рецензии Иннокентия Анненского: маргинальные жанры в корпусе текстов поэта

Уникальность творческой биографии И. Анненского – публичная деятельность в столь различных областях, как педагогика, классическая филология, поэзия, критика – в значительной степени предопределила его восприятие современниками, что отразилось в хрестоматийном высказывании М. Волошина о «непоследовательности» его собственных впечатлений от поэта: «Но можно ли было догадаться о том, что этот окружной инспектор и директор гимназии, этот поэт-модернист, этот критик, заинтересованный ритмами Бальмонта, этот знаток французской литературы, к которому Михайловский обращался за сведениями, этот переводчик Эврипида — все одно и то же лицо?» [Волошин 1910: 11]. За истекший с тех пор век читатели и исследователи имели возможность сформировать более цельное восприятие фигуры поэта, по крайней мере, на биографическом уровне. Тем не менее, на протяжении десятилетий тексты, связанные со служебной деятельностью Анненского вообще не рассматривались большинством исследователей, т.к. не переиздавались с момента первой публикации либо вообще не были опубликованы. Последние полтора десятилетия принесли в этом смысле значительные изменения, т.к. в свет вышли несколько изданий, по крайней мере, количественно составляющих значительную часть в корпусе произведений поэта.

Предметом рассмотрения данного доклада являются издания учено-комитетских рецензий и писем И.Ф. Анненского и их место в корпусе произведений поэта [Анненский 1–7; Анненский 2007; Анненский 2009]. Издание писем заслуживает особого внимания, прежде всего, с точки зрения его жанровой специфики. В соответствии с современной традицией публикации эпистолярия, комментарии расположены после каждого письма, а не в конце тома. Однако существенной особенностью комментариев А.И. Червякова является то, что значительная их часть разрастается фактически до размера отдельных научных статей, что превращает издание из романа в письмах в роман с элементами детективного жанра. В то время как письма выстраиваются в определенные лирико-биографические сюжеты, которые исследователи, как правило, соотносят с событиями реальной биографии автора, параллельно разворачиваются сюжеты розыска тех или иных биографических сведений, относящихся к самому И.Ф. Анненскому, но

чаще к его семье или друзьям. Односторонность, предполагаемая публикацией писем одного автора к различным адресатам, часто компенсируется включением все в те же комментарии ответных писем адресатов (ср., к примеру, сюжет с А.А. Бурнакиным [Анненский 2009: 271–278]). И наконец, публикация новых писем, преимущественно связанных со служебной деятельностью поэта, позволяет по-новому увидеть соотношение лирического героя поэта и его эпистолярного «я».

Выход в свет учено-комитетских рецензий открывает наименее изученную грань творчества И.Ф. Анненского – педагога и педагогического деятеля. Помимо собственно историко-педагогической ценности этих статей, они имеют и несомненное значение в контексте его литературной и критической активности, поскольку преподавание словесности призвано в первую очередь обеспечить непрерывность традиции пусть не писательства, но чтения. Характер и объем требований, предъявляемых рецензентом к рецензируемым на протяжении 11 лет учебным пособиям, определенным образом соотносятся с творческими и критическими принципами Анненского поэта.

Таким образом, рассмотрение новоизданных писем и рецензий в корпусе текстов И.Ф. Анненского позволяет не только расширить жанровые границы канонических текстов поэта, но и по-новому увидеть уже известные тексты.

Литература

Анненский 2007 — *Анненский И.Ф. Письма. Т.1*, Спб.: Изд. им. Н.И. Новикова, 2007.

Анненский 2009 — *Анненский И.Ф. Письма. Т.2*, Спб.: Изд. им. Н.И. Новикова, 2009.

Анненский 1–7 — *Иннокентий Анненский: Материалы и исследования / под ред. А.И. Червякова. Иваново: Издательский центр «Юнона». Вып. 1–7. 2000–2005.*

Волошин 1910 — *Волошин М. И. Ф. Анненский — лирик // Аполлон. 1910, янв., 4, отд. 2, с. 11–16.*

* * *

С.М. Панич

(Москва)

От святого Гинефора к отроку Славочке: к проблеме маргинальной агиографии

Малая изученность маргинальной агиографии приводит к тому, что при попытке рассуждать о ней вопросов неизбежно больше, чем ответов. Рождаясь, как показал А.Я. Гуревич, в недрах низовой религиозности, она не замыкается в ней, но в значительной степени влияет на религиозную культуру в целом, создает параллельный образ благочестия, обрядовые практики, и в некоторых случаях – параллельную религиозную картину мира,

Коль скоро этот тип агиографии определяется как «маргинальный», прежде всего, возникает вопрос о «центре», по отношению к которому можно говорить о маргинализации исходных представлений. Таким «центром» в нашем случае выступают общие для всей христианской традиции представления о святом как «живой иконе Христа» и порожденный ими христоцентризм агиографии. Чем дальше герой отстоит от этого центра, тем более антропоцентричным, и как следствие, маргинальным по отношению к традиционным агиографическим установкам, образу мышления и мироощущения становится повествование о нем.

Каков герой маргинальной агиографии? Святой Гинефор, в связи с преданием о котором А.Я. Гуревич ставит вопрос о маргинальной агиографии, был собакой. Однако подобные случаи, тем более, в русской религиозной традиции, достаточно редки. Как правило, героем маргинальной агиографии оказывается:

– монашествующий, священник, живущий в миру старец или старица, мирянин (нередко, как, например, в случае почитания «от жидов умученного Андрюши Ющинского» или «отрока Славочки», ребенок), которого предание

наделяет не только исключительной биографией, лишь в малой мере пересекающейся как с реальной биографией персонажа, так и с агиографическим каноном, но непременно прозорливостью, способностью к чудотворению (иногда уже при жизни), провидческим даром и т.п. Однако если святой пророчествами и чудесами возвещает реальность Царства, где преодолено противостояние как между людьми, так и между человеком и тварным миром, герой маргинальной агиографии провидит, главным образом, беды и злоклучения, избежать которых можно, строжайше держась ритуальной практики (действий, слов), переданной в качестве оберега последователям самим героем и кодифицированной в постоянно воспроизводимом предании о нем. В таком случае повествование, формально держась рамок агиографического канона, содержательно сближается с фольклорной легендой, быличкой и аналогичными жанрами, а сам герой похож, скорее, на мифологического вещуна или персонажа низшей демонологии, со свойственным данным персонажам хулиганством наказующего чужих (ср. популярное в киевских церковных кругах предание об одной из стариц Китаевой пустыни, которая отпугивала «недобрых людей»... селедочным духом») и существующего в «договорных отношениях» со своими;

– популярная, скандально известная, манящая нетривиальностью биографии или поступка историческая фигура – независимо от того, как далеко отстоят от укоренившихся в христианском богословии представлений о святости ее реальные деяния. В таком случае повествование, опять же, по наружности относя себя к агиографическому канону, строится как эзотерическое перетолкование биографии (ср., например, предание о тайном покаянии и пророческом письме Сталина), в котором общеизвестным действиям персонажа придается полностью противоположный им смысл. В некоторых случаях, например, при построении «агиографий» Распутина и Ивана Грозного, к таким перетолкованиям склоняет само ролевое поведение персонажа, но чаще оно осуществляется со ссылкой на некое авторитетное для данного круга «слово» или видение (см., например, роль пророчеств бл. Матроны Московской в «агиографии» Сталина).

Однако маргинализироваться может и вполне канонический святой. Становясь героем адаптированного или тенденциозного агиографического пересказа либо распространяющегося в церковных и околоцерковных массах «предания», как правило, входящего в сборники типа «Сказания о новых чудесах святых», он обрастает совершенно не свойственными ему чертами и возможностями (см., например, представленный в одноименном

сборнике рассказ о том, как преп. Сергей Радонежский избавил от зубной боли французского юношу, велел ему прежде перейти в православие), и в таком виде усваивается массовым религиозным сознанием, о чем свидетельствуют постоянно появляющиеся новые тексты, разрабатывающие все те же маргинальные трактовки.

Конечно, вопрос о том, насколько и по каким критериям агиографические пересказы («жития для народа»), активно распространяющиеся с середины 60-х годов XIX века, можно отнести к маргинальным повествованиям о святых, остается открытым, и все же представляется небезосновательным утверждать, что между образом святости, который тиражировался текстами такого рода, и современной маргинальной агиографией существует непосредственная, хотя и парадоксальная, связь.

Панич Светлана Михайловна, научный сотрудник Дома
Русского зарубежья им. А.Солженицына

* * *

А.А. Плетнева

(Москва)

Лубочные гадательные книги и Священное Писание

1. В Новое время появилось большое число гадательной литературы разного рода: сонники, оракулы, различные гороскопы, таблицы значимых дней и часов и подобное. По справедливому замечанию Фейт Вигзелл, занимавшейся историей гадательных книг в России XVIII-XIX вв., вся эта литература является принадлежностью и отличительным знаком городской культуры, или, иначе говоря, «третьей культуры» [Вигзелл 2007: 19-25]. С позиции элитарной культуры подобная литература, как и вся массовая культура, является вульгарной, площадной, простонародной (с тем уничижительным оттенком, который содержит это слово в отличие от слов «народная культура»)

2. Гадательные книги Нового времени не получили широкого распространения в крестьянской среде за одним исключением. Речь идет о «Гадательной книге царя Соломона». Это гадание имело хождение как в городе, так и в деревне. Согласно данным Тенишевского бюро, книжка, которую в деревне называли просто «Соломон», была известна крестьянам и пользовалась у них большой популярностью. Гадательная книга царя Соломона выдержала много лубочных переизданий, что также говорит о ее популярности. Такая популярность заставляет нас более внимательно отнестись к этому тексту.

3. Гадательная книга, которую в России называли «Соломон», является аналогом распространенного в Европе «Колеса Фортуны». Гадание заключалось в том, что на круг, размеченный цифрами, бросали зернышко. Выпавшее число соответствовало номеру предсказания, которое располагалось отдельно.

4. Подобного рода гадательные книги М. Сперанский соотносит с практикой гадания по Псалтири, а точнее с гадательными Псалтирями. Такие Псалтири были снабжены приписками гадательного содержания, т.е. желающий узнать будущее произвольно открывал Псалтирь и находил приписку к тому псалму, который ему выпал. В XVI-XVII вв. гадательные тексты к псалмам имели более сложную структуру, чем в древних гадательных Псалтирях. Структура предсказания стала двухчастной: это было само предсказание и толкование на предсказание, как правило, восходящее к Священному писанию и Священному преданию [Сперанский 1899: 96]. Сперанский указывает, что современные ему гадательные книжки («Соломоны») связаны с гадательными книгами предшествующей эпохи только по самому принципу гадания и не более [Сперанский 1899: 147-148].

5. Это утверждение Сперанского кажется нам неверным. В опубликованном у Ровинского тексте «Гадательной книге царя Соломона» [Ровинский II: 472-481] отчетливо прослеживается та же двухчастная структура, что и в рукописных гадательных текстах XVI-XVII вв., где первая часть является предсказанием, а вторая толкованием на это предсказание. Нам удалось установить, что это толкование является не переводным текстом, а цитатой из славянской библии. Таким образом, лубочные гадательные книжки оказываются связанными с предшествующей рукописной традицией куда более тесно, чем предполагал Сперанский. Распознавание в гадательном лубочном тексте церковнославянских цитат из Писания доказывает, что предположение Ровинского о переводе «Соломона» с французского языка [Ровинский V:9] является неверным.

б. Укорененность в отечественной рукописной традиции объясняет столь широкое распространение «Соломонов» в крестьянской среде, где культурные западные заимствования приживались плохо и почти никогда не получали широкого распространения.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН "Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей". Проект "Риторические стратегии и семантические составляющие в истории русской культуры (религиозной и светской)"

Литература

Вигзелл 2007. – Визгелл Фейт. Читая фортуны: гадательные книги в России (вторая половина XVII-XX вв.) М., 2007

Ровинский I-V. — Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Т. I-V. СПб., 1881.

Сперанский 1899 - М.Сперанский Из истории отреченных книг, I. Гадания по псалтири. (Памятники древней письменности и искусства СХХIX), СПб. 1899

Плетнева Александра Андреевна, к. филол. н., ст. н. с.
Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

* * *

Потехина Е.А.

(Ольштын, Польша)

Историко-культурологические, этические и правовые аспекты таинства покаяния (по материалам старообрядческих рукописей)

В Древней Руси, как и в Западной Европе в течение многих веков сосуществовали два вида законодательства: светское право и право церковное (каноническое). Некоторые статьи светского юридического кодекса («Русская правда»), а также источник церковного права «Кормчая книга», иначе называемая «Номоканон» (греч. Νομοκάνων 'закон-правило'), были переложены с одних и тех же византийских законодательных актов еще в XI веке. Вплоть до конца XIX века предметом научных изысканий в области права оставалось определение границы между нравственными и юридическими нормами и, соответственно, меры наказания за нарушение одних и других. Компромисс, достигнутый по вопросу о разделении юрисдикции светских и духовных (церковных) властей, даже в наши дни представляется для правоведов условным.

Старообрядцы, проживающие в Польше, принадлежат к Старопоморскому федосеевскому согласию Древлеправославной кафедральной церкви. Согласно доктрине федосеевцев, государственная власть и безбожное общество отождествляются со слугами антихриста. В условиях неприятия государственных правовых актов, законодательную функцию в общине выполняли традиционные канонические документы, которые «обдержне» регулировали все стороны жизни ее членов. Будучи беспоповцами, федосеевцы признают только два христианских таинства из семи: крещение и покаяние. Особое значение в старопоморских общинах придавалось и придается покаянию, называемому «вторым крещением». Истинную роль и место таинства покаяния в старообрядческой общине можно себе представить, обратившись к тексту «Чина исповеданию», документа, определяющего порядок проведения исповеди.

В нашем распоряжении находятся две старообрядческие рукописи «Чина исповеданию»: одна из них находится в собрании Войновского монастыря, а вторая была опубликована в Интернете сотрудниками Национальной библиотеки Карелии в составе рукописного сборника начала XIX века [документ доступен на сайте библиотеки по адресу: <http://library.karelia.ru/cgi-bin/library/materials.cgi?id=124&folder=116>]. Рукописи «Чина исповеданию» включают порядок действий, совершаемых исповедующимся перед тем как приступить к исповеди, молитвы и псалмы, а также фрагменты Евангелия. Основную часть текста составляет подробный перечень вопросов, которые исповедник должен задать исповедующемуся. Цель вопросов — не только выяснить, какого вида грех был совершен исповедующимся, но и напомнить ему социально-бытовые нормы общежития в старообрядческой среде. Задачей исповедника является установление обстоятельств совершения преступления против божественных

законов, а именно: сознательно или несознательно кающийся согрешил, нечаянно или преднамеренно, по своей воле или по принуждению, а затем — определение наказания в соответствии со степенью тяжести преступления. В Войновской рукописи зафиксированы конкретные наказания за совершенные грехи: от ежедневного обязательного чтения молитв и совершения поклонов до исключения из общины и анафемы.

Вопросы, задаваемые исповедующимся, касаются нарушения религиозных и этических норм, а поэтому в них отражаются отношения между членами старообрядческой общины. Содержание ряда вопросов определяется предписаниями, выходящими за рамки религиозного мировоззрения, а именно: положениями, регламентирующими отношения старообрядцев с людьми, которые к общине не принадлежат. Содержание вопросов касается также предполагаемого совершения таких действий, которые в нашем сознании однозначно квалифицируются как преступные и регулируются при помощи уголовно-процессуального или административного кодекса: кража, убийство, супружеская измена, клевета и т.п.

Тексты рукописей «Чина покаянию», определяющие порядок совершения таинства покаяния, невозможно исследовать вне историко-культурологического контекста. Содержание этих старообрядческих рукописей представляет огромный интерес для историков, филологов и культурологов.

Потехина Елена Александровна, доцент, адъюнкт
Кафедра славянского языкознания Института
восточнославянской филологии Варминско-Мазурского

* * *

Разлогова Е.Э.

(НИВЦ МГУ)

НЕСТАНДАРТНЫЕ ВЫСКАЗВАНИЯ: МЕЖДУ ОШИБКОЙ И ФИГУРОЙ

Нестандартные высказывания – это такие высказывания, которые обращают на себя внимание в силу своей необычности – будь то по формальному признаку (рифме, ритму, повторам и пр.) или же по содержательным параметрам (всяческие ошибки и оговорки, наличие тропов, неологизмов, сложных слов, усложненный синтаксис, логическая непоследовательность и пр.). Если в первом случае задействовано целостное восприятие структуры, «архитектуры», высказывания (**Один за всех – все за одного**), во втором задействована способность к интерпретации (оговорки, **Глокая куздра...**, высказывания с иронией, и пр.).

Грамматически неправильные высказывания заведомо нестандартны. Вместе с тем, среди нестандартных высказываний особый класс образуют высказывания с фигурами речи. Набор последних может быть как суженным (только тропы, только классические фигуры), так и расширенным (включающим все морфологические, синтаксические, семантические, логические фигуры, риторические вопросы, цитирование и пр.). Мы будем считать, что расширенный список фигур образует поле **языковой игры**. Фигуры предлагают схемы порождения и интерпретации сформированных веками типов «удачных» нестандартных высказываний.

Одно и то же высказывание в зависимости от контекста может восприниматься как высказывание с ошибкой (в том числе и грамматической) или же как высказывание с фигурой речи. Так высказывание **Какой симпатичный девушка!** в устах иностранца, например, воспринимается как высказывание с ошибкой, но в то же время может восприниматься как шутка по поводу женоподобного юноши или мужеподобной девушки (нарушение согласования обслуживается, в частности, такой фигурой, как анаколуф; здесь также можно усмотреть иронию) или же как «гипотетическое цитирование», стилизация (наподобие несобственно прямой речи какого-нибудь определенного человека или типичного представителя группы людей).

Существуют промежуточные явления, которые трудно отнести к фигурам, но и ошибками в полном смысле слова они не являются. Так, сверхчастотные в речи слова-паразиты (**Я, значит, пошел, значит, а они меня останавливают, значит, и говорят...**)^[43] придают речи определенный ритм путем повтора. Подобные механизмы описываются такими фигурами, как эпифора, а также риторическая анафора, анаэпифора, анадиплосис.

Нестандартность может иметь разные точки отсчета: то, что, например, для одного индивида – неологизм, для другого – нормальное слово, нестандартность для не-носителя будет отличаться от нестандартности для среднего взрослого носителя языка, но может быть в принципе сведена к усредненному варианту. Если брать за точку отсчета не-носителей языка, то признак нестандартности будет действовать и в рамках языковой нормы, хотя бы в силу ограниченности их словаря: так, можно считать, что выражение *приложить/добавить документ к делу* более стандартно (прозрачно) чем *приобщить документ к делу*. Наличие лексикализованных фигур, в частности метафор, увеличивает степень нестандартности высказывания. Именно поэтому те словосочетания, которые имеют фигуральную основу, плохо понимаются не-носителями языка.

Порождение разных типов нестандартных высказываний связано с разными интенциями. Среди них можно выделить: *оговорки* (неаккуратная речь, когда говорящий недостаточно контролирует себя, но в принципе может перевести высказывание в стандартную форму), *ошибки* (говорящий, думая, что использует стандартную форму, делает нестандартное высказывание), *языковая игра* (фигуры в широком понимании).

Последняя чаще всего считается осознанной^[44] – то есть говорящий осознанно придает своему высказыванию нестандартную форму с целью увеличить его «отдачу», усилить воздействие на собеседника, достичь «эстетического» эффекта. В связи с этим можно ожидать, что, например, в дневниковой прозе фигур в целом будет меньше, поскольку а priori не предполагается наличия собеседника, однако нестандартность типа сокращений^[45] или эллипсиса, наоборот, может встречаться достаточно часто.

Разлогова Елена Эмильевна
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ

* * *

А.А. Романова

(Кишинев, Молдова)

Время Элиаде & пространство Элиаде в «Дневнике» Мирчи Элиаде

«Дневник» Мирчи Элиаде^[46], всемирно признанного этнолога, семиотика, культуролога, историка религии, писателя (1907-1986 гг.) — произведение, пока находящееся на периферии русского культурного пространства (он не переведен на русский язык и известен лишь узкому кругу специалистов). «Дневник» охватывает более 40 лет эмигрантской жизни Элиаде (1941-1985гг.), который после второй мировой войны был лишен возможности вернуться в Румынию и жил в Португалии, Франции, а затем в США. Свое «самое личное произведение» Элиаде писал только на родном румынском языке, но опубликован «Дневник» был сначала на французском (1973 г.), затем на английском (1977 г.) и других языках. Лишь после смерти автора «Дневник» вернулся на родину: в 1993 году он был издан в Бухаресте на языке оригинала.

Жизнь Элиаде, его творчество, научное, художественное, наконец, «Дневник» как совершенно особый жанр, были направлены не только на «поиск утраченного времени» (в бергсоновско-прустовском смысле), но и на его сохранение. В «Дневнике» автор почти физически страдает от «жажды “спасти” мгновения» (*setea de a “salva” clipele*, 13 июля 1949 г.), чувствуя, как время «просачивается сквозь пальцы» (*îl simt cum se scurge <...> printre degetele*, 10 октября 1951 г.), стремится «разрешить неразрешимое», проблему бега времени (*problema insolubilă a „trecerii timpului”*, 22 февраля 1953 г.). Миф о вечном возвращении, вводящий понятие цикличности времени, т.е. возможность повторения и тем самым закрепления событий, и есть попытка вырваться из необратимости линейного времени.

В «Дневнике» предлагается еще один способ преодоления текучести времени: его остановка, «замораживание», чем гарантируется точность в сохранении событий прошлого: «автор спасает фрагменты конкретного времени, “замораживая” их» (*autorul salvează, „înghețându-le”, fragmente de timp concret*, 15 декабря 1946 г.). Литературный жанр дневника, собственно, и предназначен для этого, поскольку дневниковая запись одновременно и воспоминание о событии, и его воспроизведение-повторение; дневник – преодоление линейного времени и победа времени цикличного. Для Элиаде «Дневник» – удачно выбранное поле экспериментов

над временем: в нем «*прошлое*» вновь стало *настоящим*» (*un "trecut" a redevenit prezent*, 31 августа 1946 г.).

Время вечного возвращения Элиаде привязал к *пространству*, к *локусу вечного возвращения*. В «Дневнике» эта идея материализована, в частности, в образе Улисса, совершающего путешествие по *кольцевой* траектории и во *времени*, и в *пространстве* (что уже сказал Мандельштам: «Одиссей возвратился, пространством и временем полный»). Итака Элиаде – это дом его детства в Бухаресте с семиотическим центром – *мансардой*. Его *мансарда* в родительском доме, комната под самой крышей с отдельным входом, идеальное место уединения для любимого занятия – чтения, оставалась для Элиаде вечной точкой притяжения (и самоидентификации). *Мансарда* олицетворяет «замороженность» времени и пространства: «Я знал, что меня не будет в стране много лет, но был уверен в том, что, вернувшись, найду ту мансарду, в которой вырос» (12 сентября 1976 г.); иными словами, *остановка времени* реализуется с помощью *пространства*.

«Замороженное» время вплетается в повествование о настоящем, «текущем» времени. Возвращение в *прошлое*, утверждая сохранность и актуальность *прошлого* в *настоящем*, *здесь и сейчас*, не заслоняет собой *настоящего*; временные пласты перетекают друг в друга. «Стою в углу комнаты <...> и чувствую, что моя голова упирается в потолок, Так же, как в углу моей мансарды на Страда Мелодией. Внезапно переношусь в 1922–1925 гг. Странное чувство <...>, что смысл моей жизни *сейчас*, в эти дни, в этом году, состоит в том, чтобы *объединить эти две мансарды*, соединить в одном универсуме эти два мира: юность и взрослую жизнь. Но как? Как?» (январь 1960 г.). Возникает сложное переплетение двух разновременных хронотопов; точка их схождения – *мансарда*, реальная и метафорическая. Так в «Дневнике» Элиаде с помощью *места* формируется *единое время*, равноценными составляющими которого являются и *настоящее*, и *прошлое*.

Романова Анастасия Анатольевна

Соискатель Института славяноведения РАН

Место работы: Молдавская Экономическая Академия (Кишинев, Молдова) Старший преподаватель кафедры иностранных языков

* * *

Ирина Савкина

(Тампере, Финляндия)

«Переписывая себя»: автобиографические нарративы иммигрантов в Финляндию (1993-2000-е годы): случай Светланы

Материалом исследования в данном докладе является одно из интервью, записанных в ходе осуществления проекта «История моего переезда», смысл которого заключается в сборе и анализе автобиографических рассказов жителей бывших республик СССР, переехавших в Финляндию в течение 1993-2003 гг.

Полученный материал возможно изучать с различных точек зрения: политологически, социологически, культурологически, филологически и т.д.

Однако при любом подходе одной из ключевых оказывается проблема *пограничности или маргинальности*.

Все информанты - это люди, которые получили право переехать в Финляндию на основании своих «корней» - то есть в качестве этнических финнов (или ингерманландцев). Однако «финскость», которую они должны были удостоверить, до переезда, оказывалась проблематизированной в новой стране пребывания: иммигранты «с Востока» не воспринимались как финны местным населением и национальная самоидентификация переселенцев не является однозначной (многие определяют себя как русские или «люди русской культуры»)^[47]. В новой стране они оказывались в ситуации маргинала или Чужака^[48] в этническом, культурной и социальном смыслах (подавляющее большинство из них оказывалось в иной, гораздо более низкой социальной страте, чем в стране реэмиграции). Идентичность этих людей оказывалась размытой, расщепленной, нецелостной.

История, которую им предлагали рассказать в ходе свободного неструктурированного интервью - это тоже *история «перехода»* - пересечения границы, радикального изменения в жизни

И сам *тип повествования* - качественное, неструктурированное (свободное) интервью - в жанровом отношении неопределенный, *переходный*: это устный рассказ, с элементами диалога, но одновременно это текст, где легко узнаются признаки классической автобиографии, в которой, как писал еще по Г. Гусдорф, автор стремится изобразить свою жизнь (в нашем материале историю и предысторию

переезда) как путь, приводящий в точку, из которой ведется повествование, представить жизнь как судьбу. Эта интенция выстроить собственное автобиографическое Я как хотя бы относительно целостное, преодолев в нарративе, с помощью нарративных стратегий реальную его расщепленность - один из мотивов рассказывания.

Как и в любом автодокументальном тексте, важными для нарратора (Я) оказываются Ты, к которым он обращается своим рассказом, по отношению к которым выстраивает свое Я. В нашем случае это и реальное Ты – интервьюера, и виртуальные Ты, к которым апеллирует рассказчик в ходе повествования.

В данном докладе я хочу проанализировать, в каких дискурсах, с помощью каких нарративных стратегий строится Я в одном устном автоповествовании. Нарративный и дискурсивный анализ - средство понять, что происходит с идентичностью человека (как она конструируется и «переписывается») в очень характерной для сегодняшнего глобализирующегося общества ситуации пересечения границ и пространственно-социальной мобильности.

Непосредственным предметом рассмотрения будет интервью Светланы, 1953 года рождения, переехавшей в Финляндию в 1998 году (запись 14.10 2005 года). Ее рассказ об истории переезда строится в двух основных конкурирующих и противоречащих друг другу дискурсах:

Рассказ о «поражении» (потере, утрате), где разыгрывается негативная маргинальность (по Баньковской)^[49]

Рассказ о выживании, самосохранении себя как личности, несмотря ни на что.

Ключевыми концептами обеих историй являются те ценности, которые автор конструирует как основные для своей индивидуальной идентичности: это *образование, культурность, активность, профессионализм, опыт*. Все это в новом обществе оказалось не востребованным, однако, история неудачи переформулируется в рассказ о себе, как о сильной женщине, *одиночке*, которая выдержала все и осталась собой.

Свою идентичность строит в основном через сравнение с мужем, который представляется как финн; финское *ты* по отношению к которому создается собственное, маргинальное в позитивном смысле я.

Савкина Ирина Леонардовна

доктор философии, лектор отделения русского языка и культуры

университет г. Тампере, Финляндия

* * *

*О.И. Северская**(Москва)***Дневниковая поэзия****(Аркадий Драгомощенко, Лин Хеджинян, Доминик Фуркад)**

В поэзии рубежа XX-XXI веков обнаруживаются формы, которые являются чем-то большим, нежели традиционное воплощение лирического «я» или то, что принято называть литературным дневником. Это произведения, имеющие признаки «эго-текста» - текста о себе самом, об обстоятельствах жизни самого автора, написанного с субъективной точки зрения и как бы для «внутреннего употребления», и «пред-текста» - текста в его неокончателном, незаконченном варианте, к которому автор еще предполагает вернуться, которые М.Ю. Михеев относит к определяющим характеристикам дневника [2007, 6]. Форму дневниковых записей имеют, в частности, «Ксении» Аркадия Драгомощенко, «Странность» американки Лин Хеджинян, «Белый звук нечто» француза Доминика Фуркада (название его книги можно перевести и иначе, как «Белый звук одиночества»). Будучи поэтическими произведениями, они тяготеют к прозе. Последние две книги имеют традиционный для дневника вид – текст состоит из датированных отрывков. Первая напоминает, скорее, записную книжку писателя – дат в ней нет, зато наблюдаются переплетающиеся с реальными фактами «полеты фантазии»: «я ходил по комнате, трогал пыль на столе. *Экспедиция Амундсена, торосы*, трогал пыль на столе <...>, *цеппелин*. На кухне, оклеенной сверху донизу бутылочными этикетками, на пол слетела "Мукузани". В черных мешковатых штанах. *Фотография поражает наивностью. Красные флажки экспедиции Амундсена, пролегающей через этикетки, через руины равнин*. <...> Потом я писал письмо на этикетках. Сначала на "Кварели", потом на "Кьянти". Мысль писать на этикетках чем-то

привлекала», и переадресация внешнему адресату, который иногда предстает как участник описываемых реальных событий.

В таких дневниковых текстах переплетаются «свое» и «чужое» слово, как не столько «чужое», сколько «чуждое» - моменту, психологическому состоянию, обычно присущему стилю, - иногда подается собственное высказывание: так, Хеджинян, в острающие кавычки берет то, что ей кажется «слишком для нее красивым» - как строчка «Ангелы даже не знают, что пребывают в движенье». «Собирание» разных речевых воплощений авторского «я» соответствует дневниковой функции, которую Михеев определяет как функцию документации своей идентичности [Там же, 16]. Драгомощенко говорит об этом ярче других: «Возможно, где-то в самом начале зеркало было разбито. <...> Не исключено, что тогда же не произошло оседания распыленного «я» в некий узор, который впоследствии слепым пальцам предстояло читать...». Однако поэтический дневник может выполнять и релаксационно-терапевтическую [Там же] функцию, что прямо заявлено Фуркадом в записи от 27 ноября 1984 г.: «Ты можешь высказать все потребности все эмоции даже чувств чудовищная боль ты можешь и ее высказать для этого достаточно раскрыть лезвие ножа со складными шопотами...».

Но превалирует в такого типа текстах аутокогнитивная функция – как известно, дневник позволяет лучше познать мотивы собственных поступков и извлечь опыт из «потока жизни» [Там же], в данном контексте – мотивы речевого творческого поведения. Драгомощенко определяет это так: «я понимаю я» либо «я учу я». Хеджинян действует почти по Фрейдю: «Сон 28 сентября 1987 г. Платье или женщина в голубом, но, может быть, в черном. Манекен, но, возможно, живая женщина. Видна не то в фас, не то в профиль. Затем в поле зрения попадают проволкосшиватель и книга, лежащая поодаль. <...> Среди всего того, что происходит во снах, ... можно выделить процесс неустанного исчисления. <...> То, что мнится поисками верного слова, чаще всего оказывается поисками верного объекта, нестабильного самого по себе и пребывающего опять-таки в очень нестабильном пространстве».

Безусловно, это «профессиональные дневники». Которые представляют собой явленный в форме дневника черновик, подготовительные материалы. Сделав дневниковую запись: «я начал эту книгу с главной темы», Фуркад превращает дневник в ежедневник, записывая несколько «заданий» на 9 февраля: «Добиться безупречной белизны звука и держаться белого звука нечто... Добиться чтобы остались

одни параллели а значит подвергнуться риску обвала параллелей безусловно белых...», делая на том же датированном «листочке» заметки: «ШШШШ (рабочее название)». Драгомощенко, кажется, перечитывает свой дневник – так, в продолжение записи: «Я начал писать эту книгу в 1989 году, как пишут криминальный роман. Мне думалось, что "книга о любви"... должна являться чем-то наподобие расследования... Я полагал начать с тривиального "признания"..."» появляются в книге «отшлифованные» строки: поэзия - не признание в любви, "языку и возлюбленной", но дознание: как в тебе возникают они - изменяя тебя...».

Однако можно отметить и особенность таких «дневников»: будучи литературным фактом, они используют дневниковую форму для оформления авторской мета рефлексии как текста в тексте.

Литература

Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). – М., 2007.

Северская Ольга Игоревна

кандидат филологических наук, с.н.с. Института русского языка РАН, Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

* * *

С.Ю. Семенова

(Москва)

Ткань ушедшей жизни

Одна из ипостасей воспоминаний – ностальгическое виртуальное вживание в прошедшую реальность. Автор осознал это, пытаясь воссоздать семейную хронику, раскрывающую судьбу и личностные черты дорогого ему человека. После потери мамы возник замысел описать самую драматичную часть пройденного ею пути, с 1978 года, момента ухода бабушки, ее матери, и до последнего дня в 2004 году. Для автора воссоздать в тексте этот

отрезок жизни – словно еще раз прожить его вместе. Описание ведется по годам, для ряда первых и ряда последних лет оно завершено. Также появилось стремление запечатлеть по памяти идиолект ушедшего человека и весь язык семьи, ставшие после 2004 года семейной цитацией. Собран файл семейных высказываний (более 8 тыс. записей).

О мемориальной работе (составлении хроник и собирании речевых свидетельств) уже рассказывалось научному сообществу, в том числе на конференции 2008 года [Об опыте написания семейной хроники (конца 1970-х - начала 2000-х годов) // Междунар. конф. «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста». Юрьев-Польский, 3-5 октября 2008 г. Тез. докл. - С. 120 – 121]. Маргинальность такой деятельности можно усмотреть в ее ретроспективной направленности и в позиции автора, пограничной между комментированием опыта ее ведения и анализированием получающегося текста.

Среди планов и оппозиций текста семейных хроник (а его многоплановость обусловлена многообразием прожитого) можно назвать противоположение событийной канвы, подчас динамичной, и неспешной созерцательности («адажио бытия»), когда вспоминающему сознанию дороги подробности.

В настоящем сообщении хочется остановиться на втором моменте – на стремлении к восстановлению ушедшей повседневности, фактуры былого.

Этой потребности служит чрезмерное, подчас в ущерб стилю, погружение в детали, устремление к фиксации в тексте практически всего, что вспоминается. Так, чтобы передать былой уют, неспешно обговаривается многое «несерьезное» - темы домашнего рукоделия, садоводческих забот, зимних прогулок и т.п. Упомянуты привычные старые вещи, как бы охранявшие незыблемость бытия: «вечное пальтишко», «наша вечная белая кружка».

Отдельное место занимает рассказ о медицинских мытарствах, составлявших весомую долю повседневности и во многом определивших судьбу.

В фактуру прошлого погружает рассказ о близких людях, в том числе ушедших. Вместе с виртуальной коммуникацией происходит невольная интерпретация их личностей и судеб.

Говорится о домашнем восприятии политических событий; домашнее и историческое поочередно играют роли «фигуры» и «фона». В таком духе

отражены ключевые события рубежа 1970-х – 1980-х г.г.: Олимпиада, начало Афганской войны, смерть Л.И.Брежнева, а также события начала 21 века. Ждут описания драматичные моменты начала и середины 1990-х.

Фактура бытия раскрывается через номинацию; ощущается потребность писать на языке для «посвященных» - синхронном раскрываемому моменту общем языке ушедшего человека и автора, ведь текст мыслится адресуемым в том числе, трансцендентно, ушедшему человеку и как бы призывает его тоже вспомнить былое.

Воспроизводятся подчеркнута синхронные географические имена, бытовая терминология, вспоминаются моменты рождения домашнего фольклора.

Детальность возрастает по мере работы над рукописями. Описания первых лет более кратки, чем последующие; первый, 1978 год, получился практически событийным. Потом к первым годам стали добавляться эпизоды, вспомнившиеся после завершения основных текстов и плохо вписывающиеся в их более «телеграфную» канву. Возник новый текст, «Дополнения к годам», собирающий позже проступившие эпизоды.

Описания недавние более пространны и естественно вбирают подробности (хотя композиция, очевидно, из-за этого становится рыхлой, и внутри текста порой приходится вставлять комментарии: «Однажды был забавный момент»; «Какие мелочи застряли в памяти!».) Ностальгичные незатейливые эпизоды, вкрапливающиеся в основной текст, часто отчеркиваются маркером «Помню, ...». Многие переходы из основного изложения в эпизод происходят малоосознанно и не помечаются.

Тяготение к повседневности воплощается и в файле семейных высказываний («словаре жизни»), куда вносятся и обыденные повторявшиеся бытовые реплики, и привычные, «бессознательные» элементы языковой игры, и излюбленная цитация. Эти фактурные «песчинки» соседствуют с высказываниями значимыми, порой реченными всего лишь единожды и отражающими не столько колорит, сколько судьбу.

Семенова Софья Юльевна

канд. филол. н., ст. научн. сотр. ИНИОН РАН, доц. РГГУ

Е.Г. Серебрякова

(Воронеж)

«ЦЕНТР» И «ПЕРИФЕРИЯ» В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1960-х ГОДОВ

После введения в 1922 году специального органа, осуществляющего цензуру в сфере литературы и искусства - Главлита, все контркультурные явления оказались на периферии советской художественной культуры. При этом советская официальная культура, по справедливому замечанию В. Паперного, характеризовалась «изначальной заданностью», «известностью конечного результата», что определяло тенденцию к стагнации однажды найденных и утвержденных в культуре форм. В такой ситуации роль создателя новых смыслов, и, следовательно, двигателя культуры брала на себя контркультура.

Для активизации советской контркультуры в 1950-1960-е годы были внешние и внутренние факторы: к внешним стоит отнести популярность левых идей среди западной творческой и научной интеллигенции, испытывавшей, вопреки «холодной войне», интерес и симпатию к советской культуре. В свою очередь советская культура в период «оттепели» стала более открыта к диалогу с Западом, что определяло проникновение в нее новых идей.

К 1960-м годам контркультура аккумулировала в себе не только новые идеи, но и наметила новые парадигмы развития художественной культуры. Показательно, что эти новые смыслы зачастую создавались с активным привлечением старых – модернистских и авангардных (футуристическая и «примитивная» поэтика в творчестве «Лианозовцев» и других).

Другой характерной особенностью взаимодействия «центральной» и «периферийной» культур этого периода является отсутствие жестких границ, что создавало эффект проницаемости. Один и тот же художник мог плодотворно работать в пространстве официальной культуры и быть впоследствии изгнан из нее (Ю. Трифонов, В. Гроссман, А. Галич и многие другие).

«Центральная» и «периферийная» культуры традиционно тяготеют к взаимозаменяемости: «периферия» стремится стать центром и доминировать в культуре. Хотя в общей структуре художественной культуры тех лет контркультура оставалась на периферии (высылались из страны художники-нонконформисты, закрывались выставки авангардистов, литераторов отдавали под суд и проч.), эта тенденция сохранялась. В 1970-е годы контркультура укрепилась настолько, что в общественном сознании и повседневной культуре именно она начала доминировать.

1970-е годы были периодом расцвета советской художественной культуры. Среди причин, определивших его, можно назвать диалогичный характер взаимоотношений «центра» и «периферии», при котором официальная культура испытывала непрерывное влияние контркультуры, а последняя, в свою очередь, проникала в сферу культуры официальной.

Серебрякова Елена Геннадьевна, доц. каф. культурологии
Воронежского госуниверситета

* * *

Симакова Ю.А.

(Екатеринбург)

Место антропологической анимации в процессе трансляции культуры посредством информационных технологий

Сохранение, изучение и трансляция традиционной культуры – проблема и задача, которая является одной из важнейших в эпоху глобализации. Всё чаще для решения этой задачи используются информационные технологии.

Некоторые из таких проектов представляют собой виртуальные музеи, где пользователь гораздо более свободно и полно общается с этнографическими артефактами. Другие презентуют культуру в гипермедийном формате, где текстовые, фото- и видеоматериалы становятся

единой системой. Это, к примеру, «виртуальные энциклопедии» - достаточно полное и систематичное описание культуры.

Один из плюсов этих проектов в том, что они стремятся показать традиционную культуру таким образом, чтобы ощущение дистанции у представителей других культур уменьшилось, а интерес возрос. При этом проекты основаны на реальном научном материале, но «переведённом» на другой язык. Попробуем объяснить механизм такого «перевода».

В проблеме создания гипермедийных проектов по традиционным (или любым *другим* культурам), научное знание можно рассмотреть как концепт, а способ его трансляции посредством образа – это перцепт [1]. Задача «перевода» научного знания в образ сложна, интересна, и порождает много дискуссий. Но очевидно одно – только в виде образа информация воспринимается человеком как целостная, и только образ способен вызвать эстетическое переживание, в результате которого человек становится более духовно наполненным.

Все проекты по трансляции традиционной культуры стремятся показать её целостно, и поэтому их создатели ищут – интуитивно либо сознательно, балансируя на грани науки и искусства, способ эволюции абстрактного научного знания в живую ткань образа. Образ выступает как первооснова восприятия действительности, присущая мифологическому сознанию представителей традиционных культур. Образ выражает то истинное, непосредственное, живое начало культуры, которое совершенно утрачивается, когда культура схематизируется до базы данных. С нашей точки зрения, хуже, если база данных становится продуктом дизайна и претендует на передачу целостного представления о культуре, в действительности содержа лишь перечень артефактов – ведь при этом *тоже* создаётся образ, но он только отторгает от культуры. Обычному человеку скучно в этнографическом музее, где вещи традиционно разложены по полочкам и снабжены этикетками с подписями.

Метафора культуры как живого организма, как «виртуальная форма жизни» культур должна быть, по нашему мнению, положена в основу подобных проектов. Назовём их условно «виртуальные модели культур». Для них должен быть найден новый образный язык, результат симбиоза перцепта и концепта.

Виртуальные модели культур, в которых образ – движущая сила выражения культуры и сближения людей, также не могут претендовать на

полную объективность. Любое научное знание – лишь интерпретация действительности, существующая в рамках парадигмы. И само понятие «модель» подразумевает условность и возможность дополнения.

Что именно может представлять собой этот симбиотический образ? Здесь мы опираемся на исследования В. Глазычева «Образы пространства. Проблемы изучения». Автор говорит о том, что опыт, накопленный в результате осмысления пространства «изобразительными, или пространственными искусствами и зафиксирован в произведениях искусства и суждениях, опирающихся на анализ этих произведений, - суть продукты особого, тренированного художественного сознания»[3].

Становится очевидным, что присутствие *анимации* в образных пространствах модели культуры необходимо – ведь именно она делает их «живыми». Мы предлагаем ввести термин «антропологическая анимация», объединяющий в себе

- культурантропологию;
- информационные технологии;
- анимацию как возможность *одушевления* любых объектов.

Примечания

[1] Бурмистров С.Л. Уильям Джеймс <http://www.anthropology.ru/ru/texts/burmistr/james.html> (дата обращения 02.01.2010)

[2] Волкова П.Д. Андрей Тарковский Архивы. Документы. Воспоминания. «Подкова» ЭКСМО-ПРЕСС - Москва 2002 – С.213

[3] Глазычев В. Образы пространства (проблемы изучения) http://www.glazychev.ru/publications/articles/1978_obrazy_prostranstva.htm (дата обращения 05.01.2010)

Симакова Юлия Алексеевна

аспирант Уральской государственной архитектурно-художественной академии

Смирнова И.Ю.

(Москва)

Западный мистицизм XV-XVII вв. в ракурсе деятельности святителя Московского Филарета*

При изучении церковно-административной и научно-богословской деятельности святителя Филарета (Дроздова) особо пристального внимания требует петербургский период его творчества (1809-21), совпавший со временем значительных церковных и государственных преобразований. Вызванный в столицу для участия в работе реорганизованной Санкт-Петербургской духовной академии, будущий святитель оказался вовлеченным в высшие сферы церковной и государственной политики при непосредственных контактах с ведущими деятелями Александровской эпохи.

При соприкосновении двух традиций – столичного «мистицизма» во всех проявлениях европейских заимствований и Троицкой школы митрополита Платона (Левшина) – с неизбежностью имели место взаимовлияния и взаимопроникновения. Под воздействием проповедей Филарета в петербургском обществе пробудился интерес к святоотеческому наследию. С другой стороны, необходимость понимания духовных запросов петербургской аристократии стимулировали обращение Филарета к западной литературе, в первую очередь, к популярным в России сочинениям богословов-квиелистов Галликанской Церкви – Жанны Гийон де Шеснуа (1648–1717) и архиепископа Кембрийского Фенелона Франсуа де Салиньяк (1651–1715), а также к сочинениям Фомы Кемпийского (ок. 1380–1471) и епископа Женевского Франциска Сальского (1567–1622). В эпистолярном и гомилетическом наследию святителя Филарета сохранились многочисленные отсылки к их трудам, свидетельствующие о том, что внимание митрополита Филарета к духовно-мистическому опыту Римско-Католической Церкви отнюдь не утратится с годами.

Обращение к проблематике, связанной с отношением святителя Филарета к западному богословию, выявляет ряд аспектов, требующих непредвзятого анализа, – какие положения созерцательно-мистического направления в западной традиции могли быть им приняты, нашли ли они какое-либо преломление в его богословском наследию, отразилось ли его

внимание к западному духовному опыту на отношении к современному святителю западному христианству.

При всем интересе к богословской и философской литературе Запада, отношение к ней святителя было вполне критическое и избирательное. «Надобно нам, – писал он архимандриту Антонию (Медведеву), – по долгу и возможности убеждать людей, чтобы черпали из обильных чистых источников православия и святыни, и не простирали почерпала в кладенцы мутные, или со вредом, или по крайней мере без нужды и с опасностью вреда»^[50]. С той же мерой он подходил и к сочинениям западных авторов, выделяя среди них те, в которых проповедовались общехристианские ценности и которые могли быть полезны православному читателю. Прочно укорененный в православной святоотеческой традиции, митрополит Филарет не мог не ценить обращения католических богословов, оппозиционных официальной Церкви, к общехристианской, а именно византийской православной духовности.

В целом можно заметить, что основательное знакомство с “ортодоксальным направлением” Галликанской Церкви имело заметное влияние на последующую церковно-дипломатическую деятельность московского святителя. Именно в петербургский период, благодаря основательному знакомству Филарета с религиозными направлениями Христианского Запада, глубокому пониманию исторической ситуации и специфики духовной атмосферы, был заложен фундамент для будущего межцерковного диалога между Православным Востоком и Христианским Западом.

Смирнова Ирина Юрьевна

к. ист. н., Православный издательско-полиграфический
центр Троице-Сергиевой лавры

* * *

Е.М. Сморгунова

(Москва)

Каргопольский нарратив

(Скрытый, латентный нарратив в Каргопольских и Онежских текстах договоров религиозных общин и описей имущества храмов)

История документов: из остатков монастырского архива Александро-Ошевенского монастыря (дер. Ошевень Олонецкой губ.), основанного в XV в. и единственного сохранившегося в Каргопольской округе.

Документы Каргопольского Александро-Ошевенского монастыря, чудом сохранившиеся и хранящиеся в частном архиве: описи монастырского имущества, части приходно-расходных книг монастыря, переписка с Олонецкой Духовной консисторией, Императорские Указы и некоторые подобные описаны нами в статье: «Деловые и хозяйственные рукописные материалы каргопольского Александро-Ошевенского монастыря» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001 / Сборник статей. М.: Древлехранилище, 2002. С. 264-276. Рукописные материалы монастыря позволяют представить его историю. Кроме несомненной исторической значимости, рукописи являются уникальным лингвистическим источником: из графики и орфографии документов можно извлечь сведения о местных особенностях устной диалектной речи, это позволяет даже сделать анализ деловой разновидности канцелярского языка XVIII в. В небольшом наборе документов видно разнообразие жанров и типов бумаг: определение, репорт, сношение, контракт (который не приложен, а потому дело не может быть решено: «Сношение 1797 г.», и контракт должен быть «орегиналом», с которого списывается точная копия).

Неоценимы по важности описи имущества монастыря разных лет, содержащие перечень церковной утвари, иконных образов, различных портретов, мебели и построек монастыря. Данные о каргопольской топонимике и гидронимах подтверждаются современными диалектными материалами.

Другая группа документов представляет собой особый вид взаимодействия устной и письменной традиций. Сохранились отдельно скрепленные подборки документов 30-х годов 20-го века, 1935-36 г.г. В этих документах отражены отношения между Районными исполкомами и общинами верующих Архангельской обл. Они по своему содержанию и форме позволяют выделить совершенно особый вид нарратива, где взаимодействие с информаторами абсолютно отсутствует. В тексте описывается ситуация не в виде положительного рассказа, а отрицательная – за запретительными действиями скрываются события, которые на самом деле совершаются.

Договором, скрепленным многими подписями, предписывается беречь переданное Верхнемудьюжскому приходу народное достояние, не допускать политических собраний, враждебных власти совета; раздачи или продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против советской власти

или ее представителей; запрещается произносить проповеди и речи, враждебные советской власти; совершать набатные тревоги для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти; предписывается подчиняться всем распоряжениям местных советов и крестьянских депутатов; из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и часовни; в местных храмах и на кладбищах сопровождать своих единоверцев ... обрядами одинаковыми для всех и за одинаковую для всех без исключения плату. Запрещено подбирать священниками пожилых или малолетних.

Приложенная опись имущества содержит описание храмов с иконами (полный перечень), ризами, покровами, кадилами, фонарями, лампадами, люстрами, медной посудой, венцами, кочерегами, чайниками и свечной вырубкой.

В представленных жалобах верующих язык более простой, много диалектных написаний (особенно отчетливо и многократно отражено местное «цоканье»: полуцили, цасовня, цисла и др.)

Кроме особенностей писца протокола, виден и характер автора, особенности его риторических приемов, повторов с вариантами, слышна живая авторская интонация.

Таким образом, среди документов канцелярского стиля, отражающих рассказывательные интонации и фактическое изложение событий, часть документов представляет особый жанр или подвид, письменно излагающий события, которые, видимо, можно было слышать, и реакция на это изложение содержится в самом рассказе.

Работа входит в тему «Устный нарратив как источник для изучения биографий и меняющейся картины мира» (№ гранта – 08.0400318 а). Февраль 2010.

Сморгунова Елена Михайловна, канд. филол. наук, проф., Колледж «Наследие» преподаватель древних языков и Библейской археологии. В Институте русского языка АН СССР участвовала в составлении Словаря русского языка XI-XVII в.в., Атласа русских народных говоров, Обратного словаря русского языка. Переводы на современный русский язык Библейских книг. Работы по истории книги и русской письменности.

* * *

Соловьёв С.М.

(Москва)

Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция

1. И в творчестве, и в жизни Варлама Шаламова всегда обращает на себя внимание его подчеркнутое одиночество. Причины в воспоминаниях, биографических исследованиях чаще всего объясняются «тяжестью» характера, усугубленной травмой Колымы, наконец, просто болезнями, затруднявшими его контакт с окружающим миром. В этой же логике часто описывается его знаменитое письмо в «Литературную газету», в котором писатель отрекался от «Колымских рассказов» и которое повлекло за собой еще большее одиночество — отход от Шаламова тех его друзей, которые были разочарованы этим поступком, с их точки зрения, свидетельством «сломленности».

2. Но «психологические» объяснения недостаточны — настолько ярко почти что культ «единицы» пронизывает всё творчество Шаламова, выступая в качестве этической установки. В этой связи важным источником для понимания писателя могут служить его записные книжки.

3. Шаламов не раз говорил о себе как о человеке двадцатых годов, представителе поколения «опоздавших к штурму неба», «участнике огромной проигранной битвы за действительное обновление жизни». При этом местоимение «мы» выступает у Шаламова как самоидентификация с поколением только по отношению к «молодёжи двадцатых годов».

4. Для Шаламова принципиально важна включенность в традицию. В литературе — это русский модернизм. Но не менее важным для него была причастность к идейной, политической традиции русской революционной интеллигенции. Известно активное участие Шаламова в троцкистской оппозиции конца 20-х годов, преклонение Шаламова перед народовольцами и эсерами (рассказы «Золотая медаль», «Лучшая похвала», автобиографические «Четвертая Вологда» и воспоминания о Москве 20-х — 30-х годов). Уже в начале 70-х Шаламов пишет очерк о Федоре Раскольникове «Революционер». Интеллигенцию Шаламов определял именно в контексте революционной традиции: «Русская интеллигенция без тюрьмы, без тюремного опыта — не вполне русская интеллигенция».

5. «Соответствие слова и дела» — главный жизненный принцип Шаламова, который часто повторяется не только в записных книжках, но и в воспоминаниях, — вынесен им из опыта двадцатых годов: «Суть вопроса, суть

сути двадцатых годов — это соответствие слова и дела. Поэзии нам казалось мало». Здесь присутствует отсылка к произведению, в послереволюционный период известному всей читающей молодежи — воспоминаниям Веры Фигнер. Будущий лидер «Народной воли» делает вывод (в связи с поэмой Н. Некрасова «Саша»): «Поэма учила как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни». Этот же мотив звучит в «Письме перед казнью» эсерки-максималистки Натальи Климовой, которой Шаламов посвятил очерк.

6. В записных книжках можно найти ряд указаний на это отнесение к традиции, которое касается уже послелагерной реальности, например симпатии к «новым левым», восхищение Че Геварой и яростное неприятие «прогрессивного человечества» — окружения Б. Л. Пастернака, Н. Я. Мандельштам и шире — большей части диссидентской среды.

7. Такая этическая позиция Шаламова никак не могла позволить ему вписаться в послесталинский литературный официоз. Но она также не могла не сделать его изгоем в среде диссидентов-шестидесятников, в которой традиция революционной интеллигенции скорее осуждалась, а его рассказы воспринимались как лагерное бытописание и зачастую — в контексте антисоветизма. Среда «шестидесятников» в большинстве случаев не демонстрировала того единства «слова и дела», была склонна к компромиссам и, к тому же, использовалась в «холодной войне» обеими сторонами.

8. Именно поэтому записные книжки содержат резкие высказывания о диссидентах, самиздате и тамиздате, произошел разрыв с Солженицыным и его сторонниками, и в конце концов было написано письмо в «Литературную газету». В условиях гибели традиции и этики интеллигенции Шаламов констатировал: «Наше время — время одиночек» — и сам оказался обреченным на трагедию одиночества.

Сергей Михайлович Соловьёв

к. филос. н., доцент ф-та социальной психологии МГППУ,
руководитель проекта shalamov.ru

Елена Степанян

(Москва)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ – «ДРУГОЙ ЯЗЫК» СЛОВЕСНОСТИ

1. Словесность и изящные искусства имеют разное предназначение, задачи, решаемые ими, принято противопоставлять друг другу (например, упрек в «литературности» до недавнего времени был одним из самых пренебрежительно-обидных в адрес живописи или скульптуры). Однако абсолютизировать такую специализацию, разводить эти граничные области невозможно. Слово выражает, образ наглядно являет, слово обращено к слуху, образ – к зрению. При всей своей специализации, эти способности не разделены в человеческом естестве до какой-то последней автономности друг по отношению к другу.

2. Словесности дано выражать внутренние состояния. И при этом она способна изображать мир внешний, зримый. Пластические искусства напрямую передают образы зримого мира. Но в то же время они, изображая, еще и выражают, содержат смысловое высказывание, то более прямое, то более зашифрованное. Одним словом, они тоже представляют собой своего рода текст, послание, обращенное к зрителю.

3. Изобразительность неотъемлема от словесности, во всяком случае, до тех пор, пока картина мира продолжает что-то значить для литературы. Это качество проявляется многообразно, и его присутствие говорит о том, как глубоко пластические способы изображения мира усвоены поэзией и прозой. Словесность словно стремится присвоить себе пластические характеристики и свойства, развить собственную изобразительность за счет средств, ей не принадлежащих. Причем заимствованные одним видом искусства у другого **способы изображения**, это **чужое слово**, проникшее в иную (изначально словесную) среду становятся в ней **способами выражения**. Они усиливают символичность образа, способствуют тому, что он в своей смысловой емкости дорастает до символа.

4. Прежде, чем приступить к чтению, мы **видим** текст как пусть элементарное, но изображение, какую-то примитивную графику. В стихотворении вообще нет детали, которая не была бы графически значима. Орфография, пунктуация (или ее отсутствие), стихотворный размер и длина текста, разбивка на строфы, прописная или строчная буква в начале строки – каждый из этих элементов играет определенную роль. В поэзии то и дело

используются и такие сильные элементы изобразительности, как упоминания о свете, цвете (цветовые предпочтения у Блока, Белого или Цветаевой неразрывны с идейным кодом их поэзии). Сюда же относится восприятие автором формы, пространства, перспективы. Имена тех или иных художников, названия шедевров живописи, скульптуры и архитектуры, введенные в текст, также становятся для него кодовыми и сразу создают в нем совершенно определенную внутреннюю атмосферу.

5. Изобразительное искусство также делает встречные шаги, нащупывая возможность произнести «изобразительное слово». Достоверно переданная форма – это вообще целый сюжет: яблоко, хлеб, дерево, тем более – человеческое лицо и фигура повествовательны, даже красноречивы. Изобразительное повествование может быть подробным (веласкесовские «Менины»), а может – более сжатым («Селедка» Д. Штеренберга или «Красная мебель» Р. Фалька), но оно отчетливо и внятно. Под разными обличьями существует то, что можно было бы назвать «изобразительным словом».

6. Изобразительность литературы имеет еще один важный аспект: избираемые автором текста изобразительные средства в конце концов оказываются еще и характеризующими его (авторскую) личность, они соотносимы с его биографией и внутренним складом. «Пространственный» характер поэзии и прозы Пастернака, острое переживание формы и частые упоминания о свете и светилах у Заболоцкого, «скульптурность» и «мраморность» образов поэзии Бродского, цветовые характеристики поэзии Цветаевой и Вознесенского не только усиливают образность, но соотносятся с авторскими личностями, выявляют нечто, глубоко зашифрованное в их характерах и биографиях. Р. Якобсон неслучайно говорил о скульптурной теме в поэзии Пушкина как глубоко укорененной в биографии поэта.

7. Всякое искусство говорит языком образов, и при этом стремится к созданию символов. Образ должен дорасти до символа. Но, стремясь коснуться метафизического, художественный образ должен стать предельно достоверным, полным жизни. Тут в качестве вспомогательных приходят в литературу средства, которые ей изначально не принадлежат, те, что традиционно используются изобразительным искусством. Литература расширяет свои возможности, преграды между словом и видимым образом делаются условными, граница – проницаемой. Она тем более проницаема, что и изобразительное искусство в своем встречном движении обретает возможность речи. Так маргинальные для каждого вида искусства средства

оказываются соотнесенными с его ядром, необходимыми для решения его центральных задач.

Степанян Елена Владимировна

Кандидат филологических наук

Редактор журнала «Русское искусство», профессор кафедры литературоведения Государственной академии русской культуры

* * *

Sanami Takahashi

(Hokkaido University, Japan)

The State Historical Museum of Religion and the local Religiosity

After the fall of Khrushchev the Soviet state stopped destroying church buildings and religious paraphernalia as a means of spreading scientific atheism. At the same time intellectual activists were growing increasingly interested in Russian traditional culture, and an active movement for the protection of historical and cultural monuments began in Soviet Russia, which often has been explained in the context of the revival of “Russian nationalism.”[\[51\]](#) It was in these years that the Soviet officials actively reused a range of religious monuments and sacred places, changing them into historical, artistic and ecological tourist destinations. The state museums usually controlled the monuments for the sake of the communist propaganda, especially the “scientific atheism”.

Museums were used as “the forefront of a propaganda war”. Local museums often explained the history of religious organizations and atheistic tradition, exhibiting the religious art, photography and literature found in their region. While these museums played almost equivalent rolls in atheistic propaganda and education, the State Historical Museum of Religion and Atheism (GMIRiA) in Leningrad led them in methodological issues. As a matter of fact, museums were the only place where people could view religious objects as a part of their “cultural heritage”. It deeply affected the religiosity of the Russian people,

many of whom were able to appreciate the beauty of religious architecture and pictures in museum for the first time^[52].

The Soviet atheism had the “pseudo-religious” character, inventing new secularized rituals, indicating ideological exclusivity, adoring the infallible rulers and having its own “bible” — “the Capital” ^[53]. In this connection it is interesting to think about the various roles of the museum as a “theologian” of scientific atheism.

The curators of GMIRiA realized the difficulty of spreading scientific atheism when conducting fieldwork in small rural villages. For example, visiting the Kolkhoz Bolishevik in Vladimir oblast’ in 1965, the curators found many icons decorating the farmhouses, which was contrary to accounts they had heard in advance from the Kolkhoz leaders. They knew that a Kolkhoz woman hung a portrait of Lenin together with an icon of Nikolai Chudotvoretz (miracle worker) until quite recently. She said that “there is no difference between Lenin and Nikolai for simple people. Nikolai walked on water and saved people from serious diseases and torture, while Lenin also relieved our people from the yoke of exploitive landowners and capitalists”.^[54]

On the other hand, local curators felt put off because they often interpreted its exhibits in other contexts. For example, a curator of the Solovki Museum (Arkhangelsk oblast’) recalled that the guides had to tell visitors that in the monastery, “the peasants of Pomor were exploited. . . . The monks were all cruel. . . . The [religious] significance of the monastery was always to be de-emphasized.”^[55]

The social demand for religion was quite different from need for scientific atheism. An old peasant woman in the novel “Ar’ka” of derevenshchik writer F. Abramov said, “I’m looking for a firm shore for my soul”. In a conversation with curators of GMIRiA, a village clergyman noticed that “religious emotion takes deep root in the heart of peoples, and it lives forever even under communism.”^[56] In opposition to “religious ideology,” GMIRiA tried to spread the Soviet values through the new secularized customs and devotion to the Soviet motherland.

As a result, 1) the Soviet atheism tried to satisfy the people’s demand for something sacred through patriotism. But patriotism was far from being under the monopoly of atheism, which spoiled the necessity of being an atheist for a patriot; 2) at the local level the exhibitions of religion and atheism awakened more nationalistic and religious interest than universal and atheistic awareness.

* * *

Тарабукина А.В.

(Санкт-Петербург)

Эзотерические путешествия Рушеля Блаво (на материале книг серии «Книга, открывающая тайны», вышедших под именами Р. Блаво и М. Мессинга)

Рушель Блаво — популярный петербургский экстрасенс и целитель, автор большого количества книг, причём как «лечебных», то есть призванных оказывать на читателей лечебное действие, так и собственно эзотерических (наподобие Кастанеды или Коэльо). Серия книг, написанных в соавторстве с Мишелем Мессингом, «Книга, открывающая тайны», объединяет повествования о разных экспедициях Р. Блаво и его коллег. Все тексты имеют однозначную установку на реальность — это рассказы о тех экспедициях, где Блаво при участии своих сотрудников добыл некий артефакт, благодаря которому впоследствии разработал нечто полезное, например, новый метод лечения. Этот метод в дальнейшем Блаво использует на своих концертах и в работе с клиентами, а также ссылается на него в «лечебных» книгах. Во все тексты включены выдержки из дневников сотрудников Блаво.

Примечательно, что несмотря на эксплицируемое соавторство, автор-повествователь в этих книгах один — Рушель Блаво, Мишель же Мессинг — только один из постоянных участников экспедиций, иногда приводятся выдержки из его дневников, он (и иногда его дочь) - автор так называемых «ипсилон» - вставных текстов, в которых чрезвычайно заумно (и, безусловно, фантастично) определяется очередная цель экспедиции (ипсилон соединяют различные вымышленные автором и\или взятые из разных источников (мифологий, живописи, литературы и пр.) и создают своеобразные маленькие мифы). Вообще заумь — обязательная часть эзотерических путешествий Р. Блаво.

В этом контексте возникают сразу две проблемы: во-первых, вставные тексты в «книгах, открывающих тайны», и во-вторых, вопрос авторства. Вставных текстов в «книгах, открывающих тайны» много, и они самые разные. Это и дневники коллег автора-повествователя; и стихи, причём стихи как известных поэтов, так и загадочного мистического поэта Василия Дмитриевича Лебелянского (фигура вымышленная), скончавшегося от чахотки в 1840-е годы в Варшаве; и ипсилонеры Мессингов (Мишеля и его дочери Алексии); и расшифровки интервью; и архивные материалы. Функции вставных элементов в сюжете различны и не всегда сюжетобразующие (хотя и в основном). Каждый раз оказывается интересно обратить внимание на стык вставного элемента и текста – это даёт возможность многое прояснить в принципах организации сюжетного пространства произведения.

Ставя вопрос об авторстве эзотерических путешествий Рушеля Блаво, я считаю важным обратиться к поэтической манере Василия Лебелянского: его лирика в текстах Р. Блаво выполняет очень важную функцию: она едва ли не более, чем события, происходящие с героями, доказывает возможность физического воздействия словом на материю. Если бы Лебелянский принимал сознательное участие в экспедициях Блаво (если бы он был жив), то вполне возможно, что и его имя заняло бы своё место среди авторов этих книг.

Сюжеты эзотерических путешествий Р. Блаво многоуровневые, и анализ текстов этих путешествий позволяет сделать первичные заключения о принципах строения эзотерических повествований, а значит, и о том, что, собственно, такое – эзотерическая литература.

Тарабукина Арина Валерьевна

кандидат филологических наук ИТиД (Институт телевидения, бизнеса и дизайна) доцент
кафедры русского языка и литературы

* * *

Н.Т. Тарумова

(Москва)

Письма Н.В. Бугаева к сыну: хроника отношений

Считается, что письма не могут рассматриваться в качестве строгих исторических документов – слишком много персонального, авторского заключено в их содержании. Тем не менее, если оценивать переписку как инструмент для изучения личности корреспондентов, особенно, если речь идет о переписке семейной, то письма предоставляют исследователю широчайшие возможности для изучения нравов, быта и, разумеется, личных взаимоотношений авторов. Письмо – вероятно, лучший (и, к счастью, общепринятый в дворянской среде) способ передать впечатления от досуга, культуры общения. Сохранившаяся подборка писем в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ [фонд 25, Белый А., 14 единиц хранения], это письма Николая Васильевича Бугаева (1837-1903), математика, декана физико-математического факультета Московского университета к сыну, Б. Бугаеву (А.Белый 1880-1934; писатель-символист Серебряного века) разных лет и два письма-ответа сына к отцу, является ценнейшим источником, раскрывающим процесс формирования личности Андрея Белого. Длительность этой переписки с 1890 г. по 1902 г. Характер данных писем делают их не только уникальным человеческим документом, но и живым свидетельством взаимоотношений отца и сына, где отец выступает как мудрый наставник и духовный руководитель. В письмах запечатлены образ жизни семьи, ее досуг и труды, внимательное и нежное отношение отца к личности сына. Ниже приведены тексты двух писем из указанного архива.

Москва 16-го мая.

Милый папа,

Я обещал тебе прислать список книг, которые мне будут рекомендованы; недавно я был у Н.Ю. Зографа; он мне советовал приобрести на лето следующие книги:

- 1) Общую физиологию Ферворна (она у меня есть.)*
- 2) 1ый том Зоологии «Delage» а (Н.Ю. мне дал из своей библиотеки ее на лето)*
- 3) Quatre fage^[57]: “Les émules de Darwin”(Н.Ю. говорит, что это лучшая критика дарвинизма).*

4) *La vie et le protoplasme* (выпуск “bibliotheque scientifique”)

5) Роменс^[58]: «Изменение учения Дарвина»

Относительно пункта 4го и 3го является затруднение; эти книги можно лишь выписать из заграницы через Ланга. Между тем Н.Ю. особенно советовал почитать “*La vie et la protoplasme*” Так как я не знаю, купить мне ее или нет, то обращаюсь к тебе. Как ты мне посоветуешь? Я был у Ланга; там мне сказали, что выписать можно через две недели. Так как я ранее этого срока уезжаю, то я мог бы попросить тебя зайти за книгой, в случае если ты мне посоветуешь ее выписать. Тогда я бы мог переслать тебе билет на получение.

Кроме этих книг, мне советовали почитать следующие:

- 1) Видерсгейм^[59]:! «Развитие человеческого зародыша».
- 2) Меншуткин^[60]: «Аналитическая химия».
- 3) Меншуткин: «Органическая химия».
- 4) Кук^[61]: «Новая химия» (Здесь разобраны общие вопросы)
- 5) Гертвиг^[62]: «Учение об истине»

Я нарочно привожу так много книг, чтобы иметь возможность выбрать, что тебе покажется лучше.

Первые пять книг рекомендованы Н.Ю. Зографом; последние преподавателями старших курсов.

Милый папа, я теперь совсем один; мама уехала. С нетерпением жду окончания экзаменов, чтобы поехать в деревню. После экзамена химии я напишу подробнее. Крепко целую тебя. Остаюсь любящим тебя.

П. Пугаев

P.S. Тетя Катя и бабушка тебе кланяются.

[Ф. 25, Белый А., картон 30, ед.хр. 2. А. Белый письмо к отцу, 16 мая без года, Москва.

Автограф, чернила, 1л.]

Киев. Крещатицкая площадь, гостиница Россия, № 10

21 го мая, 1900 го года.

Милый Боря,

Отправив тебе письмо, я вскоре получил твое письмо со списком книг, которые тебе советовали купить Зограф и некоторые студенты.

Из этого списка видно, что ты спрашиваешь как тебе поступить относительно книг «La vie et la protoplasme» и «Quatre fage Les émules de Darwin». Я не советую тебе теперь их заказывать Лангу.

Ланг хороший книгопродавец для книг немецких. Французских же книг у него почти нет. По приезде я сам достану эти книги.

Тебе же я советую пока купить Аналитическую химию Меншуткина. На первое время до моего приезда тебе будет она пока достаточна. Деньги, которые ты за нее уплатишь, я тебе возвращу по приезде в деревню. Туда же я привезу тебе также те книги, которые я буду иметь возможность купить, соображаясь с своим капиталами. Возьми также в деревню твою английскую грамматику. Ты можешь немного заняться английским языком до моего приезда. О том, купить ли мне аналитическую химию Меншуткина, напиши мне сюда для того, чтобы я нечаянно не купил ее второй раз.

Не зарывайся и не бери сразу читать несколько книг. Лучше держаться той системы, которой ты держался прошлый год. Лучше изучить немного но хорошо. Аналитическую химию тебе полезно изучать предварительно, так как у тебя будут к ней практические занятия. Эти занятия тебе будет легко проделывать, если ты предварительно ознакомишься с ними по руководству. Если принять во внимание, что у тебя есть еще книги для дальнейших занятий по ботанике и зоологии, то тебе до моего приезда вполне достаточно. Советую тебе до моего приезда заниматься умеренно и отдохнуть от занятий. Занимайся в день не более двух или трех часов.

Засвидетельствуй мое почтение Елизавете Федоровне и Катерине Дмитриевне. До свидания. Остаюсь любящий тебя. Н. Бугаев.

[РГБ Ф. 25, Белый А., картон 12, ед.хр. 9. Автограф, чернила, 1л.]

Исследовательская работа помогла установить датировку двух писем: в отделе рукописей ГНБ им. Ленина, в Фонде 25, Белый А., к.30, ед.хр. 2, находятся два письма от 13 апреля без года и 16 мая без года А. Белого к отцу, Н.В. Бугаеву. В том же Фонде 25, к.12, ед.хр. 9 имеются два письма,

ответ Н.В. Бугаева сыну, А. Белому, которые датируются 18 и 21 мая 1900 годом из г. Киева. Также представляет интерес тот факт, что письмо от 16 мая 1900 г. подписано Борисом Бугаевым (А Белый^[63]) – «П. Пугаев». Этот псевдоним не встречается в творчестве поэта.

Очень многие письма семьи Бугаевых не дошли до нас. Однако и те, что сохранились, представляют собой важное свидетельство времени, проливают свет на отношения двух ярких неординарных личностей.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Л.: «Земля и Фабрика», 1931

Белый А. Начало века. М.; Л.: «Земля и Фабрика», 1931

Архив МГУ им. М.В.Ломоносова, фонд 235 (Бугаев Н.В.)

Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ (ОРКиР НБ МГУ), ф.41 (Бугаев Н.В.)

Российская Государственная библиотека научно-исследовательский отдел рукописей, Москва; фонд 25 (Белый А.)

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ) ф.418(Бугаев Н.В.)

Тарумова Наталья Тимофеевна филолог,
ведущий специалист НИВЦ МГУ

* * *

А.В. Уланова

(НИВЦ МГУ)

Комплексный подход в решении вопросов атрибуции письменных источников (на примере установления авторства книги «Село Виноградово»)

Проблема атрибуции, будь то письменный источник, археологическая находка, живописное произведение или памятник зодчества, актуальна с тех пор, как существует понятие *научно-исследовательская работа*.

Книга «Село Виноградово», написанная Андреем Николаевичем Ильиным (1872 – 1927), двоюродным братом известного философа и правоведа И.А. Ильина (1883 – 1954), была издана в 1912 г. в московской типографии Торгового дома Г. Лисснер и Д. Собко, по неизвестным пока нам причинам, без указания фамилии автора на титульном листе. Тираж её составил всего 250 экземпляров. Это единственная опубликованная, сохранившаяся до наших дней работа А.Н. Ильина, являющегося одним из основоположников изучения русской усадебной культуры, что делает её ещё более ценной для исследователей. Со временем имя автора забылось, а хранящийся в Российской Государственной библиотеке редкий экземпляр этой книги был ошибочно атрибутирован как труд А.М. Штекера (см. каталог РГБ). Эта ошибка была растиражирована в Интернете и требует немедленного исправления в научных целях. Для установления истины была проведена работа с текстом книги и привлечены дополнительные исторические источники, главным из которых стала *автобиография* сына А.Н. Ильина, известного историка искусства, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, члена «Общества изучения русской усадьбы» Михаила Андреевича Ильина (1903 – 1981).

«Село Виноградово» – исторический очерк, посвящённый усадьбе на Долгом пруду, объёмом 103 страницы с 10 фотоиллюстрациями. Работа написана весьма профессионально с использованием большого количества документов первой половины XIX в., с ссылками на источники и подробным комментарием. На последних страницах книги автор, *не называя себя*, с благодарностью вспоминает всех лиц, содействовавших сохранению архивных материалов и изданию этой книги. Неверная интерпретация текста привела к тому, что *заказчик и издатель* книги Адольф Матвеевич Штекер стал с некоторых пор считаться её *автором*. Теперь имя автора нам известно. Почему Андрей Николаевич Ильин не счёл возможным поставить своё имя на историческом труде, можно только предполагать. Вспомним, что начало XX века было ознаменовано выдающимся событием – *раскрытием* русской иконы. Впервые из-под слоя олифы и многочисленных записей икона предстала в своём первоизданном виде. Наряду с её духовным значением, это стало *открытием* иконы как произведения искусства. Большинство шедевров древнерусской живописи, даже после раскрытия, оставались анонимными. Не являясь профессиональным историком, А.Н. Ильин изучал памятники Подмосковья, используя преимущества фотосъёмки как нового типа документальной фиксации всего окружающего. Запечатлеть уникальные храмы, иконостасы и фресковую живопись стало его потребностью человека и гражданина. А.Н. Ильин глубоко сознавал

значимость этих безымянных произведений искусства и скромность своих «заслуг» перед историей. Именно этим, на наш взгляд, объясняется преднамеренное умалчивание авторства книги «Село Виноградово».

Источники и литература

Архив МГУ. Д. 1395.

Штекер А.М. Село Виноградово. М.: Типография Торг. Дома Г. Лисснер и Д. Собко, 1912.

Ильин М.А. Подмосковье. Изд. 3-е, испр., доп. М., 1974.

Ильин М.А. Исследования и очерки. М., 1976.

Уланова Анжела Владимировна

историк-источниковед, программист I категории

Научно-исследовательского Вычислительного центра МГУ им. М.В. Ломоносова, окончила исторический факультет МГУ по кафедре источниковедения и историографии

* * *

Н.А. Фатеева

(Москва)

О стиле и читательской аудитории журнала «Сноб»

Концепцию нового журнала «Сноб» (он выходит с октября 2008) разработал Владимир Яковлев, бывший владелец издательского дома «Коммерсантъ». По его мысли, данный журнал, являющийся частью более общего мультимедийного проекта (журнал, телеканал, сайт), адресован сообществу успешных профессионалов, которые живут в России и за ее пределами, принимают и понимают разные культуры, говорят на разных языках, но думают по-русски, образуя новую культуру Global Russians. Недаром на обложке журнала обозначены четыре мегаполиса Москва-Лондон-Париж-Нью-Йорк, а само слово «сноб» расшифровывается как «Состоятельный Независимый Образованный Благополучный». По мысли создателей журнала, «Global Russians — это группа, которая тоже еще не

полностью себя самоидентифицировала и тоже находится в процессе развития. И что особенно важно — в процессе создания новой системы ценностей» (В. Яковлев). Поклонники и авторы журнала объединились даже в общность под названием «снобщество».

Создатели журнала придают много значения языку и композиции статей и их арт-дизайну. В докладе будет проанализирован как раз языковой стиль журнала (прежде всего на примере статьи «Важный Шишкин» (№4, 2009), который создает представление о системе ценностей Global Russians. Этот стиль нередко выдает подчеркнутую надуманность интерпретации жизни русских людей, живущих в эмиграции, и штампованность восприятия жизни русских в России. Так, например, непонятно, почему, живя в России, М. Шишкин бы принимал журналистку на кухне и они ели бы холодную курицу с макаронами. При этом сам писатель объявляется «хранителем классического русского языка». На фотографии же он сидит на полу в зарубежном интерьере, похожем на плохие декорации, в совершенно искусственной позе: а вокруг него – белые и желтые листы бумаги. Создается впечатление, что, попав на страницы этого журнала, Шишкин сам стал героем «желтой прессы».

Другие номера журнала, например, «Пляжный» (июль-август 2009) и «Снежный» (декабрь 2009) содержат «сочинения» для летнего и зимнего чтения на отдыхе. Список авторов вполне предсказуем (В. Сорокин, М. Шишкин, Э. Лимонов, Б. Акунин, Л. Петрушевская, Д. Быков, разбавленные некоторыми иностранными писателями — Ф. Бегбедер, Р. Боланьо, К. Исигуро), стиль их писаний тоже. Поражает, что эти успешные авторы прежде всего создают «чернуху», нередко талантливую (рассказ Д. Быкова так и называется «Синдром Черныша»). В этом смысле хочется расшифровать, почему данный журнал мыслится его создателями как «источник интеллектуального удовольствия».

Фатеева Наталья Александровна

д.ф.н., руководитель Центра междисциплинарных исследований

художественного текста ИРЯ РАН

* * *

Светлана Федоровская

(Стокгольм, Швеция)

Дневниковая проза И.А. Бунина: устойчивые темы

Дневник Ивана Алексеевича Бунина служит наглядным примером гибрида интимного и литературного дневников. Свои первые дневниковые записи будущий писатель начал вести в конце 19-го века, когда дневник уже являлся литературным жанром.

Имеется несколько периодов времени, за которые в писательском дневнике отсутствуют записи и которые условно можно разбить на следующие: первый – годы отрочества и молодости, второй – начало писательской карьеры и творческого успеха в России, третий – роман с Галиной Кузнецовой и четвертый – на склоне жизни. К 1-ому периоду относятся 1882-1884, 1887, 1889, 1890 и 1892 гг., ко 2-ому – 1904 и 1910 гг., к 3-ому – 1925-1927 гг., к 4-ому – 1947-1948, 1950 и 1952 гг.

Наиболее вероятные причины появления «черных дыр» в бунинских дневниках – отсутствие внимания автора дневника к их ведению, естественное для него при определенных жизненных обстоятельствах, и возможное уничтожение им своих записей – имеют равное право на существование. Последняя из вышеназванных причин может одновременно служить подтверждением приватности дневника писателя, так как именно его интимную часть, по всей вероятности, автор, будучи зрелым человеком, уничтожает.

1917, 1922 и 1941 гг. являются тремя из шести периодов времени, содержащих наибольшее количество опубликованных записей Бунина.

В результате анализа основных тем записей писателя за вышеуказанные годы *природа, литература и социальный мир* выделены как три наиболее устойчивые темы дневниковой прозы Бунина.

Отмечено неизменное присутствие следующих лексем в заметках писателя: в окололитературных – лексемы *пошлость*, в записях о природе – лексем *небо* и *облако*, в заметках о социальном мире – лексемы *газеты*. Двумерность каждого из вышеназванных слов позволяет сделать вывод о том, что они являются ключевыми словами в данных заметках: первая из лексем обозначает этико-эстетическое явление в литературе и одновременно связана с личностью автора дневника; две вторых – с авторским антропоморфным восприятием окружающего мира и с

испытываемым, по словам самого Бунина, «чувством красоты», восхищения перед нею; последняя – обозначает не только сами периодические издания, но и являет собой в глазах автора дневника сосредоточение негативных проявлений человеческого общества.

Единый текст бунинских записей за данные годы – это многомерное смысловое пространство, в котором наблюдается соотнесенность между тремя смысловыми плоскостями – *природой, социальным и литературным мирами*.

Для корпуса исследуемых дневников характерно деление большинства подневных записей на фрагменты, раскрывающие одну из устойчивых тем. Динамика чередования этих фрагментов различается в зависимости от того, между какими двумя смысловыми плоскостями происходит переход.

Так, в целом редкое соседство в смысловом пространстве фрагментов, раскрывающих темы *социального мира и литературы*, а также *природы и литературы*, говорит об отсутствии противопоставления этих пар смысловых плоскостей.

Напротив, подавляющее большинство переходов в пространстве бунинских дневников, наблюдаемое между двумя смысловыми плоскостями – *природой и социальным миром*, говорит об их «противостоянии». Об этом говорят и небольшая разница в удельном весе записей, содержащих в дневнике Бунина за 1917 г. заметки о социальном мире (81%) и природе (88%), а также равенство общего количества всех записей (86), содержащих заметки на данные темы, и их удельного веса в общем объеме подневных записей за 1941 г.

Все эти факты – через свое количественное обозначение – в совокупности с контрастностью оценочной лексики, выраженной в преобладающем использовании позитивной лексики в описаниях природы и соответственно негативной в описаниях социального мира, указывают на значимость и своего рода «противоборство» двух смысловых плоскостей – *природы и социального мира* – в дневниковых записях Бунина за 1917, 1922 и 1941 гг.

Федоровская Светлана Эдуардовна, бакалавр

студентка Стокгольмского университета

(Svetlana Fedorovskaya, Bachelor of Arts)

student at the Department of Slavic Languages and Literatures,
Stockholm University)

* * *

Вера Хлебникова

(Москва)

ОПЫТ МЕДЛЕННОЧТЕНИЯ. ВОПРОСЫ ПРОФАНА

Книга Н. Алексеева "Ряды памяти" НЛО, Москва, 2008

Никита Алексеев необыкновенно эрудирован, он знаток изумительного количества диковинных малоупотребимых выражений, словосочетаний, названий и редких, специальных терминов на множестве языков. Никита редко разъясняет читателю значение употребленного выражения, мало у кого находящегося в активном лексиконе. Подразумевается, что каждый из нас с этими языками, диковинными словами знаком. И может, как Никита, с легкостью отличить, к примеру, знаки письменности девангари от амхарского.

Вот только некоторые слова из тех, которые понадобились Никите, чтобы рассказать о своей жизни. Я включила в этот список и те, которые мне знакомы, но никогда не были мною употреблены - ради первой, и, возможно, единственной okazji их написания: лесс, тамга, лавкрафтовский страх, жизнь цисфинитна, глоссолалия (2 раза), канон "яб-юм", катары и богамилы, вотивные сердца, неотомизм, сарган, кенасса, трайбализм, ономатопея, траппистское пиво, лингвист-ностратик, симуляционизм и апроприация, темперблоки, эстимейт, перипл, Нео-Geo и холодный PoMo, вюрстель, уголки "Гайки", диджриду, опунция, ахимса, корневой блюз, логоррея, четки-"коболои", индийские "биди", тьюхэ, апофатика, дудук, кьяроскуро, "тессеро", мак-coquelecot, гибридный singl-malt, "калимера!!!", towny, "бубу", чоха, epicerie, epouse, musack, travelots, межеумочный, флик, хабар...

Названия написаны то на языке оригинала - английском, немецком ("умляют" для простоты набора заменяется сочетанием букв), французском, итальянском, украинском, латышском, бельгийском и т.д. То

транслитерированы, то, изредка - переведены. Примечания для незнакомых с этими языками не предусмотрены.

Иногда не понятно, на каком языке написано: "Старосіллэ" - вроде бы по-украински, раз через и с точкой, но по-украински было бы "Старосіле".

Диалог с польским таможенником Никита записывает латиницей. Не только в вопросе, заданном Никитой "на своем приблизительном польском", слово "wiosna" написано на русский манер: "wiesna", но и в ответе поляка.

Verbung пишется через "фау", но читается - "Вербунг" (у Никиты - "Фербунг", стр. 76).

А почему жители Цетинье, в Черногории кричат на латинице ("Evviva, Evviva, Evviva Montenegro!), а пишут на стенах своего города кириллицей ("Амфилохије, вон с Црна горы!")?

"А еще мы научились играть на народном гуцульском инструменте дрымбе (который в Азии называют хомусом, по-итальянски cascia pensieri, "мыслеловка", а по-английски по-чему-то jewish harp)". Спасибо, Никита! Вот для издания второго, дополненного: наиболее распространенные названия варгана - маультроммель, шанкобыз, аура, хомус, доромб, дрынба, зубанка, васанг, морчанг, пымель, вывко, тумра, кубыз, ванияр, коусян, дан мои, комуз.

Неточности легко заметить, когда Никита вспоминает общеизвестное.

В перечислении песен, которые крутил соученик по училищу на магнитофоне "Романтик": "Ам йор Винус" (в другом месте книги это название написано по-английски) и "Шизгара". А ведь это не две разные песни, а одна.

Стр. 174: Маяковский в создании оперы "Победа над солнцем" **не** участвовал! Крученных сочинял либретто, Матюшин музыку, Малевич делал эскизы костюмов и декораций.

А как на столбиках поролона могут стоять булыжники (стр. 306)? Может быть, столбики были сделаны из пенопласта? А как покрасить три колонны черной и белой краской через одну?

В главке "ЧОКАНЬЕ **ПОД** СТОЛОМ, СЛОМАННЫЙ СТАКАН И ПАЦХА В МИРЗААНИ", строка, долженствующая раскрыть смысл интригующего заголовка, выглядит так: "Под конец одного из застолий я обнаружил, что армяне почему-то чокаются **за** столом".

Повторов в книге множество. Никита раз за разом переписывает целые абзацы, чуть меняя слова, либо почти слово в слово. Сначала меня смущало, что снова и снова приходится читать то, что я еще не успела забыть - о

"Детском саде" и его персонажах, о том, как Катя велела "Не будь монахом!", о Вите-враче, зеленых попугайчиках Кельна, В. Вовнобое и "Итогах". Все повторяется, как в мультсериале о Телепузиках.

Если найдено сравнение, Никита тоже экономно его нам повторяет не раз, превращая в эпитет. "Заплесневелый, похожий на раскисший гриб, старик" (далее: "гриб-старик", стр. 226). Милицейский полковник, "человек с лицом гриба-навозника" (далее именуется уничижительно-просто: "полковник-навозник"), стр. 465. Столбы в море (стр. 220) "вязли в этом студне", "вода как студень" (от медуз, стр.226). В Армении: "ущелье из ярко-красных скал, пронизанных изумрудно-зелеными кустами и травой" (стр. 387). "Среди красных скал, поросших изумрудной зеленью" (стр. 415). Туи пахнут шоколадом - на стр. 26, на стр.130, на стр. 230. На стр. 127 - ирисы, сирень гроздьями тяжелейшего, одуряющего темно-фиолетового цвета, на стр. 130 - снова ирисы, тяжелые грозди густо-фиолетовой сирени, на стр. 230 - "фиолетовым пламенем полыхали кусты сирени, цвели ультрамариново-кадмиевые ирисы".

Понятно, что некоторые особенности книги связаны и с тем, что в нее вошли тексты, написанные ранее, публиковавшиеся в газете, висящие в Интернете.

Интернет откликается на произвольно выхваченное из книги имя: например, Альберто Сандретти - правда, в интернетном тексте Никита еще не решил, как писать эту фамилию, с одним или двумя "т", и пишет в соседних абзацах то так, то сяк. То же и с другими персонажами. Токайе или Токайер? Томас или Тома? А Сема Узенькие глазки на стр. 209? В Одессе? Который "умер от овердоза много лет назад"? И Сеня Узенькие глазки на стр. 326 - в 90-х, в Москве, на Фурманном? Это один и тот же человек? Или Одесса полна эдаких Узеньких глазок? То же и с названиями мест - Уранополис или Урануполис? "Топор не тронет"? или "Топор не тонет"?

Иногда написание отличается от общепринятого - "МақДо", отель Мэриотт, "иссине" (правда, в другом месте - "иссиня"). И т.д.

Рассказывая, как дегустировал портвейн в Португалии и прослыл знатоком вин, Никита употребляет термин винтедж, на английский манер. Википедия считает исходное слово французским, приводит более привычное "винтаж" - и в виноделии, и об одежде. На винтедж в Интернете откликается Никитина же публикация в Иностранце: "Вы спросите, легко или трудно часа за четыре попробовать двадцать четыре сорта вина? Это тяжелый и сладостный труд. Но я в нем не оказался чемпионом. Я не смог просидеть в Бирже весь день. А вот финский коллега Юха осилил семьдесят девять "винтеджей". Впрочем, и его обошел некий голландец, переваливший за

сотню."

В "Рядах памяти" этот абзац выглядит иначе: "Отведать я смог тридцать шесть вин, а потом почувствовал, что хотя почти не глотаю, а сплевываю, уже перестал что-то понимать. Один швед, говорят, выдержал больше восьмидесяти - вот профессионал!"

24 или 36? 79 или больше 80? Финн Юха или безымянный швед?

***Вопросы:** Врет дитя или выдумывает? Художественная или документальная? Аберрации памяти и художественный вымысел в автобиографической литературе. Литература и мораль. Применимы ли нравственные критерии к автобиографическому тексту? Синяя борода писателя. Инвективы и апологии. Психотерапевтическая автобиография и автобиография как орудие возмездия. Автобиографии и журналы в парикмахерской. Редактирование автобиографии. Нужны ли примечания? Сноски? Перевод с иностранного? И еще хочу спросить...*

Вера Хлебникова

художник

* * *

Хоружая В.С.

(НИВЦ МГУ)

Некоторые проблемы расшифровки рукописных дневниковых текстов при создании электронной библиотеки^[64]

Доклад посвящен проблемам расшифровки рукописных дневниковых текстов при вводе их в компьютер.

Материалом анализа послужили полевые дневники из архива Г.Н. Прокофьева 1921-1930 гг. Часть дневников была переписана в 1955 г. женой Г.Н. Прокофьева – Е.Д.Прокофьевой. Это очень облегчило нам ввод.

Г.Н. Прокофьев (1897-1942) – замечательный русский лингвист и этнограф. В 1925 г. он окончил этнографический ф-т Ленинградского Географического Института. Еще будучи студентом, начал ездить в экспедиции по изучению народов Севера. С 1925 по 1928 г. работал директором школы-интерната для «инородцев» в поселке Янов-Стан Туруханского Края.

Данные архивные тексты хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (Кунсткамера).

По рукописным дневниковым текстам можно изучать историю социолингвистических процессов, происходящих в обществе. 10 октября 1918 г. произошла новая реформа правописания. Были отброшены *ь* (*ер*) на конце слов, *ять*, *фита* и *l* (*ижица*). Можно ввести новые правила орфографии, но люди, учившиеся писать по-старому, будут продолжать пользоваться старой орфографией. Однако это интересное социолингвистическое явление.

При вводе полевых дневников в компьютер возникает 4 класса проблем:

1. Кодировка дореформенной орфографии
2. Передача особенностей синтаксиса и пунктуации старого дореформенного написания
3. Передача различных реалий
4. Передача слов на языках «инородцев»: ненецком, эвенкийском, селькупском и пр.

Проблемы каждого из классов, проиллюстрированные примерами, представлены в таблице

Класс / Проблемы и их реальное выражение	Примеры	Источник
1а) Сохранение <i>ять</i> . Окончания: <i>-ыё</i> вместо <i>-ые</i> , <i>ять</i> вместо <i>е</i> .	<p>1) ...Различают <i>пётовыё</i> уши (5) и <i>крыловыё</i> (4). (вместо: <i>петовые</i> и <i>крыловые</i>)</p> <p>2) Невод состоит из <i>мережи</i>, с <i>верхнёго</i> и <i>нижнёго</i> края <i>надётую</i> на <i>тетиву</i>... вместо: <i>верхнего</i> и <i>нижнего</i></p> <p>3) Приблизительно на <i>середине</i> невода (<i>самое́дскаго</i>) находится <i>мотня</i>, которая <i>дѣлит</i> невод на две половины вместо: <i>делит</i>, <i>самоед</i></p> <p><i>Ского</i></p>	<p>«Дневник» 1921 г., с.1</p> <p>Там же</p> <p>Там же</p>

1б) Сохраняется старинное написание окончаний прилагательных муж.р., р.п., ед.ч.: -аго, -яго , вместо -ого, -егоу русскаго невода в 10 с. крыло длиннѐе почти саж. На 30, см. также примеры п.А: 2, 3	Там же, с.2
1в) Сохраняется старое написание приставки раз- перед глухим согл.: зс вместо сс . Однако есть и случаи написания рас-	1) <i>Разселение зверя по Туруханскому Краю</i> – вместо <i>расселение</i> . 2) ... <i>через шкант выпустить разсол</i> . 3) ... <i>вливать снова разсол</i> – вместо <i>рассол</i> . 4) <i>асчет производится деньгами....</i>	«Подлинники выписок...», 1924-25-26 гг., с.8 Там же, с.6 (4) Там же, с.4 Там же, с.6
1г) Наречия в течение и по-видимому пишутся слитно.	<i>Талые места варюп встречаются только там, где снег сдувался втечение всей зимы.</i> <i>...например, при виде хорошего ягеля, пищевой рефлекс работает, повидимому сильнее рефлекса стадности...</i>	«Дневник» 1930 г., с. 5 Там же, с. 8
1д) Особенности словоизменения: сохраняется старинное написание сущ. м.р., ед. ч., 2-го скл. После переходного глагола	<i>Так же, мне пока не удалось определить принципа, по которому в этом языке образуется прошедшее время...</i>	«Дневник» 1925-26 гг., подлинник, с.7
1е) Старинное изменение у сущ. 2 скл. М.р. на к с чередованием к/т в ж.р. Такое же чередование в отыменном прил.: не -цкий , а -тский .	<i>Малахивна (жена Аркадьева) привезла с Таза девушку юратку лет 16-ти. – вместо: совр. Юрачку от юррак (сравним: поляк – полячка).</i> <i>Кыткин два года работал председателем Тазовско-юратского родового совета... - вместо Тазовско-юратского.</i>	«Дневник» 1925-26 гг., копия 1955 г. (с.32) Там же, с.31
2а) Не ставится двоеточие перед кавычками. После кавычек – не ставится точка (или вопросительный знак). Напротив, в конце заглавия точка ставится. Иногда пропускается запятая (после обособленных определений и проч. Не ставится абзац.	<i>...например, при виде хорошего ягеля, пищевой рефлекс работает, повидимому сильнее рефлекса стадности... У автора перед наречием повидимому стоит запятая, а после него – нет.</i>	«Дневник» 1930 г., с. 5
2б) Встречается такое употребление приложения, выраженного существительным без дефиса.	<i>Малахивна (жена Аркадьева) привезла с Таза девушку юратку лет 16-ти – вместо девушку-юратку лет 16-ти.</i>	«Дневник» 1925-26 гг., копия 1955 г. (с.32)
3а) Реалии времени (послереволюцион-	1930Подлинники выписок Г.Н.	«Подлинники

<p>ная Россия, 20-е годы).</p> <p>Сокращения и аббревиатуры: Туруханский ТИК (Территориальный исполнительный комитет), ЦИК или УИК (Уисполком)?</p>	<p style="text-align: center;"><i>из документов</i></p> <p>Турух. УИК'а и Тазовск. РИК'а за 1924-25-26 гг.</p> <p>(УИК – уездный исполнительный Комитет; РИК – районный исполнительный Комитет)</p> <p>2) Еще в начале 1924 г. перед Уисполкомом встал вопрос об оказании ветпомощи.</p> <p>(Уисполком – уездный исполнительный Комитет)</p>	<p>Выписок...», 1924-25-26 гг., с.1</p> <p>Там же, с.10</p>
<p>3б) Названия племен, географические объекты, реалии тех мест (названия рыб, животных, предметов одежды и быта «инородцев»).</p> <p>В дневниках встречается написание через другую букву, похожее на современное, но на старый лад.</p>	<p>...доболнить рыбой бочку (Возможно, местный вариант глаголов <i>забить, набить</i>)</p> <p>Приехали с Таза юраки – юрак, юратка (юраки = современное <i>ненцы</i>)</p> <p><i>...что весьма затрудняет движение вдоль берега с помощью бичевы... - вместо совр. Бечева.</i></p>	<p>«Подлинники выписок...», 1924-25-26 гг., с.7</p> <p>«Дневник» 1925-26 гг., копия, с.32</p> <p>«Дневник» 1925-26 гг., с.3</p>
<p>4а) Названия, имена, бытовые реалии, характер местности, погоды на языке местных жителей, переданные по-русски.</p>	<p>Талые места варюп (здесь последняя буква неразборчиво, похоже на л) встречаются только там, где снег сдувался втечение всей зимы.</p> <p>До промысла, лет 20 ходил рабочим по Адзьве, Роговой (с илимками).. Не очень разборчиво: Адзьве или Адзьбе.</p>	<p>«Дневник», 1930 г., с.5</p> <p>Там же, с.4</p>
<p>4б) Названия, имена, бытовые реалии местных жителей (географии местности, жизни, климата, погоды и пр.) в транскрипции (на латинице).</p>	<p>Перешли jensoroj – ручей, вытекающий из Jensorej (над е стоит э либо иной символ) ti^o и впадающий в р. Хоседу.</p> <p>Переpravляясь через приток nerťè jaha, перевернулись двое санок в аргише С.С. (Семен Сергеевича).</p>	<p>«Дневник», 1930г., с.7</p> <p>Там же, с.6</p>

Комментарии к таблице:

Пункт **1а)** *Ять* – буква в дореволюционном русском алфавите, исключенная из него орфографической реформой 1917-18; восходит к кириллической букве *ять*, обозначавшей первоначально особый звук, позднее совпавший в русском языке с «е». Сохраняется *ять* только в «Дневнике» от 1921 г. Было принято решение о сохранении всех графических особенностей текста автора. При передаче *ять* в электронном виде средствами основного шрифта (Times new roman) мы решили выбрать символ *ě*.

Пункт 3а) Необходимо знать общественно-политическую жизнь СССР 1920-1930 гг.

Пункт 3б) Необходимо, знать географию, язык и быт «инородцев».

Пункт 4 При вводе текста возникают сложности в транскрипционной передаче слов на языках «инородцев», особенно локальных названий ландшафта, жизненных реалий, погоды и пр.). При этом полезным оказывается знание географии описываемой местности (Большеземельской тундры, Нижнего течения Оби, бассейна Турухана). Г.Н.Прокофьев дает транскрипцию на латинице (с употреблением значков, не всегда имеющих в основном шрифте).

Ввод дневников в компьютер осуществлялся в авторской редакции. Мы не изменяли ни орфографии, ни пунктуации. Нам было важно сохранить всю полноту информации архивных документов.

Когда имеется много информации, то из многого – малое сделать нетрудно. Частично сохраняющуюся в дневниках старую орфографию переделать в новую не составляет проблемы. Но по аутентичной компьютерной версии материалов можно изучать, как люди реагировали на реформу.

Материалы и литература

Прокофьев Г.Н. О неводе, одежде ненцев, (Туруханский район Красноярского края). Полевые записи. Автограф. 23.08 – 25.09 1921 г. Архив МАЭ РАН, ф. 6, оп.1

Прокофьев Г.Н. Дневники 1925-26 гг. Янов-Стан. (автограф и копия Е.Д. Прокофьевой 1955 г.) Архив МАЭ РАН, ф. 6, оп.1

Подлинники выписок Г.Н. из документов Турух. УИК'а и Тазовск. РИК'а 1924-25-26 гг. Архив МАЭ РАН, ф. 6, оп.1

Прокофьев Г.Н. Большеземельская Тундра, 1930 г. Материалы (автограф и копия Е.Д. Прокофьевой 1955 г.) Архив МАЭ РАН, ф. 6, оп.1

История Отечества с древнейших времен до наших дней: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001

90 лет без буквы «ять» // Интернет-сайт <http://tverdyi-znak.livejournal.com/62418.html>

Хоружая Вера Сергеевна

Программист ЛАЛС НИВЦ МГУ

* * *

Антон Циммерлинг

(Москва)

Устная традиция в письменной культуре

Одной из областей, где устанавливается отношение ядра и периферии, является передача информации. Обычно один из каналов – либо устный, либо письменный – является главенствующим, а второй канал закреплен за сообщениями особого типа, в частном случае – за текстами особого жанра. В младописьменном обществе, некоторые представители которого владеют письменностью, письменная фиксация иногда связана с книжной традицией (жанры трактата, жития). В обществе современного европейского типа маргинализуются жанры анекдота, песни, частушки: их передача преимущественно связана с устной традицией, которая не предполагает однозначной письменной фиксации сообщения в окончательной форме и оставляет рассказчикам и исполнителям возможность модифицировать текст, исходя из представления о том, как оптимально может быть выражено данное содержание в речевом произведении избранного жанра. Критерием тождества текста в этих условиях является готовность общества санкционировать внесенные изменения и культурная конвенция о том, что сама форма существования текстов данного типа дает право эти изменения вносить.

В современных условиях грань между устной и письменной речью (если не понимать под устной речью любые воспринимаемые ухом сообщения на естественном языке – в этом случае зачитывание письменного

текста по бумажке тоже формально является устной речью) нивелируется в силу распространения интернета и форм общения, технически приближающих обмен письменными текстами в режиме реального времени к устной речи. Обмен репликами в чате или дискуссия на форуме близки к устному диалогу не только по стилю, но и по сути, хотя данные формы общения имеют и явные черты письменной речи: коммуниканты могут не знать точного произношения употребляемых слов (при общении на иностранном языке) или же употребленные письменные знаки могут не иметь однозначного произношения (при использовании не полностью сложившихся языков субкультуры).

Фетишизация технических средств фиксации текста в контрастивном исследовании устной и письменной традиции неуместна. Теории М.М.Бахтина и М.И.Стеблин-Каменского фактически представляют передачу письменного текста в письменной культуре как операцию *copy-n-paste*, носящую механический характер и не предполагающую никакого содержательного анализа текста, а традирование устного текста как операцию, немислимую вне реанализа и исключаящую буквальное запоминание услышанного в невариативной форме. Единственное исключение, по Стеблин-Каменскому, составляет поэзия скальдов, где мы имеем дело с невариативным воспроизведением устных авторских текстов. Связанные с реанализом искажения при передаче письменного текста сторонник подобных теорий будет толковать как проявление «устной» традиции, что приводит к порочному кругу.

В докладе планируется рассмотреть варьирование текста русских авторских песен 19-20 вв., которые на некотором этапе передачи превращаются в фольклор и квалифицируются в хрестоматиях и песенниках как «народные». Это объясняется тем, что песни определенной тематики (об удалых молодцах, цыганах, совращенных девушках, царских ссыльных и советских заключенных), подбора лексики, стихотворного размера и рифмовки, воспринимаются как общее достояние. Способ ознакомления – прослушивание или знакомство с переписанным текстом/нотной записью не играет большой роли. Новая информация всегда возникает в результате обработки текста предшественника – стилистической или цензурной правки, вставок и сокращений. Возникающие при этом абсурдные с точки зрения здравого смысла сегменты (ср. *как русалка сквозь траву* или *Бродяга Байкал переехал – навстречу родимая мать* и т.п.) не исправляются потому, что алогичность или экстравагантность воспринимаются как общее свойство всех текстов данного жанра. Аналогичным образом, видимо, объясняются многие

темные места в средневековых памятниках, пересказываемых или переписываемых в течении длительного времени.

Циммерлинг Антон Владимирович

доктор филологических наук, профессор,

МГГУ имени М.А.Шолохова/РГГУ, профессор/внс

(Professor, Dr. phil. habil. Anton Zimmerling

Moscow State University for Humanities (MGGU), department of Russian / Russian University of Humanities (RGGU), Center of Comparative Studies)

* * *

Андрей Чернов

(Санкт-Петербург)

КРЮКОВ И ШОЛОХОВ. ОБ ОДНОМ НОВЕЙШЕМ ФАЛЬСИФИКАТЕ

(*Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: Судьба и правда великого романа / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Науч. ред. А.Л. Гришунин. – М.: ИМЛИ РАН. 2005.*)

Ф.Ф. Кузнецов утверждает, что словарь диалектизмов Федора Крюкова существенно беднее, чем у Шолохова: «Из 426 диалектизмов в рассказах Крюкова лишь 198 совпадают с диалектными словами в «Тихом Доне», что составляет 15%. Из 468 диалектных слов в «Донских рассказах» в «Тихом Доне» присутствует 388, что составляет почти 85%» (с. 729).

Однако 198 от 426 – не 15, а 46,5 %.

По Кузнецову, в компьютер были введены тексты Ф.Д. Крюкова: 1. «Рассказы. Публицистика» (М., 1990); 2. «Казацкие мотивы» (М., 1993); 3. Рассказы и очерки Крюкова, опубликованные в периодических изданиях начала XX века» (с. 722).

При этом корпус текстов составил 572074 слова (с. 723).

Утверждается, что проанализированы следующие произведения (повторы даны курсивом):

1. *Казачка*. Из дневника учителя Васюхина. К источнику исцелений. *Встреча*. Отрада. Полчаса. В камере № 380. Мать. Человек. Счастье. *Без огня. Сеть мирская*. Мечты. Зыбь. Четверо. Душа одна. Обвал. *Край родной*. Речь на заседании первой Государственной Думы. Два мира. Перевелись ли богатыри? В сугробах. Новое. В сфере колдовства и мути. Памяти П.Ф. Якубовича.

2. *Казачка*. В родных местах. Картинки школьной жизни. *Встреча. Сеть мирская*. Шульгинская расправа. На речке лазоревой. Угловые жильцы. *Без огня*. Неопалимая Купина. Четверо. 9–11 июля 1906. *Край родной* (И еще пять некрологов).

В сумме это 37 разных текстов. Около 920 страниц среднего формата. Или 270 000 слов. И еще почти 300 тысяч слов произведений «начала XX века» (двухтомник по 500 страниц в томе), перечень которых не приводится.

Однако все это – неправда. В заявленном объеме анализ крюковских текстов Кузнецовым не проводился.

Кузнецов пишет: «Природа представлена в «Тихом Доне» в таких диалектных словах, как *буерак, лог, ложок, яр, балка, теклина, отножина, изволок, увал, займище, урема, ендова, музга, левада*; растительный мир – названия целебных и других трав, цветов – находит отражение в таких словах, как *яровик, чернолист, змеиное око, аржанец, татарник, медвянка, дурнопьян, горюнок, богородицына травка, куга, чакан, сибирек, череда, донник*; названия, связанные с рекой и рыбной ловлей, – в словах: *стремя, коловерть, наслус, прорва, стор, вентерь, черпало* и т. д. Из 39 перечисленных диалектных слов, связанных с природой, в рассказах Крюкова встречаются лишь шесть: *изволок, займище, левада, дурнопьян, куга, коловерть*» (с. 731).

Уточним: «слов» в этом списке Кузнецова не 39, а 35. Из них 20 (т. е. 57%) найдены в прозе Крюкова; выше мы выделили их *п/ж*. (И это при том, что мы проанализировали лишь около половины крюковского наследия.)

Возьмем для примера слово *балка*. «Недалеко от Шульгинского городка находилась широкая **балка**, заросшая густым лыком...» («*Шульгинская расправа*»); «синеватые **балки** с жидким леском («*К источнику исцелений*»); «Синеватые **балки** жмурились в переливающихся струях горячего воздуха» («*В родных местах*»); «Тени облаков... безмолвно скользят по черным коврам взрытой земли, по косичкам нежной зелени над **балками**, по старому коричневому бурьяну на высоких глинистых шпильях» («*Зыбь*»); «Вон над **балкой** вьются бирюзовые клубочки...» («*Зыбь*»); «Никифор выпряг Корсачную и повел в **балку**...» («*Зыбь*»).

Кузнецов утверждает, что слова «*дурнопьян* вообще нет у Крюкова» (с. 732). Но:

<p>...кривые улочки хуторка, поросшие колючкой и дурнопьяном с белыми цветами</p> <p>«Из дневника учителя Васюхина»</p>	<p>– Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, таким цветком белым...</p> <p>ТД, 1, IV, 35</p>
--	--

Если верить Кузнецову, Крюков не употребляет слова *арба* (с. 731). Это не так, см.: «Казачка», «Зыбрь» (многократно), «Мечты», «Душа одна», «Шульгинская расправа», «Четверо» (многократно).

Есть и связанные с *арбой* метафоры:

<p>ребра из боков арбы;</p> <p>ребра арбы «Четверо»</p>	<p>между ребер арбы ТД: 1, IX, 49</p> <p>спиной к ребрам арбы ТД: 8, VI, 356</p>
--	--

Добавим еще и прямую параллель: *между ребер арбы* («Весна-красна»).

По НКРЯ *ребра арбы* встречаются только в ТД.

Есть у Крюкова и *дрог* (отрицаются на с. 731): «Зыбрь», «Мечты», «На речке лазоревой» и т. д. Есть и *фурманка* («Мечты», «На речке лазоревой»), и *двуколка* («Душа одна»), а в рассказе «На речке лазоревой» – *полсть* (подстилка из войлока), которой Кузнецов также отказывает в праве быть известной Крюкову (с. 732).

Кузнецов не нашел слов *зипун, сюртук, голицы, катух, треух, закут, завеска* (последнее встречается только в рассказе «Отец Нелид»), *стряпка, полудневать* и пр. Он проигнорировал их, как и десятки других параллелей с ТД.

В списках Кузнецова не найдешь ковыля, пырея, чернобыля (в ТД чернобыля), татарника и еще нескольких сотен других диалектизмов,

встречающихся и в ранней прозе Крюкова, и в ТД. Нет тут и длинного списка диалектизмов, неизвестных ТД.

Сегодня в электронном виде мы располагаем суммой произведений Крюкова, в которой более 550 тысяч слов. Сотни совпадений диалектизмов, авторских метафор и других вербально-синтаксических элементов свидетельствуют о практической идентичности словаря «Тихого Дона» и прозы Федора Крюкова.

Большая часть текстов выложена на сайте Ф.Д. Крюкова:

<http://fedor-krjukov.narod.ru/index.htm>

В отличие от кузнецовских, наши результаты легко проверяемы.

Но, может быть, Кузнецов читал какого-то другого, *своего* Федора Крюкова?

СОКРАЩЕНИЯ

ДС – Большой толковый словарь Донского казачества. М., 2003.

НКРЯ – электронный «Национальный корпус русского языка»:
<http://ruscorpora.ru/search-main.html>

Чернов Андрей Юрьевич

писатель, член Петербургского ПЕН-клуба

* * *

И.А. Шаронов

(РГГУ, Москва)

МЕЖДОМЕТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (РОЛЬ И
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

Первичные эмоциональные междометия – трудный материал для грамматического и лексикографического описания. Причина этого заключается в слабой связи между формальной и содержательной сторонами данного языкового знака. Считается, что междометия диффузны, в зависимости от интонации они способны выражать самые разные эмоциональные состояния. Толкования эмоциональных междометий носят открытый характер, включают обычно неограниченный список эмоциональных номинаций.

В устной же речи эмоциональные выкрики, или вокальные жесты, передают эмоциональное состояние чаще всего однозначно благодаря их просодическим характеристикам, а также сопровождающим звучание мимике и жестам. Вместе с паралингвистическими знаками вокальные жесты составляют симптоматическое представление эмоционального состояния субъекта. Тем самым можно сделать вывод, что выявление типовых вокальных жестов, число которых заведомо меньше списка эмоциональных номинаций русского языка, способно облегчить задачу лексикографического описания междометий.

Отношения вокальных жестов и их письменных фиксаций (междометий) неоднозначно. В силу слабой конвенциональности и влияния просодии один и тот же вокальный жест на письме часто передается разными междометиями. С другой стороны, как показывает материал, одно междометие способно передавать разные вокальные жесты.

Возникает вопрос, зачем вообще языку нужны такие странные знаки, плохо передаваемые на письме. Ведь автор легко может описывать состояние субъекта, не апеллируя к вокальным жестам.

Междометия – иконические знаки. Как и другие звукоподражательные слова, они служат «живописанию», погружению читателя художественного текста в описываемую ситуацию. Автор силится перевести читателя в ранг зрителя и слушателя. Правда, для того, чтобы это произошло, читатель из контекста должен понять, какой вокальный жест выкрикивает персонаж. Повторив вслед за персонажем звучание выкрика, читатель осознает и передаваемую им эмоцию.

В докладе на примере нескольких вокальных жестов будет продемонстрирована модель выявления такого рода звучаний из типовых контекстов.

Игорь Алексеевич Шаронов
к.ф.н.декан ФТиПЛ, Институт лингвистики, РГГУ

* * *

Е.Я. Шмелева

(Москва)

Опыт лингвистической футурологии: каким будет русский язык XXI в.?

В последние годы в России чрезвычайную популярность приобретает «лингвистическая футурология»: в серьезной лингвистической литературе и в прессе высказываются соображения о том, каким будет русский язык в XXI веке, каковы тенденции развития языка, какими будут орфоэпические и орфографические нормы, какова возможность радикальных изменений в его строе и сфере употребления. Впрочем, нередко в ходе таких дискуссий высказывается мнение, что у русского языка вообще нет будущего: число носителей русского языка в мире постоянно уменьшается, его престиж и популярность в мире падает. Говорят, что кириллице все равно рано или поздно придется отступить перед общепонятной латиницей (особенно активно идея перехода на латиницу обсуждалась в 90-ые годы прошлого века, когда компьютеры еще плохо освоили кириллические шрифты). Поскольку практически все слова в научном, интеллектуальном, политическом, экономическом, деловом, культурном языке заимствованные, русский язык, может быть, сохранится как язык поэзии, бабушкиных сказок и песен, но использовать его в коммуникативных системах будущего века будет просто нерационально, и постепенно он начнет забываться [Мельц 2002]. Русский язык на наших глазах становится все более похож на английский. В нем появляются слова и синтаксические конструкции, заимствованные из английского языка, растет число семантических калек и аналитических прилагательных. Может быть, на основе русского в будущем будет построен такой машинный язык, по отношению к которому современный русский будет только частным случаем? В общем, в долгосрочной перспективе судьба русского языка неясна: «останется ли он русским или, по прошествии нескольких веков, олатинится по алфавиту, или по лексике, или даже и по грамматике — вольется в мировой язык,

составленный, скорей всего, на основе английского и испанского» [Эпштейн 2000].

Конечно, к таким прогнозам трудно относиться серьезно, но значит ли это, что порочна сама идея лингвистического прогнозирования? По-видимому, нет. Есть несколько основных постулатов прогностики, которым должен удовлетворять прогнозируемый объект. Это инерционность исследуемого объекта, наличие у объекта прогнозирования долговременных и однонаправленных тенденций развития, понимание причинно-следственной связи происходящих явлений и наличие обширных, математически обработанных баз данных. Легко видеть, что современный русский литературный язык и состояние науки о нем в целом удовлетворяют постулатам прогностики. Это, конечно, не значит, что лингвистические прогнозы (впрочем, как и любые прогнозы) гарантированы от ошибок. Работы классиков русистики изобилуют ошибочными или не сбывшимися прогнозами относительно изменений в русском языке. Известны (впрочем, сравнительно немногочисленные) удачные языковые прогнозы: английского языка у Сепира и русского у Поливанова и Петерсона [Иванов 2004].

В докладе рассматриваются несколько относительно недавних статей, посвященных будущему русского языка в XXI веке ([Горбачевич 1990]; [Николаенко 1999], [Сиротинина 2009]), и дается собственный прогноз автора касательно некоторых общих черт русского языка в ближайшем будущем и устойчивых тенденций развития языка.

Литература

Горбачевич 1990 – *Горбачевич К.С.* Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика, 1990, № 2.

Иванов 2004 – *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004.

Мельц 2002 – *Мельц Б.* У русского языка нет будущего // Вечерний Нью-Йорк, 4 мая 2002 г.

Николаенко 1999 – *Николаенко В.В.* Каким будет русский язык 2051 года? // platonius.narod.ru/glotta1.htm

Сиротинина 2009 – *Сиротинина О.Б.* Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации. Вып.9. Саратов, 2009.

Эпштейн 2000 – *Эпштейн М.Н.* О будущем языка // Знамя, 2000, № 9.

Шмелева Елена Яковлевна, к. филол. н.
ст. н. с. Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

* * *

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.

(Москва)

АНЕКДОТЫ В РУССКОМ «ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ»

Рассказывание анекдота представляет собою устный речевой жанр. Однако в последние два десятилетия чрезвычайно широкое распространение получило функционирование анекдотов в качестве записанных текстов, и сочетание *прочсть анекдот* стало довольно частотным в современных текстах. Идея чтения анекдотов уже не является в настоящее время чем-то из ряда вон выходящим, она отражается даже в названиях некоторых сайтов в электрическом Интернете.

Прежде чем перейти к обсуждению особенностей анекдотов в русском «Живом журнале», мы рассмотрим основные типы бытования анекдотов на письме и некоторые языковые особенности письменного текста анекдотов на фоне языковой специфики анекдота как устного речевого жанра.

Как и любые произведения устных речевых жанров, рассказанные анекдоты допускают письменную фиксацию. Такая фиксация может осуществляться как с научными, так и с развлекательными целями. Следует различать два типа письменной фиксации анекдота: с одной стороны, может фиксироваться конкретный акт рассказывания анекдота, а с другой – может записываться инвариантный текст анекдота, реализующийся в конкретных актах рассказывания. При фиксации конкретного акта рассказывания могут указываться разнообразные параметры данного акта; однако для большинства целей оказывается возможным отвлечься от особенностей конкретного акта рассказывания и ограничиться фиксацией инвариантного текста анекдота, взятого в отвлечении от отдельных актов его рассказывания. Фиксация конкретного акта рассказывания чаще всего осуществляется с научными целями; вне таких целей она используется редко и, как правило, далека от точности. Обычно «наивная» фиксация анекдота ограничивается

текстом анекдота, отвлеченным от конкретных актов рассказывания, т. е. приближается к инвариантному тексту анекдота.

Интернет создал новую среду бытования анекдотов. В этой среде анекдоты представлены в письменной форме, но таким образом, что их представление обнаруживает ряд черт устного рассказывания анекдотов. С точки зрения приближенности к устному функционированию анекдотов разграничиваются динамические и статические собрания (Крикманн). Статические собрания, будучи созданными, не изменяются (или изменяются мало). К динамическим собраниям относятся многие сайты анекдотов, а также «отделы анекдотов» на порталах разного рода, побуждающие всех пользователей оценивать размещенные в собрании анекдоты, а также пополнять собрание. Варьирование текста анекдота в собраниях существенно меньше, нежели на форумах и чатах, а также в блогах (и, в частности, в «Живом журнале»). Это и понятно: размещение анекдота в электронных собраниях часто осуществляется посредством копирования анекдота из уже имеющихся собраний. В тексте анекдотов из электронных собраний, как правило, отсутствуют показатели спонтанности (такие, как «слова-паразиты»). Анекдоты на форумах и чатах, когда записывание анекдота не отделено во времени от его восприятия, в норме сопровождаются «метатекстовыми вводами»; оформление текста анекдота бывает максимально приближено к его оформлению при устном рассказывании (напр., иногда используются «слова-паразиты»).

Что касается до представления анекдота в блогах, то следует отметить разнообразие речевых жанров, в которых такое представление может использоваться. Используются все те жанры, что и при устном общении: рассказывание анекдота, предположительно неизвестного адресатам речи, напоминание анекдота, цитирование анекдота. Наряду с этим встречаются более изысканные речевые жанры, напр. обсуждение происхождения анекдота, неявных отсылок к анекдоту и т. п. – все то, что воспринимается как принадлежность научного дискурса. Любопытно, что именно в «Живом журнале» были впервые опубликованы наблюдения касательно вероятных источников упоминания анекдотов в заключительных абзацах «Четвертой прозы» Осипа Мандельштама.

Шмелев Алексей Дмитриевич, д. филол. н., зав.отделом
культуры русской речи Института русского языка им.
В.В.Виноградова РАН

* * *

М.А. Шмелева

(Москва)

Библиотечное столпотворение (Маргиналии на полях виртуальной книги)

1. Библия как текст, в значительной степени сформировавший европейскую культуру, представлена массой интерпретаций. Объектом исследования при этом оказывается не только библейский сюжет, но и литературная традиция, этот сюжет интерпретирующая. В докладе будут рассмотрены некоторые особенности интерпретации библейского концепта «Вавилонская башня» в литературе XX в.

2. Мы остановимся лишь на одной традиции интерпретации этого концепта, восходящей к роману Элиаса Канетти «Ослепление» («Die Blendung») (1932; опубл. в1935). Хотя в тексте романа Вавилонская башня не упомянута ни разу, эта тема в тексте вычитывается достаточно отчетливо, что материализовалось в переводах: французское издание было озаглавлено «La Tour de Babel», американское «The Tower of Babel». Не называя Башню по имени, Канетти отчетливо прописывает основные мотивы этого концепта. Здесь и служение фетишу (библиотека Кина – гуманистический вариант Вавилонской башни), и нарушение коммуникации (постоянные диалоги слепого с глухим), гротескные мотивы неба и высоты и, наконец, разрушение башни (пожар библиотеки).

4. В развитии концепта Вавилонской башни в XX веке роман Канетти сыграл особую роль. Возникла целая литературная традиция интерпретации этой мифологемы, опирающаяся уже не на Священное писание, а на роман «Ослепление». Именно благодаря Канетти в литературе XX в. появился образ библиотеки, наделенной основными чертами Вавилонской башни, библиотеки моделирующей мир и одновременно подменяющей его собой.

5. Эссе Борхеса «Вавилонская библиотека» (*La biblioteca de Babel*) появилось через несколько лет после публикации книги Канетти. Это достаточно отстраненное описание библиотеки, подменяющей мироздание. Прямых аллюзий к тексту Канетти здесь нет, однако внутренняя связь этих текстов совершенно очевидна. При этом описанная Борхесом вселенная-библиотека лишена тех отрицательных коннотаций, которые имеются в романе Канетти. Библиотека равная мирозданию описывается достаточно отстраненно, как описывают явления природы или памятники архитектуры. Подобно Вселенной, Вавилонская библиотека является для описывающего ее наблюдателя данностью. Вопрос о том, имеет ли башня-библиотека начало и конец, обсуждается как чисто умозрительная проблема. Примечательно, что эту библиотеку-вселенную Борхес сам называет «вавилонской», хотя в тексте смысл названия впрямую не раскрывается. Однако в написанном 11 лет спустя эссе «О культе книг» (*Del culto de los libros*) идея вселенной-библиотеки уже доведена до своего логического конца. По Борхесу, каждая книга - это кирпичик человеческого знания, в котором как в зеркале отражается идея творения мира. Создание и прочтение книг понимается здесь как постижение Творца и мироздания, а собирание книг оказывается рациональным способом приближения к Богу.

6. Параллель между библиотекой и Вавилонской башней прослеживается и в романе Умберто Эко «Имя розы» (1980). Связь этого романа с «Ослеплением» и «Вавилонской библиотекой» выражена довольно четко. Это и очевидная аллюзия к книжному аутодафе Канетти, и библиотека-лабиринт, хранителем которой является слепой монах Хорхе (что прямо указывает на Хорхе Луиса Борхеса, утратившего в конце жизни зрение и работавшего при этом директором Аргентинской библиотеки). Важно отметить, что Эко ориентируется не только на сложившуюся литературную традицию осмысления мифологемы Вавилонской башни, но и на святоотеческую традицию толкований Библии, на труды античных историков, библейскую археологию.

7. Таким образом, в культуре XX века Вавилонская башня начинает соотноситься не с сооружением из кирпичей, соединенных земной смолой, а с собранием книг, содержащих всю земную мудрость. При этом библейский штурм небес приобретает характер литературной игры, а возникшее в результате столпотворения многоязычие этому только способствует.

* * *

*Е.Ю. Щербакова**(Москва)*

Онтологические основы связности текста – роль в познании (на материале русских народных сказок)

Ставится задача показать, что текст народной сказки, в совокупности своей структуры и лексики, является скоординированным единством, которое способствует формированию у ребенка как целостного представления о мире, так и связного представления о языке.

Основанием для анализа текста выбраны такие неотъемлемые категории бытия, как **потребность, средство и цель** и формализованный аппарат в виде фрагмента порождающей грамматики, в этом варианте моделирующей целесообразную человеческую деятельность. Для первого опыта такого анализа в качестве материала взято несколько коротких русских сказок, адресованных самым маленьким детям.

Действуя в рамках референциального подхода к семантике, мы исходим из того, что в любом тексте как фрагменте языкового мира должен изоморфно, через референцию языковых знаков и элементов действительности, отразиться фрагмент мира реального. В тексте сказки, при этом, скрыты **существенные** знания об устройстве этого мира.

Тексты сказок рассматриваются с точки зрения того, как в них выражаются названные онтологические категории, между которыми существуют следующие связи каузального характера: в данной^[65] модели мира потребность **N** (need) однозначно определяет постановку цели **A** (aim), **A** предполагает выбор из некоторого множества возможных средств **M** (means), которые ведут к достижению цели **A+** (aim achieved), т.е. завершению ситуационного цикла, что выражается соответствующими импликациями.

Данная последовательность импликаций является канонической, так как отражает естественный порядок целесообразной человеческой деятельности. В тексте же фрагменты, отображающие ее этапы, могут располагаться и иначе – причиной тому определенные законы его организации, которые не отменяют незыблемости порядка канонического.

Целесообразная деятельность человека в ее стереотипном варианте, может быть описана фрагментом порождающей грамматики, которая была использована в [Мартемьянов 1969], при наполнении ее правил символами вышеназванных категорий. Модель отраженной в тексте целесообразной деятельности человека будет тем метаязыком, который позволит сопоставлять анализируемый текст и стоящий за ним “Мир”.

Текст сказки разбивается на фрагменты, которым ставится в соответствие символ той категории (A_n , M_n и A_{n+}), которая находит отражение в данном фрагменте, где n – символ (здесь номер), идентифицирующий “проблемную” ситуацию. Помимо фрагментов, отображающих выделенные бытийные категории, в тексте всегда присутствуют фрагменты, описывающие предшествующее, еще “не потревоженное” состояние данного фрагмента мира ($N=\emptyset$, $A=\emptyset$). Они, как правило, предваряют завязку или следующий поворот сюжета.

Анализа текста показывает, что признак “отражение категории X” задает разбиение текста “без остатка”, т.е. не осталось фрагментов, не отождествленных с какой-либо из заданных категорий, что означает существование принципиальной возможности построения связного дерева всего сказочного текста. Этот факт заслуживает особого внимания, так как свидетельствует о том, что в сказке заложено представление о глубинной связности миропорядка. Текст в своей структуре может также отражать и иерархию в “статическом” устройстве мира («Репка»).

Сказка представляет собой алгоритм, а тем самым стереотип поведения субъекта, способного осуществлять целесообразную деятельность: ставить цель и, сообразуясь с ней, выбирать путь ее достижения.

Сказка, адресатом которой маленький ребенок в возрасте 1–2-х лет, является примером “объективно эксплицитного текста” [Мартемьянов 1979], поэтому ее текст, с одной стороны, содержит минимум не отображенных референтов: почти каждый референт мира «спроецирован» в текст. Мир ребенка этого возраста охватывает зримые и осязаемые референты, значит и сказочный вокабуляр состоит в основном из базовой лексики, а абстрактная лексика, вмещающая сложное “ситуативное” образование

(абстрактные существительные, оценочные прилагательные и т.п.), как, например, “**Хитрый** козел”, “Заяц-хвоста” в сказках для маленьких практически отсутствует. Обычно такие структуры остаются без лексикализации, и это отсутствие восполняется наличием структурного описания соответствующего фрагмента действительности, что вызывает у человека необходимость (**потребность**) его как-то обозначить, что создает перспективу языкового развития – в частности, **ситуативно связанный словарь**, отражающий логику ситуаций мира, через который он познает взаимосвязь между действиями (*посадил репку – выросла репка – вытащил репку*) и с ней основную схему целесообразной деятельности человека.

Таким образом, в сознании ребенка сказка своей “глубинной” категориальной структурой подспудно формирует представление о взаимосвязях в устройстве мира и деятельности человека, что является организующим началом в формировании связности мышления ребенка и залогом его психологической стабильности.

Подводя итог, можно сказать, что как в мире, так и в тексте **разнообразие** “словаря” организуется **единообразием** структур, достаточно простых, чтобы человек с раннего возраста мог осваивать язык, а через него познавать и мир в его порядке.

Щербакова Елена Юрьевна
доцент РГГУ

* * *

* *

*

^[1] Эйдолон – греч. «двойник», «подобие», «видение», «призрак»; в средневековую иконографию образ был заимствован с греческих гемм и погребальных ваз, где он символизировал душу человека.

^[2] См., например иконы конца XV-начала XVI вв. из собрания ЦМиАР (Инв. № КП 183, КП 186) и НГОМЗ (Инв. № ДРЖ-3074).

^[3] НГОМЗ. Инв. № 2124.

^[4] См., например, клеймо 13 иконы «Святитель Николай Мирликийский, с Житием» (сер. XIV в.) из частного собрания В.А. Логвиненко.

^[5] Некоторые произведения Даниила Ивановича Хармса. Меня называют капуцином / Сост. А. Герасимовой, М.: МП “Каравенто” совместно с фирмой “Пикмент”, 1993, стр. 238.

^[6] 10 (23) мая 1915 г. Италия вступила в войну на стороне стран Антанты.

^[7] Бахтин М.М. К вопросам самосознания // Литературная учеба. 1992. Кн. 5/6. С. 156.

^[8] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репринтное воспроизведение издания 1903 – 1909 гг., осуществленного под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. Т. 1. Ст. 1094.

^[9] Шергин Б.В. Праведное солнце. Дневники разных лет / сост., биограф. очерк, подгот. текстов и примеч. А.В. Грунговского; подгот. текстов, статья «Сокровенный Шергин» Е.Ш. Галимовой. СПб.: Библиополис, 2009. С. 648. Далее все цитаты даются по этому изданию, страницы указываются в скобках.

^[10] Шперк Ф.Э. Литературная критика / вступ. статья, составл. и коммент. Т.В. Савиной. Новосибирск, 2001. С. 101.

^[11] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации», проект «Дневниковый текст и его место в типологии повествовательных форм».

^[12] Ср. Б.А. Успенский. Поэтика композиции. // Б.А. Успенский. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 36.

^[13] См. Веселова. В. Эпитафия – формульный жанр // [Вопросы литературы» 2006, №2.](#)

^[14] См. Лурье В.Ф. Девичий альбом XX века (http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/dev_albom.html)

^[15] Чистяков Г., свящ. Немая музыка псалмов. Цит. по: Меерсон О. Персонализм как поэтика. СПб., 2009, с. 45.

^[16] Ср. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, с.455; Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996, с. 209.

^[17] Доклад подготовлен в рамках совместного инициативного проекта лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова и отдела этнографии народов Сибири МАЭ РАН, цель которого – оцифровка и публикация материалов архива Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых.

^[18] Описание Архива Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых опубликовано в [Казакевич 2009].

^[19] Об этом дневнике см. [Гаген-Торн 1992; Казакевич 2008].

^[20] *Каслание* – передвижение на оленьих упряжках.

^[21] *Аргиши* – караван из оленьих упряжек; отсюда: *аргишитъ* – передвигаться в аргише.

^[22] В русских северных и сибирских говорах слово *санки* употребляется в единственном числе, не являясь *pluralia tantum*.

^[23] См., например: Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога. 1904. С. 36.

^[24] Последнее обстоятельство, однако, связано с особенностями родительских записей. Такие фрагменты легко рассматривать как стихотворения с длинными рифмующимися строками.

^[25] К этому же противоположному краю культуры (точнее, уже научного творчества) можно отнести и многочисленные искусственные языки, создаваемые для каждой отдельной отрасли науки, средствами которых можно даже выразить целый диалог компьютерного общения. Может быть, они по-своему компенсируют утрату народного начала, то есть фольклора, в современном авторском мире? Ведь они тоже содержат элемент фантазии и изобретательства. Но вряд ли удастся отобразить на одном из таких формализованных языков цветистость русской речи...

^[26] Подробнее я могу проследить творческий путь от тундры до Москвы еще одного только северного автора, больше мне известного, Н.П. Леонтьева (НПЛ) – писателя и поэта, воспевшего Оленьи края и жемчужину Севера реку Печору. Начал он как собиратель северного фольклора, записавший и издавший много былин и песен, некоторые впервые. Поскольку и сам был носителем того же своеобразного северного языка, он писал также незамысловатые по содержанию (к этому располагало время) стихи, которые и разбрасывал по всем тем местам, где доводилось жить и работать. Открыл и привез в Москву (в Дом народного творчества) печорскую сказительницу М.Р.

Голубкову, начал с ней вместе сочинять «новины» (=былины о новой жизни); знание жизни и языка населения тундры отражены в трех больших совместных с ней повестях, собранных в книгу «Мать Печора». Чуткий к поэтическому слову, НПЛ скоро понял фальшь новых былин как «жанра соцреализма» и написал две острые статьи в журнал «Новый мир» с разоблачением такого псевдотворчества. В Москве НПЛ сохранил свой северный говор только в устной речи, а как писатель перешел на общелитературный язык, работая переводчиком и критиком, рецензируя в основном творчество северян, продвигая самых способных из них в «большую литературу» и беспощадно высмеивая графоманов. Главным своим сочинением НПЛ считал драматическую поэму «Михайло Ломоносов», законченную им в 1945 году (НПЛ был участником и инвалидом войны, и в 2010 г. ему было бы 100 лет). В страстные монологи своего любимого героя НПЛ как земляк Ломоносова вложил и свой протест против насилия и репрессий режима, который искалечил столько творческих судеб. Для нас эта поэма ценна напоминанием жизненных вех, воссозданием деталей быта и трудностей характера самородка-ученого и поэта, а также переданным в ней своеобразным северным говором.

^[27] Ведь не секрет, что непривычная, хоть и художественная, речь вызывает иногда отторжение у людей, привыкших к стандартному и легко воспринимаемому потоку звуков. Помню реакцию четырёхлетнего ребенка, который первый раз услышал по радио русские частушки: «Фу, как не по-русскому поют. Некрасиво, выключи».

^[28] «Поиде Святославъ в пороги. и нападе на нь Куря князь Печенежъский. и оубиша Святослава. [и] взяша главу его. и во лбе его съделаша чашю. оковаше лобъ его. и пьяху по немь» (ПСРЛ, т. I, стб. 72).

^[29] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Образы ангелов и демонов в средневековой Руси: текстовая традиция и проблемы ее визуализации (XI - начало XVIII в.)», № 09-04-00135а.

^[30] Momigliano A. (ed.). *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford, 1963. P. 93.

^[31] ПСРЛ. Т. 1. Л. 1926. Стб. 82-83.

^[32] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 261-262.

^[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 39-41, 79, 82-83, 91, 147-148, 174-181.

^[34] Там же. Стб. 47, 130-146, 182, 310.

^[35] Там же. Стб. 167.

^[36] Однако на миниатюрах Радзивилловской летописи эти краткие формулы получают нарративное развитие, и дьявол появляется «в кадре», например, за спиной князя Василька Ростиславича (Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание. СПб, 1994. Кн. 1. Л. 138 об.).

^[37] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 191-198; Древнерусские патерики. М., 1999. С. 77-80.

^[38] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 89.

^[39] Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

^[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440-441.

^[41] Михеев М.Ю. Компиляция или... языковые клише? Сравнивая характерные для авторского стиля наборы словосочетаний // Материалы конференции ДИАЛОГ-2010 (в печати).

^[42] ...роман практически дописан, хотя и не отредактирован автором (<http://chernov-trezin.narod.ru/maroderSHOLOHOV-0.htm>)

^[43] Это явление подробно описано нами в кн. *Разлогова Е.Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов*. М.: Изд-во МГУ, 2004, 199 стр.

[44]

[56] Исторический архив ГМИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 12.

[57] Авторы: Edmond Perrier, Armand Quatrefages, Ernest Théodore Hamy. "Les émules de Darwin", т. 2.

[58] Роменс (Romanes) – англ. натуралист, 1848–1894. Работы по психологии животных. "Animal Intelligence" (1881, перев. на рус. яз.), "Mental evolution in animals" (1883, рус. пер. "Эволюция ума животных"), "Evolution in Man" (1888), "Darwin and after Darwin" (1892) См. "The Life of R." (1896).

[59] Видерсгейм Роберт (Robert Wiedersheim) – выдающийся немецкий анатом, род. в 1848 г. в Нюртингене, учился в Тюбингене, в 1883 г. Вюрцбурге, ордин. проф. анатомии и сравнительной анатомии. Научные труды касаются преимущественно анатомии позвоночных животных. Большой известностью пользуются его ценные учебники: "Lehrbuch der vergleichenden Anatomie der Wirbelthiere" (2-е изд., 1886) и "Grundriss der vergleichenden Anatomie der Wirbelthiere" (4-е изд., 1898).

[60] Меншуткин Н.А. (12.10.1842, Санкт-Петербург – 23.01.1907, там же) – русский химик. С 1865 по 1902 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете с 1869 – профессор; в 1902–1907 гг. – профессор Петербургского политехнического института.

[61] Кук (*Josiah-Parsons Cooke*; 1827–1894) – американский химик. В 1845 он поступил в колледж Гарварда (Кембридж), который закончил в 1848. С 1850 Кук был назначен преподавателем минералогии. С 1858 до своей смерти Кук работал в устроенной им химической лаборатории в гарвардском колледже. Высокий уровень преподавания химии в то время в этом учебном заведении считается заслугой Кука. В 1882 Кембриджский университет присвоил Куку степень доктора. Из сочинений Кука известны: «Религия и химия», «Основы физической химии», «Принципы химической философии», «Новая химия» и другие.

[62] Гертвиг, (Hertwig) Оскар (21.04.1849, Фридрихсберг, – 25.10.1922, Берлин), немецкий биолог. Основатель и директор анатомического института Берлинского университета (1888–1921). Основные труды в области морфологии беспозвоночных, цитологии и эмбриологии.

[63] Этажом ниже от квартиры Бугаевых на Арбате 55 поселилась семья Михаила Сергеевича Соловьева (1862-1903). Двери в квартиру Соловьевых стали для Б.Бугаева входом в большую литературу. Здесь произошла памятная встреча с кумиром московских символистов Владимиром Сергеевичем Соловьевым (1853-1900) и единственный разговор с ним, который Боря считал судьбоносным и символическим. Именно у Соловьевых Боре Бугаеву был придуман псевдоним "Андрей Белый", так подходящий и к его внешнему облику, и к природе его творческого дарования. И, наконец, именно супруги Соловьевы решили, что юношеские писания соседа с третьего этажа достойны того, чтобы быть напечатанными, и помогли в 1902 году опубликовать его первую книгу - "Симфонию (2-ю, драматическую)".

[64] Доклад подготовлен в рамках совместного инициативного проекта лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова и отдела этнографии народов Сибири МАЭ РАН, цель которого – оцифровка и публикация материалов архива Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых.

[65] В данной работе мы рассматриваем только такие модели мира, для которых релевантны все три названные категории. А, например, модель мира младенца до поры до времени включает только **потребность** или **отсутствие таковой**. Причинно-следственные связи мира сего на этом этапе жизни еще не познаны.